

КНИГА ПЕРВАЯ

АКАДЕМИЯ

АДАМСОН

ДЛЯ ПАРНЕЙ

Тайная девушка

*Если бы они только знали
мой секрет...*

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

К. М. СТАНИЧ

https://ok.com/zolochevskaya_irina & https://ok.com/skp_tr

Тсс, у меня есть секрет.

Греховно великолепные члены Студенческого совета — Черч, Рейнджер, Спенсер, Мика и Тобиас — никогда не должны узнать.

Надо мной и так издеваются, потому что мой отец — директор школы.

Мне не нужно, чтобы они ещё узнали, что я единственная девочка; я бы предпочла одеваться мальчиком.

В Академии Адамсона для парней теперь есть единственная ученица женского пола, но я не собираюсь быть их подопытным кроликом.

Не тогда, когда в этой школе есть секрет, о котором никто не говорит. Не тогда, когда последняя здешняя студентка оказалась мертва.

К. М. Станич

Тайная девушка

Серия: «Академия Адамсон для парней — 1»

Переводчик: Lana.Pa

Редактор: Настёна

Обложка: Wolf A.

Вычитка: RyLero4ka

Переведено группами *Золочевская Ирина* || *Б. Б. Рейд* и *Джасинда Уайлдер* ||
Переводы книг (+18)

Примечание автора

Возможные спойлеры

«Тайная девушка» — это обратный гарем, роман о хулиганах из старшей школы. Что именно это значит? Это означает, что у нашей главной героини, Шарлотты Карсон, к концу серии будет как минимум три любовных увлечения. Это также означает, что в какой-то части этой книги любовные интересы буквально запугивают Шарлотту, хотя, если вы читали другую мою серию «Богатенькие парни из Подготовительной Академии Бёрберри», эта серия гораздо более лёгкое чтение. Эта книга никоим образом не оправдывает издевательства и не романтизирует их. У любовных увлечений в этой истории действительно есть причина для их поступков, и они пытаются загладить свою вину к концу первой книги.

Любые поцелуи/сексуальные сцены с участием Шарлотты, она же Чак, происходят по обоюдному согласию. Возможно, эта книга и о старшеклассниках, но я бы не назвала их детьми. Персонажи своеобразные, эмоции реальны, нецензурная лексика широко используется. Есть несколько случаев употребления алкоголя несовершеннолетними, сексуальные ситуации, упоминание о возможном самоубийстве второстепенного персонажа и другие сценарии для взрослых, хотя серия остается довольно беззаботным чтением.

Шарлотта поначалу была немного капризной, но я надеюсь, что вы будете рядом, наблюдая за развитием её характера.;

Никто из главных героев не младше шестнадцати лет. У этой серии будет счастливый конец в третьей и последней книге.

АКАДЕМИЯ АДАМСОН
карта кампуса
ДЛЯ ПАРНЕЙ

ОБОЗНАЧЕНИЯ КАРТЫ

ГЛАВНОЕ ЗДАНИЕ

БИБЛИОТЕКА

ДОМ ДИРЕКТОРА

ОБЩЕЖИТИЕ ПАРНЕЙ

ОБЩЕЖИТИЕ ДЕВУШЕК

ПОЛЯНА ДЖЕНИКИ

ЗАБРОШЕННЫЙ САРАЙ

ФОНТАН

ТУНЕЛЬ

МЕСТО СПЕНСЕРА

Глава 1

Это меньше похоже на школу, а больше на замок.

Я стою на краю лужайки перед Академией Адамсона для парней и пытаюсь вспомнить, каково это — дышать. Оранжевые, красные и жёлтые листья кружатся вокруг лодыжек моих брюк, когда я чуть повыше закидываю сумку на плечо и иду дальше по извилистой дорожке к служебному входу.

Мой отец идёт недалеко от меня, проклиная случайные капли дождя, падающие нам на головы. Он отпирает дверь, жестом приглашает меня войти, а затем закрывает её за собой.

— Почему бы тебе не спуститься в кафетерий, не найти местечко и не устроиться? — спрашивает папа, пытаясь улыбнуться мне. Я хмуро смотрю на него. Я всё ещё злюсь. Я, вероятно, буду злиться до конца года, потому что...

— У меня болит грудь, — выпаливаю я, и он заливаётся ярко-красным. — И бинты перетягивают мои соски.

— Шарлотта, — огрызается он в ответ, протягивая руку, чтобы потереть лоб. — Могу я напомнить тебе, что это была твоя идея, а не моя. Это первый день, и ещё не слишком поздно передумать.

— Нет, спасибо, — язвительно отвечаю я, поворачиваюсь и выхожу из кабинета в коридор. От яркого калифорнийского солнца, пляжей и бикини до... этого. Морозный воздух, кучи склизких опавших листьев и школа для парней, которая хочет поэкспериментировать надо мной. Я здесь всего две минуты, и мне это уже не нравится. Там, в Санта-Крузе, у меня были друзья, парень и страсть к серфингу. Здесь, в... где мы снова? Всем-насрать, Коннектикут?

Коридоры здесь похожи на пещеры, с каменными арками и кирпичными стенами, окнами из тонкого витражного стекла и мозаичными полами. Все учителя чопорные и одеты в костюмы, в отличие от моей последней школы, где большинство сотрудников ходили в шортах и кроссовках.

У меня сжимается грудь, когда я открываю школьную карту на своём телефоне и направляюсь в кафетерий. Судя по всему, Адамсон получала всевозможные награды за своё школьное питание. Всё оно экологически чистое, и в основном выращивается в теплицах на заднем дворе. Здесь есть даже курятник, в котором все студенты обязаны работать в течение двухнедельной смены. Ага, совсем не жду этого с нетерпением.

Проскальзывая в большие двойные деревянные двери, я обнаруживаю, что комната пуста, если не считать одинокого парня в углу, склонившегося над тарелкой с пшеничной кашей, или овсянкой, или чем-то ещё. Он поднимает взгляд, когда я вхожу, поправляет наушники, а затем снова опускает взгляд на открытую книгу, лежащую рядом с его тарелкой.

На мгновение моё сердце замирает, и я остаюсь прямо в дверях, держа в руках рюкзак и протягивая руку, чтобы коснуться своих недавно подстриженных волос. Там, в Калифорнии, они были длинными, светлыми и роскошными. Теперь они... подстрижены в таком занудном, андрогинном стиле — длинные спереди и сверху, короткие по бокам и сзади. Они ещё и вьющиеся от природы, поэтому, если я их не выпрямляю, они падают локонами мне на лоб и выглядят ещё короче. В сочетании с моими чёрными очками в толстой оправе (обычно я ношу контактные линзы), блейзером безразмерного размера и спортивной лентой, которую я обмотала вокруг груди, я не думаю, что кто-нибудь

посмотрит на меня дважды. Стратегический ход с моей стороны — выбрать место рядом с мусорными баками. Надеюсь, никто не сядет рядом со мной, и я смогу пережить завтрак, не вступая в неловкий разговор. Моя единственная цель здесь — убедить мою мать, которая живёт в Лос-Анджелесе, позволить мне переехать к ней. Я всё ещё буду в пяти часах езды от моего парня Коди и моей лучшей подруги Моники, но это лучше, чем сорока четырёх часовая поездка, как сейчас.

Бросив рюкзак на стол, я опускаю локти и затем провожу ладонями по лицу. Я абсолютно без макияжа, так что это не имеет значения. Опустив руки на колени, я оглядываю комнату, отмечая блестящие деревянные столы, восстановленные деревянные полы и люстры, сделанные из... оленьих рогов. Мм... Не совсем моя эстетика.

Я оставляю сумку там, где она есть, и направляюсь к стойке, сканируя свой студенческий билет, и беру поднос. Может, это и кафетерий, но еда выглядит аппетитной. Я привыкла к холодным хлопьям, упаковкам овсянки и сухим кексам на школьный завтрак. Здесь подают омлет, свежие фрукты и даже смузи. Признаюсь, я слегка впечатлена.

Это чувство длится ровно до того момента, как кафетерий заполнился студентами.

Я единственная девушка в этой школе, первая ученица в новой интегрированной учебной программе Адамсона, но я не собираюсь быть их подопытным кроликом. Мой папа называет это социальным прогрессом; я называю это экспериментом с неизвестными результатами. Здорово, что академия хочет иметь смешанный гендерный состав. Я имею в виду, что это же не шестнадцатый век или что-то в этом роде? Школам для парней больше нет места, особенно когда большинство людей признают, что гендерные нормы — это нелепые социальные конструкции.

И всё же я совсем не пионер, не активист или что-то в этом роде. Мне нравится заниматься серфингом весь день, валяться на пляже с книгой, а потом читать, пока не загорятся огни на набережной. Мы с друзьями останавливались и покупали корн-доги за семьдесят пять центов и содовую за доллар, а потом шли домой, строя планы на завтра. Каждый день был событием, всегда было что-то такое, что можно было ждать с нетерпением.

Но здесь...

В похожей на пещеру комнате раздаётся множество криков, приветствий и виднеется море блейзеров, кардиганов, слаксов и галстуков. Я тону в своём тёмно-синем пиджаке, кремовом галстуке и белой рубашке. Я попросила, чтобы мне сшили форму примерно на два размера больше, чем следовало бы. Пиджак свисает с моих плеч, и ткань скрывает мою грудь и бедра. Я абсолютная инкогнито.

— Ну привет.

Два голоса окружают меня одновременно, и я подпрыгиваю, когда по обе стороны от меня садится пара парней.

Глядя на них обоих, сразу становится очевидно: они однояйцевые близнецы.

Супер высокие, супер худощавые, супер красивые однояйцевые близнецы. О-о-о. Мои щёки вспыхивают румянцем, а сердце начинает бешено колотиться. Симпатичные мальчики — моя слабость. Например, из меня получился бы худший главный герой в книге, потому что я бы просто влюблялась в каждого. Ну хорошо, я бы *хотела* каждого. Я слишком скептически, чтобы верить в настоящую любовь или что-то подобное. По крайней мере, не сейчас.

— Мика, — говорит один из них, протягивая руку.

— Тобиас. — Другой протягивает руку, чтобы пожать её мне, но я не собираюсь принимать предложение ни от одного из них. Какая-то глупая-преглупейшая часть меня думает, что, если я возьму их за руки, они узнают, и мне придётся привыкать к тому, что каждый парень в школе будет пялиться на меня. По умолчанию я буду лишней, изгоем, отверженной.

Схватив свою сумку, я вскакиваю на ноги, перепрыгиваю через скамейку и убегаю.

Близнецы идут прямо за мной.

— Ты в порядке? — спрашивают они всё ещё в унисон. Это действительно жутко. Они оба зеленоглазые, рыжеволосые и уже слишком заинтересованы во мне. В Калифорнии, я была шумной и общительной. Может быть, я и не была самой популярной девочкой в школе, но Моника была. Из-за неё у меня было много внимания, приглашений на вечеринки, случайных друзей и знакомых, с которыми можно было потусоваться. Здесь мне нужно слиться с фоном, не высовываться и пережить этот кошмар, пока я не смогу убедить маму позволить мне переехать к ней.

Я набираю скорость, заворачиваю за угол, а затем резко останавливаюсь, когда близнецы проскальзывают передо мной, преграждая мне путь. Они оба смотрят на меня так, словно у меня выросли щупальца или что-то в этом роде. Я смотрю на них так, словно они чрезмерно великолепны и совершенно невероятны. Мы никогда не будем друзьями, несмотря на их красивые лица.

— Новенький говорит по-английски? — спрашивают они, обмениваясь взглядами. Их внимание возвращается ко мне, и я чувствую этот пристальный взгляд, словно лазер, прожигающий мою кожу. — *Buenos días. Cómo te llamas? (прим. с исп. — Добрый день. Как тебя зовут?)*

Здорово. Теперь они спрашивают, как меня зовут по-испански.

— Извините, — выпаливаю я, протискиваясь между ними плечом. Они оба высокие и явно очень подтянутые под своей униформой. Когда протискиваюсь мимо них и убегаю по коридору, то чувствую, что они всё ещё наблюдают за мной. Фантастика. Я едва успела позавтракать, и мне удалось попасть в поле зрения каких-то странных, но до глупости привлекательных близнецов.

Выпускной год только что стал интересным.

Как обычно, занятия невероятно скучные, и, сидя сзади, я ухитряюсь незаметно провести остаток дня, не подвергаясь чрезмерному осмотру со стороны кого-либо ещё. Я не видела близнецов после математики, и даже тогда у них было так много друзей, которые создавали вокруг них щит, что я смогла спрятаться в углу.

После школы я прямиком направляюсь в свою новую комнату в общежитии, проталкиваясь в здание и натыкаюсь на широкую грудь. Сделав несколько шагов назад, я поднимаю глаза и смаргиваю удивление с лица. Несмотря на то, что я практически бежала по лужайкам, мой рюкзак подпрыгивал, кто-то добрался сюда раньше меня.

И не просто кто-нибудь: Черч Монтегю, президент студенческого совета.

Я знаю, кто он, потому что его глупое улыбающееся лицо есть на всех брошюрах. Он какой-то золотой ребёнок или что-то в этом роде.

— Добрый день, мистер Карсон, — говорит он, упирая руки в бока и оглядывая меня с ног до головы.

Подняв взгляд из-под копны вьющихся светлых волос, я изучаю его. Черч тоже блондин и высокий. Безумно высокий. У него красивое, улыбающееся лицо и жизнерадостная манера

поведения, которые сразу же выводят меня из себя. Он наверняка захочет подружиться, а я абсолютно не заинтересована в том, чтобы заводить дружбу с кем-либо в этой школе.

Повисает долгая, неловкая пауза, пока Черч ждёт моего ответа.

Когда он наклоняется и заглядывает мне в лицо, я ставлю свой рюкзак между нами и прикрываюсь им, как щитом.

— Стесняешься, да? — спрашивает он, но мне по-прежнему неинтересно с ним разговаривать. Что, если я начну говорить, и он сразу поймет, что я скрываю? И что тогда? Я *не* хочу быть здесь зрелищем. Я не хочу быть здесь никем, кроме легко забываемой тени в углу. Потом, когда я вернусь домой в Калифорнию, всё вернётся на круги своя, и я смогу забыть обо всём этом. — Ты Чарли Карсон, сын нового директора, верно?

Я быстро киваю, и Черч снова выпрямляется. Я вздыхаю с облегчением, когда он морщит брови и наклоняет голову в мою сторону. Дома, если бы я встретила этого парня и у меня уже не было отношений, я бы упала в обморок. При нынешнем положении вещей я просто хочу, чтобы он ушёл, чтобы я могла добраться до своей комнаты.

«*Моя комната в общежитии для мальчиков*», — думаю я с уколом ужаса. Даже папа немного сомневался по этому поводу. Он настаивал, чтобы я осталась с ним в доме директора, но правление отвергло эту идею. Они уже сделали исключение, не предоставляя мне соседа по комнате — по понятным причинам — так что у меня, по крайней мере, есть своё личное пространство. Были даны обещания завершить строительство наполовину достроенного будущего общежития для девочек по соседству, но я не планирую оставаться здесь достаточно долго, чтобы жить там.

— Что ж, — продолжает Черч, когда дверь позади меня открывается, и в комнату вваливаются парни. Краска отхлынула от моего лица, когда они окружили меня целым морем, и близнецы появились по обе стороны от него. — Мы подумали, что ты, возможно, захочешь экскурсию по академии.

— Нет. — Это единственное слово, которое я могу выдать из внезапно сжавшегося горла, а затем бросаюсь вперёд и огибаю их. На этот раз меня останавливает твёрдая рука на моём плече, я поднимаю глаза и вижу парня с самыми красивыми сапфирово-голубыми глазами и тёмными, подстриженными как бритва волосами. Прямо сейчас он свирепо смотрит на меня, резко уголки его полных губ опускаются вниз.

— У тебя что, нет манер? Мы пытаемся быть добрыми к тебе. — Парень, который прямо сейчас смотрит на меня, наводит ужас. Его тёмные волосы падают вперёд и закрывают половину лица, и у него такой вид, как будто он не боится отказов.

«*О боже, Коди возненавидел бы тебя*», — думаю я, когда наши глаза встречаются.

— Я... я неважно себя чувствую. — Я вырываюсь от него, но его хватка подобна стали. В последнюю секунду он отпускает меня с хмурым видом. Ладно, как бы то ни было, мне всё равно, нравлюсь я ему или нет. Я здесь не для того, чтобы нравиться людям. Я здесь только потому, что моему отцу предложили хорошую работу, а моя мама... просто сейчас сама не своя, понимаете?

Однако у меня такое чувство, что, если бы темноволосый парень захотел обнять меня и удержать там, он мог бы это сделать.

К тому времени, как я добираюсь до верха лестницы, моё дыхание становится прерывистым, и я вожусь с ключами, врываясь в свою новую комнату и захлопывая за собой дверь.

Я не выхожу до завтрака следующего дня.

Глава 2

Ванные комнаты в общежитиях Академии Адамсон являются общими, но в них есть отдельные комнаты для туалетов, а также раздевалки, соединённые с душевыми кабинами. По сути только умывальники открыты для всех.

Папа был не в восторге от того, чтобы я пользовалась ванной, и настоял, чтобы я приходила в дом директора принимать душ, но я не собираюсь тащиться почти милью через весь кампус только для того, чтобы понежиться в горячей воде.

Извините, но нет.

Поэтому я жду, пока все уйдут завтракать, зная, что у меня не будет возможности поесть перед занятиями, и беру свою спортивную сумку с формой в ней в ванную дальше по коридору. Там парень с серебристо-светлыми волосами чистит зубы у раковины, но я проплываю мимо него в мешковатой толстовке с капюшоном и спортивных штанах. Даже без своей униформы я почти уверена, что выгляжу подходяще.

Кроме того, никто в академии не ищет девушку. Если они этого не ожидают, они этого не увидят, каким бы очевидным это ни было.

Ну, я имею в виду, до тех пор, пока они не увидят мою грудь.

Прокравшись мимо одинокого претендента в ванную, я направляюсь к одной из душевых кабинок, снимаю ключ с крючка и отпираю её, прежде чем войти в маленькую прихожую, похожую на раздевалку в универмаге.

— Богатые засранцы, — ворчу я, оглядываясь по сторонам.

Ладно, я, чёрт возьми, солгала.

Здесь намного лучше, чем в любом универмаге, в котором я когда-либо была.

Здесь есть атласная кушетка с оборчатой подушкой, на стене картина, нарисованная маслом, которая, я почти уверена, не является репродукцией, и небольшая книжная полка, уставленная классическими романами и увенчанная подставкой для чая/кофе, а также вазой со свежими фруктами.

Серьёзно, кто заходит в душ, чтобы почитать и съесть яблоки?

Я дважды, трижды и четырежды проверяю, заперта ли за мной дверь, вешаю крошечный ключик на крючок неподалеку и раздеваюсь догола.

Стены кабинки для переодевания и душа имеют добрых двенадцать футов в высоту (*прим.* — 3 м 65 см), но потолка как такового здесь нет. Я слышу звук открывающейся и закрывающейся двери, когда парень с зубной щёткой выходит из комнаты, а потом ничего.

Абсолютная тишина.

Блаженно вздохнув, я проталкиваюсь мимо занавески на выложенную плиткой площадку и останавливаюсь, всё ещё цепляясь одной рукой за ткань.

Верно.

— Богатые засранцы, — повторяю я, оглядывая мраморные полы, стены и душевую кабинку. Там есть стеклянная полуоткрытая дверь и что-то вроде четырёх насадок для душа с каким-то навороченным центром управления. На стене рядом со мной установлена звуковая система, которую я прокручиваю, выбирая классическую фортепианную композицию, которая слегка просачивается через динамики.

На одной стене есть полки с шампунем, кондиционером, свежими кусками мыла, завернутыми в бумажные обёртки, совершенно новыми мочалками, скрабирующими

щётками, полотенцами и многим другим. Я просто потрясена.

«Пожалуйста, отнесите все использованные вещи обратно в свою комнату в общежитии в душевой подставке. Все оставшиеся использованные предметы будут выброшены. Спасибо. — Сотрудники Академии Адамсона».

Я опускаю взгляд и нахожу ряд деревянных подставок для душа на нижней полке, выбираю одну и откладываю в сторону. Затем я, не торопясь, выбираю мыло и средства для мытья тела.

— Это дерьмо такое роскошное, — ворчу я, думая о том, сколько шампунь с ароматом сирени и розмарина, который я держу в руках, стоил бы в салоне красоты. И он просто лежит здесь, бесплатно, чтобы любой мог его взять?

Потом, конечно, я понимаю, как глупо это звучит. Стоимость обучения в течение года в Адамсоне буквально вдвое превышает годовую зарплату моего отца на его последней работе. Во всей стране есть, может быть, только три средние школы, которые стоят дороже, и все они — чванливые подготовительные школы, такие как Академия Бёрберри. Мерзость.

Здесь студенты настолько богаты, что украсть что-то столь глупое, как кусок мыла за пятьдесят долларов (да, это вещь, я знаю), на самом деле им и в голову не придёт.

Я беру очень, очень, очень много средств и запикиваю их в свою сумку. Когда я вернусь в Калифорнию, я заберу всё это с собой. Вообще-то, в эти выходные я могла бы съездить в город и отправить Монике и Коди кое-что из этого по почте. Моника довольно богата, но совсем не похожа на парней, которые ходят сюда. Даже не в одной лиге с ними.

Мои пальцы скользят по фарфоровому краю гигантской ванны, и я не могу удержаться от фантазий о том, как воспользуюсь ею позже. Может быть, я могу относиться к своим неделям здесь как к отпуску или чему-то в этом роде? Да, да, прямо как на курорте.

«Всё закончится раньше, чем ты успеешь оглянуться», — обещаю я себе, включаю душ, а затем провожу добрых пять минут, пытаюсь понять, как он работает, прежде чем действительно залезть в него.

Запрокинув голову, я наслаждаюсь горячей водой, закрывая глаза и позволяя пару окутать меня.

Звук открывающейся двери ванной комнаты едва слышен за шумом льющейся воды и классической музыкой, которую я выбрала. Но затем начинаются крики и звуки борьбы, и мои ноздри раздуваются, когда меня захлёстывает волна гнева.

— Мика! — кричит чей-то голос, а затем раздаётся смех и возня. Душевая кабина рядом с моей открывается, и я слышу ещё больше спора. — Пошёл ты, грёбанный придурок!

— Нет, пошёл ты. Я отравлю твой кофе.

— Ха. Ты бы умер без меня, созависимый засранец.

— О, пожалуйста. Ты как нарост, от которого я, кажется, не могу избавиться. Опухоль, что обитает на моей заднице только ради того, чтобы ты мог провести весь свой день, целуя её.

Ещё немного борьбы, и, клянусь, она продолжается в душевой кабинке рядом с моей.

— Извращенец. Пытаешься принять душ со своим старшим братом.

— Старше ровно на восемь минут. Выйди. Я был первым.

Судя по звуку голосов, я могу только предположить, что два спорящих парня — это вчерашние близнецы. Здорово. У меня все руки уже как чернослив, но теперь мне придётся их переждать. Либо так, либо опередить их...

Я выключаю душ и хватаюсь за полотенце.

— Ты груб с нашим душевым гостем, — говорит один из голосов, переходя от кабинки слева от меня к той, что справа. — Ты там в порядке, чувак?

Чувак. Забавно.

Я игнорирую его и проскальзываю в раздевалку, чтобы надеть форму, не торопясь перевязывая грудь. Это долбанный процесс, и я уже ругаюсь от боли, раньше, чем он заканчивается.

Закончив, я хватаю свою спортивную сумку, подставку для душа и распахиваю дверь.

Близнецы ждут меня там, стоя по обе стороны, опёршись локтями о дверной косяк.

Я официально зажата.

Начинаю пробираться обратно в раздевалку, когда один из них хватается за галстук и выдёргивает наружу.

— Ну, привет, — говорят они в унисон. Близнец, который не держит мой галстук, хлопает дверью раздевалки, а затем другой вталкивает меня обратно на неё. Они оба хватают меня за руки с обеих сторон и наклоняются ко мне, моргая своими большими глазами цвета мха. — Ты что, глухой? — спрашивают они хором.

— Или просто грубый? — растягивает слова тот, что справа, закатывая глаза.

— Такой грубый, — соглашается другой, пока я вырываюсь из их хватки. Они оба чертовски сильны, а я совершенно перегружена своей сумкой и подставкой для душа. Чёрт возьми. Мне не следовало красть столько грёбаного мыла.

— Отпустите меня, — шепчу я, и они обмениваются взглядами, которые говорят, что они не сделают ничего подобного. Я сопротивляюсь ещё яростнее, и тогда они оба просто внезапно отпускают меня, заставляя растянуться на земле. Моя сумка отлетает в сторону и открывается, мыло и шампуни рассыпаются по всему мраморному полу.

— О, что это? — спрашивает один из них, поднимая мою сумку и начиная в ней рыться. Чёрт. Чёрт, у меня там тампоны, скотч, чтобы перевязать грудь, и... — О! — восклицает близнец справа, одним пальцем приподнимая розовые кружевные трусики с белыми оборками. — У кого-то есть девушка.

— Откуда? — восклицает другой близнец, используя заднюю часть моего тёмно-синего академического пиджака, чтобы поднять меня на ноги. Он позволяет мне, спотыкаясь, отойти и безуспешно попытаться отобрать у его брата моё нижнее бельё. — Академия Эверли для девочек? — спрашивает он, но мои щёки пылают, и я не собираюсь стоять здесь и отвечать на какие-либо вопросы.

— Нет, это ебаные трусики твоей мамочки, — огрызаюсь я, поскользнувшись на пролитом шампуне и тяжело падая задницей на мраморный пол. — А теперь отдай их обратно.

— Почему мы должны это сделать? — спрашивают близнецы в унисон, глядя на меня сверху вниз со своими глупыми улыбками и несносными рыжими волосами. Они слегка завиты на макушке, всё ещё влажные после душа. Если бы они не были такими придурками по отношению ко мне, я бы могла пофантазировать о двойном сэндвиче... Фу. Ну уж нет. Просто нет.

— Потому что я заявлю на вас, — говорю я, вставая и пытаюсь выглядеть достойно с шампунем на заднице.

Близнецы — напомните, как их звали? Мика и Тобиас? — обмениваются ещё одним взглядом, а затем снова смотрят на меня.

— Ты серьёзнее-ё-ё-ё-ёзно? — они растягивают слова, и тот, что слева, хватается за

плечи, в то время как тот, что справа, натягивает трусики мне через голову, выставляя промежность прямо перед моим долбаным лицом.

— Я не думаю, что ты донесёшь на нас, — говорит Мика — или это Тобиас — когда я стягиваю нижнее бельё со своего пылающего красного лица, а затем наклоняюсь, чтобы начать запихивать вещи обратно в сумку.

— Ты бы этого не сделал, только не после того, как украл всё это мыло, — отвечает Тобиас — или это Мика. Они оба наблюдают, как я пытаюсь собрать свои вещи обратно, но несколько шампуней и лосьонов разлились, когда сумка упала, и теперь всё это просто большой сладко пахнувший беспорядок.

— Оставьте меня в покое, — рычу я, вставая с сумкой в одной руке и подставкой в другой. — Мой отец — директор школы. Если я захочу, чтобы вас исключили, всё, что мне нужно сделать, это сказать об этом.

— Исключили? — спрашивают они в унисон, поворачиваясь, чтобы посмотреть друг на друга. А потом они оба смеются.

— Наш отец управляет крупнейшим конгломератом недвижимости в мире, — спокойно отвечает Мика (или кто он там), протягивая руку, чтобы щёлкнуть меня по носу длинным пальцем.

— Самый большой в мире, — повторяет Тобиас, выставляя ногу, так что я спотыкаюсь по пути к двери, и вся последовательность начинается сначала: мыло разлетается, я изо всех сил пытаюсь его поднять, в итоге у меня все колени в сиренево-розмариновом лосьоне.

— Нет, ты не станешь доносить на нас, правда, мудак? — повторяют они, а затем вместе выходят из ванной, пока я всё ещё собираю свои вещи. К тому времени, когда я поднимаюсь на ноги и собираюсь выйти из комнаты, обнаруживаю, что она заперта.

Фантастика.

Фан-блядь-тастика.

— Я всё ещё не понимаю, как ты умудрилась запереться в ванной, — говорит папа, когда мы вместе сидим в его новом доме и едим за массивным обеденным столом. Апартаменты директора здесь такие шикарные, что не похожи ни на одно место, где мы когда-либо жили. Я провела всю свою жизнь, существуя в дрянных маленьких квартирках, которые были вдвое меньше моей нынешней комнаты в общежитии, с бассейнами, которые всегда были не в порядке, и соседями, которые глубокой ночью выполняли сомнительную работу.

Для меня это... как долбаный дворец, этот гигантский деревянный домик, похожий на хижину, с высокими потолками, камином в человеческий рост и люстрами из оленьих рогов. Я имею в виду, что это чертовски грубо и совершенно не в моём стиле, но это не значит, что я не могу этого не оценить.

— Я же говорила тебе: какие-то парни заперли меня, — ворчу я, но папа вздыхает и кладёт вилку, поднимает салфетку с колен и вытирает рот.

— Шарлотта, — начинает он, но я перебиваю его.

— Чак. Пока мы здесь, зови меня просто Чак, ладно?

Он смотрит на меня разочарованными голубыми глазами, пока я тоже не кладу вилку.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты пользовалась мужской ванной. Это неуместно. — Я демонстративно закатываю глаза, откидываюсь назад и скрещиваю руки на груди. Первое, что я сделала, когда пришла сюда, это пошла в ванную и сняла повязку со своей груди. Мне

слишком больно носить её даже на секунду дольше, чем длятся мои занятия.

— Папа, я не собираюсь проделывать весь этот путь пешком только для того, чтобы отлить.

— Следи за языком, Шарлотта, — говорит он, даже отдалённо не принимая во внимание моё заявление. — Просто это не нормально тебе там находиться, особенно без того, чтобы мальчики из твоего общежития не получили хоть какого-то права голоса. Им может быть некомфортно с девушкой в их ванной, и, честно говоря, дорогая, хотя я хотел бы быть лучшего мнения о своих учениках, это небезопасно. Что произойдёт, если кто-нибудь узнает и тебя загонят в угол в этой ванной одну?

Мои глаза сужаются.

— Ты такой старомодный. Прямо как этот динозавр из академии. Все здесь странные, грубые и настолько привилегированные, что у них в задницах торчат серебряные ложки. Я ненавижу это место. — Я бросаю салфетку на стол и встаю так быстро, что мой стул скрипит по блестящему деревянному полу.

— Ты едва ли дала шанс этому месту, Шарлотта, — произносит папа твёрдым, но негромким голосом. Я потратила годы, пытаюсь довести этого человека до бешенства, но безрезультатно. Он никогда ни к чему не проявляет страсти, независимо от того, как сильно я бросаю ему вызов или как сильно раздражаюсь в ответ на его нескончаемый источник спокойствия. — Прошло всего два дня.

— Да, — огрызаюсь я, становясь язвительной. Это та девушка из Калифорнийской долины, которая живёт во мне. — Два отстойных, жалких дня. — Я кладу ладони на стол и наклоняюсь, глядя на отца сквозь мерцание канделябра. Он так претенциозно стоит в середине стола. Реально, кто ест при свечах, если только у него не романтическое свидание за ужином или что-то в этом роде? — Позволь мне вернуться в Калифорнию, папа. Я могу пожить у тёти Элизы, пока мама...

— Шарлотта. — Это единственное слово, твёрдое, как топор в моём черепе. Боль от мигрени овладевает мной, заставляя меня стискивать зубы от гнева.

— Почему нет? Элиза сказала, что я могу пожить у нее, пока мама не найдёт себе жильё. Моника даже предложила мне переехать к ней. Тебе ничего не придётся делать, кроме как достать мне билет на самолёт.

— Мы больше не будем это обсуждать, — говорит папа, кладя салфетку на стол и вставая с гораздо меньшим скрежетом ножек стула по полу. Он берёт свою тарелку и стакан и бросает на меня взгляд. — Доедай свой ужин, и я провожу тебя обратно в общежитие.

Мои глаза сужаются до щёлочек, и я чувствую, как гнев пылает в моей груди раскалённой добела звездой.

— Мне не нужно, чтобы ты провожал меня обратно, — резко бросаю я, впиваясь взглядом в его идеально отглаженный коричневый костюм в кремовую полоску. Его старомодный наряд сочетается с зачесанными назад волосами 1920-х годов, и отношение соответствовать этому времени. — Я теперь мальчик, помнишь? Я могу сделать всё, что угодно. — *Читайте: сарказм.*

Я разворачиваюсь на пятках, когда он окликает меня, но я уже мчусь к двери. Распахнув её, бросаюсь вперёд, но только для того, чтобы врезаться в чьё-то широкое тело. Снова.

— Оу, стой, — командует спокойный голос, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть этого парня-принца, Черча Монтегю, стоящего с папкой под мышкой, его янтарные глаза изучают меня с затаённым интересом.

«Моя грудь не перевязана! — вспоминаю я, когда в сильном шоке протиснулась мимо него так быстро, как только смогла. Он чертовски высокий, и, если боль в моём носу хоть что-то значит, к тому же крепкий и мускулистый. Но я так удивляю его, что в конце концов он спотыкается, роняя папку через край перил, когда я спускаюсь по ступенькам и убегая по извилистой дорожке. С обеих сторон есть маленькие солнечные фонарики, которые дают мне достаточно света, чтобы видеть.

Я пробегаю мимо общежития для мальчиков и продолжаю двигаться, наслаждаясь свободой, которую чувствую, пересекая кампус и углубляясь в лесную рощу, выходя с другой стороны, чтобы найти недостроенное общежитие для девочек.

Мои ноги перестают шаркать, и я наклоняюсь, кладу руки на колени и изо всех сил пытаюсь отдышаться. Я уехала из Калифорнии всего несколько недель назад, а уже чувствую, что я не в форме. Мне нужно найти какой-то выход своим эмоциям, но я точно не могу заниматься здесь серфингом.

Повсюду вокруг то тут, то там видны снежные пятна, а воздух холодный, как лёд. Тем не менее, я не совсем готова вернуться в свою комнату, и совершенно определённо не собираюсь возвращаться к папе. Вместо этого я расправляю передние полы пиджака и направляюсь к входной двери. Она, конечно, заперта, но окна на нижнем этаже заколочены досками, и одна уже отвалилась.

Я поднимаю её и заглядываю внутрь, ожидая увидеть строительную зону, несколько брошенных банок из-под краски, груды пиломатериалов и так далее. Вместо этого я нахожу сюрреалистическую сцену, похожую на мгновение, застывшее во времени. Здесь есть диваны, обтянутые полиэтиленовыми пакетами, журнальные столики, заваленные пыльными книгами, и картины на стенах, которые так же хороши, как те, что висят в общежитии для мальчиков.

— Что за чертовщина? — шепчу я, а потом моё любопытство берёт надо мной верх, и, в конце концов, я забираюсь внутрь, чтобы осмотреться. Доска захлопывается за мной, когда я отпускаю её, и этот звук заставляет меня подпрыгнуть. Стряхнув с себя это чувство, я направляюсь вглубь здания, с удивлением замечая, что полы выглядят довольно новыми, и на самом деле здесь осталось не так уж много того, что нужно сделать. — Почему это место не используется?

Мой голос эхом разносится по комнате, подчёркивая странное отсутствие человечности в месте, которое должно быть переполнено студентами. Пробираясь из гостиной к лестнице, я вижу, что она поднимается по спирали к тому, что выглядит как полностью законченный второй этаж. Моя рука тянется к перилам, когда я замечаю какое-то движение наверху.

Моё сердце подскакивает к горлу, и я чувствую прилив паники, переживания моего отца переполняют меня. Что, если здесь тусуется компания парней? Что, если они найдут меня? Я ненавижу жить в дерьмовом женоненавистническом мире, где девушки не могут гулять одни, но... это своего рода реальность, так ведь? Я не должна пытаться избежать изнасилования — парни не должны насиловать.

Но есть мир, в котором мы должны жить, мир, в котором мы *хотели бы* жить, и есть кошмар реальности.

Я поворачиваюсь и бросаюсь к заколоченному окну, отодвигаю доску в сторону и вылезает наружу.

Моё дыхание вырывается облачками тумана, когда я направляюсь в общежитие для мальчиков.

Я не прекращаю бежать, пока не добираюсь до своей комнаты.

Каждый день в Академии Адамсона для парней — это тяжёлая работа для меня. Другие студенты быстро поняли, что я не заинтересована в том, чтобы заводить друзей, поэтому они решили просто игнорировать меня. Я сижу в углу на каждом занятии и почти не обращаю внимания, мечтая о тёплой погоде, пляжах и солнечном свете, безумно скучая по Коди и Монике.

Я постоянно переписываюсь с ними, сообщая о каждом скучном факте моих несчастных дней, но они почти не отвечают. Максимум, что я получаю, это «Прости, детка» от Моники или «Скучаю по тебе, когда ты возвращаешься?» от Коди. Я начинаю чувствовать себя здесь покинутой, особенно после того, как увидела все великолепные пляжные фотографии, которые они публикуют в Instagram и Snapchat.

— Ты хотя бы планируешь извиниться за то, что сбросил мою папку в пруд? — спрашивает Черч, когда я выхожу с урока математики и нахожу его стоящим у ряда шкафчиков на противоположной стороне коридора. Он смотрит на меня так, словно хочет ударить. — Это было неделю назад. Я всё ждал, скажешь ли ты что-нибудь, хоть что-нибудь.

Я прижимаю свои книги к груди и вызывающе смотрю на него.

— Это был несчастный случай, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал нейтрально. *Я говорю, как девчонка?* Удивляюсь, когда Черч изучает меня своими великолепными янтарными глазами. У него волосы такого же цвета, вы могли бы назвать их медовыми, и у него такое лицо, которое выглядит так, словно большую часть времени улыбается. Его хмурый взгляд кажется... отстранённым, но каким-то образом более реальным.

— В этой папке было почти тысяча студенческих опросов, которые я кропотливо раздавал и собирал. Теперь они все намокли, и я ни черта не могу прочесть. Ты просто испоганил то, что я делал несколько месяцев летом.

— Может быть, стоило провести опрос онлайн, — выдавливаю я из себя, изо всех сил стараясь оставаться стоять на месте, когда он вот так смотрит на меня. Я чувствую себя неуютно под этим расчётливым взглядом, как будто в любой момент он может присмотреться чуть внимательнее и увидеть меня насквозь. — Как мог бы поступить любой нормальный человек, родившийся вне каменного века.

— Серьёзно? — спрашивает Черч, делая ещё один шаг ближе и ударяя ладонью по стене рядом с моей головой. Он выглядит так, словно находится примерно в десяти секундах от того, чтобы надрать мне задницу. — Весь проект был основан на том, могут ли студенты голосовать по-разному, учитывая возможность бумажного голосования или онлайн-голосования. А теперь половина этих исследований утрачена.

— Да, что ж, извини. Что ты хочешь, чтобы я с этим сделал? — я понимаю, что веду себя как дура. Нет, нет, я определённо веду себя как дура. Но я просто... чертовски нервничаю. Я хочу убежать. Черч стоит слишком близко, и от него пахнет кедром и лотосом, может быть, немного амброй и базиликом. Определённо, какой-то дорогой одеколон. *Святое дерьмо, от него вкусно пахнет.*

— Ты сможешь мне переделать опрос. Я уже поговорил с твоим отцом, и он согласился. Каждый день после школы, пока не закончим.

— Чёрта с два, — выпаливаю я, пытаюсь нырнуть под его руку.

Черч отпускает меня, но далеко я не уйду. Нет, близнецы появляются из чёртова ниоткуда, переплетая свои руки с моими и не давая мне пройти дальше по коридору. Звёздный футболист школы — какой-то придурок по имени Юджин Мазерс — прогуливается мимо, ухмыляясь. Вот кем был вчерашний парень с зубной щёткой. Я обнаружила, что у него здесь довольно много поклонников. Папа ведёт себя так, будто влюблён в него. Фу.

— Куда, чёрт возьми, ты, по-твоему, направляешься? — спрашивают они, когда я прищуриваюсь, бросая взгляд по сторонам в поисках пути к отступлению.

— Ты думаешь, что можешь быть грубым со всеми, потому что ты сын директора? — спрашивает Мика — опять же, понятия не имею, действительно ли это Мика, но просто проще присвоить имя каждому близнецу.

— Ты был груб со всеми с самого первого дня, — добавляет Тобиас, когда их жуткий, мрачный друг-эмо появляется в коридоре.

Рейнджер.

Блин.

Он подходит к близнецам, его тёмные волосы падают ему на лицо, они подстрижены, как у рок-звезды. В них есть цветная полоска, этот королевский синий цвет придаёт ему очень авангардный вид. Добавьте сюда подводку для глаз и тёмно-сапфировый цвет его глаз, и этот парень выглядит немного устрашающе.

— Ты не будешь наёбывать моего друга, придурок, — говорит он, слегка подталкивая меня. Близнецы отпускают меня, только для того, чтобы увидеть, как я спотыкаюсь.

Мои глаза расширяются, и я сдерживаю поток оскорблений, которые мне хотелось бы выплеснуть в ответ на этого придурка. Как только я по-настоящему начну, этот акцент девушки из Долины проявится, и игра будет окончена.

«Лузерский эмо-вампирский придурок», — думаю я вместо этого, разворачиваясь на пятках и маршируя в противоположном направлении.

— Мика, Тобиас, — произносит Рейнджер, и близнецы внезапно оказываются рядом, снова хватая меня за руки. Они оттаскивают меня назад и вдавливают в шкафчик, прижимая меня. Они так близко, их руки угрожают задеть ремни на моей груди. Рейнджер подходит прямо ко мне, когда Черч прислоняется к шкафчикам на противоположной стороне коридора. — Ладно, придурок. До сих пор мы были добры к тебе, но с меня хватит. Ты был груб со всеми парнями в этой школе. У тебя есть проблема, о которой ты хочешь поговорить?

— Ты прижал меня к шкафчику, чтобы поговорить? — выплёвываю я с лёгким рычанием в голосе. Я знаю, что просто создаю себе ещё больше проблем, но, честно говоря, не знаю, что ещё делать. Меня загнали в угол, а когда меня загоняют в угол, я реагирую. — Сильно сомневаюсь в этом. Почему бы тебе просто не ударить меня, и мы будем квиты?

Близнецы обмениваются взглядами поверх моей головы, а Рейнджер оглядывается на Черча.

— Он серьёзно? — спрашивает парень, снова поворачиваясь ко мне, и его сапфировые глаза темнеют от гнева. — Ты сможешь Черчу закончить этот проект, или я сам надеру тебе задницу.

— Тогда забудь об этом, потому что я этого не сделаю. — Как я могла? Скрывать свою личность во время занятий итак достаточно сложно, но тратить часы на работу один на один с Черчем и его приятелями? Этого не произойдёт. — Я всё равно скоро возвращаюсь в

Калифорнию. — Эти последние слова вырываются у меня в спешке, и я ненавижу, как жалко и плаксиво они звучат, как будто я хватаюсь за соломинку.

— Ну и, слава богу за это, чёрт возьми, — выдавливают Рейнджер, хватая меня за галстук. — Ты заносчивый, невыносимый засранец. Неудивительно, что ты вырос в Калифорнии. — У придурка, держащего мой галстук, слишком красивые глаза для такого злобного лица. Тогда я решаю, что он мой самый нелюбимый человек в этой школе.

Я ненавижу его.

— Может, покажем ему, где уборная? — спрашивают близнецы в унисон, и Рейнджер кивает, отступая назад и отпуская меня, чтобы Мика и Тобиас могли потащить меня по коридору к туалетам. Я сражаюсь с ними изо всех сил, но, блядь, они чертовски сильны.

Мика пинком распахивает дверь, и два рыжеволосых придурка втаскивают меня внутрь, заталкивая в широкую кабинку в конце комнаты.

Тобиас открывает крышку унитаза, и двое парней ставят меня на колени. Я чувствую, что мои руки вот-вот вырвутся из суставов. Чем сильнее я борюсь, тем крепче они, кажется, держат.

— Нам нравятся бои ММА, *(прим. — смешанные боевые искусства)* — говорит один из близнецов, когда я издаю ворчащий звук, мышцы на моих руках кричат от напряжения. — Удачи тебе вырваться из нашей хватки.

— Я не боюсь грёбаного вихря, *(прим. вихрь — выражение для макания головы в унитаз)* — огрызаюсь я, тяжело дыша. — Вы уверены, что вы выпускники? Потому что это какое-то серьёзное дерьмо из средней школы.

— Может быть. Но никому не нравится, когда на лицо брызжет вода из туалета, — произносит Мика, когда Рейнджер заходит в кабинку и встаёт рядом с унитазом. Он свирепо смотрит на меня сверху вниз.

— Последний шанс, Чак Карсон, — огрызается Рейнджер, хватая мои светлые волосы в кулак. Я стискиваю зубы, но не собираюсь умолять. И я не собираюсь помогать с этим дурацким проектом. Я не хотела ронять папку в воду, и я не собираюсь рисковать своим секретом, чтобы помочь её восстановить. *Хотя разве ты не чувствуешь себя каким-то придурком?*

— Окуни его, — мурлычет Тобиас.

— Окуни его, — подтверждает Мика.

Рейнджер пинает сиденье унитаза, а затем утыкает в него моё лицо. Вода чертовски холодная, и, хотя я задерживаю дыхание, часть её попадает мне в нос. На вкус она как чертовы химикаты. Близнецы всё ещё держат меня за руки, не давая слишком сильно вырваться, пока Рейнджер спускает воду в туалете, и я хватаю ртом воздух. Это длится всего несколько секунд, но когда они швыряют меня задницей на пол уборной, я промокаю насквозь и кашляю, прижимая руку к горлу, в то время как трое парней бесстрастно наблюдают за мной сверху.

Черч тоже стоит в уборной, прислонившись к одной из раковин и засунув руки в карманы своих тёмно-синих слаксов. Он выглядит разочарованным. Но и разозлённым.

— Всё, что вам нужно было сделать, это помочь исправить ошибку, которую вы совершили, мистер Карсон. Мы не просили многого.

— Иди нахер. — Я поднимаюсь на ноги и иду, проталкиваясь мимо них. Черч встаёт перед дверью и преграждает мне путь к отступлению.

— Ты можешь либо подчиниться и исправить своё отношение, либо мы можем

исправить его за тебя. — Я свирепо смотрю на него, туалетная вода стекает по моему лицу и подбородку. Черч подходит ко мне и убирает прядь мокрых волос с моего лба, ухмыляясь мне. Это первый раз, когда я вижу его таким... злым. — Ты же не хочешь связываться со студенческим советом.

— В самом деле? Потому что там, откуда я родом, мы бьём морды подросткам из студенческого совета. — Я протискиваюсь мимо него и направляюсь в коридор, возвращаюсь в общежитие и принимаю чертовски горячий душ.

Студенческий совет.

О, пожалуйста.

Я не собираюсь позволять кучке чокнутых неудачников запугивать меня.

Я принимаю душ, передеваюсь в толстовку с капюшоном и спортивные штаны и снова отправляюсь на пробежку. На этот раз я точно знаю, куда иду, и в конечном итоге оказываюсь в женском общежитии. На этот раз у меня с собой телефон и нож, который я прихватила из кафетерия — на всякий случай. Мне показалось, что я видела какое-то движение, когда была здесь раньше, но, оглядываясь назад, понимаю, что это могло быть просто животное.

На краю заросшего сорняками двора есть скамейка, на которую я сажусь, прислоняясь спиной к дереву и доставая из кармана телефон. Мой желудок наполняется бабочками, когда я вижу новое сообщение от Коди. Но потом я открываю его и нахожу селфи, на котором они с Моникой на прогулке, одетые в майки и шорты, большие солнцезащитные очки и с солнцезащитным кремом. Взглянув вверх, я замечаю маленькие кристаллические фигурки снежинок, падающие с тёмно-фиолетового неба.

Они наслаждаются прибоем, песком и морем. Я получаю снег, холодный ветер и вихрь в мужском туалете.

Просматривая фильтры, я выбираю тот, на котором выгляжу румяной и свежей, и делаю собственное селфи. Легче притвориться, что ты хорошо проводишь время, чем признать, что всё в твоей жизни пошло прахом.

По крайней мере, для меня это так. *Это всего лишь временно. Только временно.*

Я выдыхаю, некоторое время просматриваю социальные сети, но всё, что от этого происходит — это я чувствую себя ещё более одинокой, ещё более подавленной. Как будто жизнь без меня течёт с огромной скоростью. Меня не было всего месяц, но мне кажется, что прошли годы. Я скучаю по своим друзьям, своему парню, пляжу. Просто... всему.

Снег начинает падать большими жирными хлопьями, и я встаю, стряхивая какой-то мусор с задней части своих спортивных штанов. В дерево вделана золотая мемориальная доска с надписью: «Мемориальная скамья Дж. Вудраффа. Тебя так любят». Там даже есть дата, датированная примерно десятилетней давностью. Мои брови поднимаются, и я задаюсь вопросом, не умер ли учитель или кто-то из выпускников, или что-то в этом роде.

Что угодно.

Я возвращаюсь к зданию, забираюсь в окно и осматриваюсь, используя телефон в качестве фонарика. Внизу никого нет, только куча запertых дверей, которые возбуждают моё любопытство. Если зона отдыха устроена так, как она есть, как будто она застряла во времени, то что же находится внутри всех этих других комнат?

Это, конечно, моё новое место для тусовок. То есть до тех пор, пока я не обнаружу здесь никаких извращенцев. Мы находимся на территории школы, а академия находится довольно далеко, но это не значит, что сюда не приходят другие ученики.

Наконец я набираюсь достаточно смелости, чтобы начать исследовать верхние этажи. Это не занимает много времени. Здание пятиэтажное, но все комнаты в общежитии заперты. Ванн комнаты открыты, и меня бросает в дрожь, когда я захожу и обнаруживаю мраморный дворец, почти идентичный тому, что находится в общежитии для мальчиков. На стене даже висят мыла и шампуни, покрытые пылью. Похоже на долбаный фильм о зомби или что-то в этом роде.

Я убегаю оттуда со всех ног и возвращаюсь на первый этаж, снимаю чехол с одного из диванов и устраиваюсь на подушках. Здесь тихо, и, по крайней мере, я чувствую, что у меня есть своё личное пространство. Если я буду чувствовать себя такой одинокой, я бы предпочла, чтобы меня не окружали люди.

Это слишком больно.

Я просыпаюсь от ледящего холода, свернувшись калачиком на диване в женском общежитии. Мой телефон разрядился, и я понятия не имею, который час, но, когда поднимаюсь на ноги и смотрю в заколоченное окно, то вижу, что снаружи кромешная тьма.

Выбравшись обратно на улицу, стряхиваю с себя усталость и направляюсь к общежитию для мальчиков. Я должна признать, что беговая дорожка и лес по обе стороны от неё посреди ночи выглядят чертовски жутко, нежели несколько часов назад. Я проклиная себя за то, что заснула, и тащусь по тропинке, чувствуя себя несчастной и разбитой из-за того, что спала, свернувшись калачиком.

Когда я, наконец, возвращаюсь в общежитие, то обнаруживаю, что входные двери заперты.

— Нет! Вы, чёрт возьми, издеваетесь надо мной! — я чертыхаюсь, дёргаю за ручки и тут замечаю надпись, приклеенную скотчем к внешней стороне стекла.

«Двери запираются ровно в десять часов вечера. Учащиеся, которые в это время окажутся за пределами общежития, должны направиться в кабинет директора. Двери общежития вновь открываются в шесть утра».

Отлично.

Просто великолепно.

Я поворачиваюсь и прижимаюсь спиной к стеклу, размышляя о преимуществах того, чтобы тащиться всю дорогу до папиного дома, а потом объясняться, по сравнению с попытками дождаться восхода солнца. Но мой телефон разрядился, и я понятия не имею, сколько часов мне придётся ждать. Здесь чертовски холодно, и, честно говоря, довольно жутко.

Лес раскачивается и танцует на ветру, который проносится мимо меня, как призрак. Я дрожу и обхватываю себя руками, вглядываясь в темноту в поисках каких-либо признаков движения. Я говорю себе, что у меня паранойя, но потом я вижу дым, поднимающийся над деревьями, и мой интерес разгорается еще больше.

— Какого чёрта...

Какое-то время я просто сижу и наблюдаю за ним, но потом любопытство берёт надо мной верх, и, в конце концов, я отталкиваюсь от стеклянных дверей и направляюсь к деревьям. Я не сыщик, но здесь достаточно легко оставаться незамеченной. Здесь так чертовски темно, совсем не так как дома. Даже ночью там горят уличные фонари и машины, работают рестораны, клубы, бары. Всё освещено и живо. А это место такое... мёртвое.

Пробираясь между деревьями, я начинаю замечать оранжевое мерцание костра, останавливаясь за толстым стволом, чтобы подсмотреть за небольшой группой, окружившей

его. Там трое парней пересчитывают наличные на перевернутом деревянном ящике.

— Это чертовски глупо, Спенсер, — говорит один из парней, вставая с колен и отряхивая штанины спереди. Это снова тот парень, Юджин. — Нам не хватает больше сотни баксов. Это не входит в мою долю.

— Господи, Юджин, отвали, — отвечает первый парень — кажется, его зовут Спенсер — обматывая часть денег резинкой и швыряя их своему другу. — Не будь такой жалкой маленькой сучкой. Я смирюсь с потерей. Если мы начнём обвинять наших клиентов в том, что они нас обсчитывают, то у нас ничего не останется.

— Как скажешь, — усмехается Юджин, убирая деньги. Третий чувак вообще ничего не говорит, просто курит сигарету на краю костра. Они все одеты в форму третьекурсников, но я не узнаю никого, кроме Юджина. Не то, чтобы я этого хотела. Я не проводила много времени ни с кем из других студентов. То есть, если не считать придурков сегодняшнего дня.

Я отступаю и поворачиваюсь, чтобы уйти, но из-за того, что моё ночное зрение ухудшается из-за света костра, я успеваю пройти всего несколько футов, прежде чем споткнуться о бревно и застонать.

Болтовня у костра затихает.

— Что, чёрт возьми, это было? — спрашивает один из парней, когда я вскакиваю на ноги с бешено бьющимся сердцем и так быстро, как только могу, несусь через лес. Моё дыхание прерывистое, лицо щиплет от ударов веток. Я как раз собираюсь благополучно выбраться на беговую дорожку, когда чья-то рука хватается меня сзади и разворачивает, впечатывая спиной в ствол дерева.

Я стону, когда боль распространяется по моему позвоночнику, а затем ворчу, когда мой преследователь прижимает предплечье к моему горлу.

— Кто ты, чёрт возьми, такой, и какого хрена ты делаешь, подкрадываясь к нам? — я протягиваю руку и обхватываю пальцами руку парня, но у него твёрдые, как камень, мышцы. Я едва могу разглядеть его в темноте. Он давит так сильно, что я чувствую, как у меня начинает кружиться голова. Я определённо не могу говорить, чтобы спасти свою жизнь.

Как будто почувствовав это, он слегка ослабляет давление, и я ловлю себя на том, что задыхаюсь.

Бирюзовые глаза сверкают на меня из темноты.

— Меня... не пустили в общежитие, — шепчу я хриплым и напряженным голосом. Мой нападавший — я думаю, это парень Спенсер — отпускает меня, и я падаю, кашляя и держась за горло.

— Ух ты, ты, должно быть, новенький, или тупой, или и то, и другое вместе. Сзади есть аварийный пожарный выход, который всегда открыт. — Я поднимаю глаза, чтобы посмотреть на него, когда он слегка склоняет голову набок и изучает меня. — Первый, кто выходит, кладет туда кирпич, чтобы он оставался открытым. Это как неписаное правило.

Я встаю, потирая горло и настороженно глядя на этого придурка.

— Если оно неписаное, то откуда, чёрт возьми, я должен был об этом знать? — огрызаюсь я, задаваясь вопросом, храбрая я или глупая, что бросаю вызов какому-то таинственному подонку с крепкими, как скала, мускулами, который нападает на людей в темноте, как чёртов ниндзя.

— Что ты видел здесь сегодня вечером? — спрашивает он меня, и в его голосе звучит такая холодная, тихая угроза, что у меня мурашки бегут по коже. Он явно ищет очень конкретный ответ.

— Если ты оставишь меня в покое и пообещаешь больше не нападать на меня, тогда ничего. — Я прижимаю руку к горлу и отступаю назад, слегка приседая, когда парень снова приближается ко мне. Нож у меня в мини-рюкзачке, перекинутом через плечо. Я не боюсь им воспользоваться.

— Ты новенький, да? Чак Карсон, сын директора. — Парень ухмыляется. Я едва могу разглядеть его лицо, но я могла бы распознать дерзкое выражение лица за много миль отсюда. Его сопровождает такая аура высокомерия, которая выходит за пределы видимости. — У тебя не так уж много друзей в Адамсон, не так ли?

— Спасибо за подсказку насчёт кирпича. И да, я уверен, что на моей шее останутся синяки, но всё в порядке. Спокойной ночи. — Я направляюсь к общежитию, и парень отпускает меня.

— Спасибо, что заглянул, Чак, — говорит он с лёгкой насмешкой.

И я не могу решить, должна ли испытывать облегчение от того, что он так легко отпустил меня... или беспокоиться из-за того, что он считает себя настолько крутой задницей, что я определённо буду держать рот на замке.

Хм-м.

В любом случае, это нехорошо. Совсем не хорошо.

Студенческий совет Академии Адамсона для парней оказался гораздо большей занозой в моей заднице, чем я думала. Во-первых, они перенесли мой шкафчик с первого этажа главного здания в одно из задних зданий, где у четверокурсников проходят все занятия. По сути, это худшее из возможных мест для шкафчика во всём кампусе.

В понедельник я беру этот их указ и врываюсь в комнату Студенческого совета, намереваясь сказать этим кускам дерьма, что они могут засунуть своё распределение шкафчиков себе в задницу.

Я подхожу к огромным двойным дверям и столу секретаря с парнем-четверокурсником за ноутбуком. Мои брови поднимаются вверх.

— Мне нужно поговорить с этими засранцами, — говорю я парню, стараясь, чтобы мой голос звучал хрипло и скрипуче. Он смотрит на меня снизу-вверх, как на сумасшедшую, а потом прищуривается.

— У вас назначена встреча? — он спрашивает меня, как будто мы находимся в каком-то шикарном корпоративном офисе, а не стоим перед долбаным фальшивым студенческим правительством, не имеющим реальной власти. Я поджимаю губы и прищуриваю глаза.

— Нет. Но мне просто нужно заскочить на секунду.

— Ага, этого не случится, — отвечает мне парень, просматривая что-то на своём экране, а затем на мгновение замирает, словно удивлённый тем, что я всё ещё здесь. Он наклоняется и постукивает по айпаду на краю стола. — Заполните это. Здесь календарь, который показывает наличие свободных мест. — Он возвращается к своему компьютеру, а я сжимаю листок бумаги в правой руке до тех пор, пока он весь не сминается.

Как раз перед тем, как я случайно проговорила какой-то фразой стервозной девчонки из Долины, дверь позади меня открывается, и входит парень в форме третьекурсника, поправляет рукава и проходит мимо с таким видом, будто он здесь хозяин.

Он замолкает, когда я смотрю на него, и эти бирюзовые глаза привлекают моё внимание. У меня отвисает челюсть, когда парень встряхивает своими серебристо-пепельными волосами и ухмыляется мне. Они почти такого же цвета, как у Юджина, но с более тёмными корнями и гораздо более угловатой стрижкой. Да, это не Юджин, это тот придурок Спенсер.

— Привет, Чарли, — говорит он, протягивая руку, чтобы поправить свою блестящую булавку Студенческого совета. Кроме того, у него на левом рукаве синяя повязка, а чуть ниже — красная. О-о-о. Я поднимаю на него взгляд, когда он неторопливо подходит ко мне, дикая ухмылка расплывается по его лицу. — Не будешь сегодня бродить по лесу, а?

— Ты тоже был там, — выпаливаю я, и парень смеётся. Мои пальцы тянутся вверх, и я подсознательно обнаруживаю, что прикасаюсь к нежной коже своего горла. — Значит, ты преступник и член студенческого совета?

— Сержант по вооружению. — Он ухмыляется и с важным видом подходит на несколько шагов ближе, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо. — По сути, прославленный смотритель холла. Я вижу, тебе успешно удалось заставить весь совет возненавидеть тебя. Поздравляю с этим. Ты самый нелюбимый парень в школе.

Гнев закипает во мне, и мне приходится трижды сглотнуть, чтобы сдержать новую тираду. Я поднимаю листок бумаги, и Спенсер двумя пальцами выхватывает его у меня из

рук, просматривая слова, а затем, пренебрежительно пожав плечами, бросает его мне обратно.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал по этому поводу?

Листок падает на пол между нами, и я наклоняюсь, чтобы поднять его.

— Запиши меня на приём, придурок. — Я выдыхаю и сжимаю бумагу в кулаке в крошачий маленький шарик. — Или, может быть, мне стоит поговорить с кем-нибудь о том, что я видел в лесу?

Лицо Спенсера каменеет, и он протягивает руку, чтобы схватить меня за галстук. Я собираюсь оттолкнуть его руку, но вместо этого он хватается за запястье. Он сжимает меня слишком сильно, и у меня вырывается тихий вскрик. Он звучит немного женственно, и я быстро начинаю нервничать. Спенсер в замешательстве прищуривает на меня глаза, хотя секретарю, похоже, в любом случае всё равно.

— Отпусти меня, — выдавливаю я, когда хватка Спенсера на моём запястье ослабевает. Я дёргаюсь в ответ, и он внезапно отпускает меня, отправляя меня задницей вперёд, в папоротник в горшке.

Грязь разлетается во все стороны, и, в конце концов, я застреваю в этой чёртовой штуке, размахивая руками и пытаюсь выкарабкаться. Спенсер скрещивает руки на груди и наклоняет голову набок, изучая меня.

— Знаешь, с мёдом мух становится больше, — говорит он, а затем неторопливо уходит, вытаскивая из кармана огромный железный ключ, чтобы отпереть двойные двери. Он исчезает внутри, в то время как я всё ещё пытаюсь высвободиться из керамического гроба-задницы, в котором я теперь заперта.

— Не хочешь немного помочь? — спрашиваю я, но секретарь просто включает классическую музыку, транслируемую со своего телефона, и игнорирует меня. В конце концов, я выбираюсь из горшка, но папоротник теперь определённо точно погиб, а мои тёмно-синие брюки покрыты грязью. Фантастика.

Становится совершенно очевидно, что Студенческий совет не намерен меня видеть, поэтому я извиняюсь со всем достоинством, на какое только способна, а затем планирую вернуться позже на неделе.

Эти придурки видели меня не в последний раз.

Хотя я знаю, что привлечь их внимание ко мне — плохая идея, но ничего не могу с собой поделать.

Мне не нравится, когда со мной связываются.

В пятницу у меня наконец-то появляется такая возможность.

Записываясь на приём с помощью айпада секретаря, я тайком пролистала страницу, чтобы посмотреть, какие дни обычно открыты для студентов. Понедельник и пятница, казалось, давали лучшие варианты, поэтому в конце недели я проскальзываю, прячусь в уборной рядом с винтовой лестницей и жду.

Когда мимо проходит парень, который шагает так, словно знает, куда идёт, я крадусь за ним вверх по лестнице, останавливаясь прямо перед каменной аркой, ведущей в кабинет секретаря, и затем жду. Два парня обмениваются словами, а затем студент садится и ждёт. Десять минут спустя раздаётся звонок по внутренней связи, и секретарь встаёт, чтобы открыть дверь.

Я бросаюсь вперёд, проталкиваюсь мимо них всех и вваливаюсь в роскошную комнату с книжными полками от пола до потолка, пятью стульями, похожими на троны, и длинным

столом, предназначенным для устрашения.

Секретарь вбегает следом за мной, тяжело дыша и отплёвываясь, но уже слишком поздно. Я уже стою здесь.

Я встаю во весь рост, выпячиваю грудь и делаю шаг вперёд, хлопая ладонями по поверхности стола, прямо перед Черчем Монтегю и его блестящим золотым знаком *президент Студенческого совета*.

— Я хочу, чтобы мой шкафчик вернули на прежнее место, — требую я, а он просто смотрит на меня так, словно я не стою и пылинки на своём пиджаке.

Кстати, о...

— Неопрятная форма, — приозносит Черч, хмуро глядя на меня. — Это стоит, по крайней мере, дня задержки после уроков. — Он бросает взгляд на Рейнджера, темноволосого придурка, сидящего справа от него. На его табличке написано «*Вице-президент*». Как мило. — Ты так не думаешь, Рейнджер?

— По крайней мере, — выплёвывает он, и, клянусь, я вижу этот сгусток тёмной теневой энергии, шипящий над головой парня. — И врываться в комнату Студенческого совета без предварительной записи?

— Дежурство, — в унисон произносят близнецы, сидящие на противоположных концах стола. Они оба улыбаются мне, одновременно откидываясь на спинку стула, как будто это срежиссированный номер или что-то в этом роде. На одной табличке написано «*Казначей*», а на другой — «*Секретарь*». Я думаю, может быть, тогда парень с ресепшена что-то вроде помощника или что-то в этом роде?

— Я подаю ходатайство о назначении Чаку Карсону одного дня задержания после уроков и недели дежурств после школы, — говорит Черч, улыбаясь мне и откидываясь на спинку стула. На самом деле это довольно приятная улыбка, как будто либо он действительно хороший человек, который просто ненавидит меня, либо... может быть, он психопат, который действительно хорошо имитирует человеческие эмоции?

— Я поддерживаю предложение, — отвечает Рейнджер, хмурясь так сильно, что я ожидаю, что его губы застынут в ужасном, уродливом выражении. Он протягивает руку и дёргает за большую чёрную серёжку-тоннель в мочке своего уха. У него по одной с каждой стороны и несколько серебряных колец справа.

«*Мудак эмо-неудачник*», — думаю я, хмурясь.

— Вы не можете этого сделать, — выплёвываю я, потому что вся эта история с супермощным Студенческим советом ненастоящая. Это просто тупой телевизионный приём, которого слишком много в манге и аниме. На самом деле они не могут наказать меня. Дома, в Калифорнии, им едва удавалось включить органические овощи в школьное обеденное меню.

— Разве? — спрашивает Спенсер, обращаясь к нам, в то время как близнецы хихикают по обе стороны стола. — Твой отец сказал, что мы можем наказать тебя так, как сочтём нужным, за то, что ты не помог исправить проект Черча. — У меня отвисает челюсть. Правда, за последние две недели мы с папой едва перемолвились друг с другом словом, но вы не думаете, что он упомянул бы об этом? — Я поддерживаю ходатайство.

— Договорились, — хором говорят близнецы, облачиваясь локтями на стол и улыбаясь мне.

— Предложение принимается, — говорит Черч, кивая подбородком в сторону Мики — или Тобиаса, неважно — направлении. — Запиши это и попроси директора подписать.

Близнец справа, с табличкой «Секретарь», принимается за работу, постукивая по своему ноутбуку.

— А теперь убирайся из комнаты совета, пока я не начал добавлять дни к твоему наказанию, — произносит Черч, явно он лидер группы. Это заставляет меня задуматься, потому что он кажется гораздо меньшим альфой, чем Спенсер или Рейнджер. — Мы ещё не совсем определились с полными условиями твоего наказания, но чем больше я смотрю на тебя, тем хуже мне хочется, чтобы оно было. — Он поднимает кружку с кофе и делает большой глоток, вздыхая от удовольствия.

— Он такой низенький и хиленький, — скулит Тобиас, ложась всем телом на поверхность стола. — А мы не можем просто избить его?

— Да, пожалуйста, — стонет Мика, на мгновение прекращая печатать, чтобы оглядеть меня с немалой долей отвращения. — Можно, пожалуйста? Держу пари, он свалится с одного удара.

Мои ноздри раздуваются, а руки сжимаются в кулаки по бокам.

— Я хочу, чтобы мой шкафчик перенесли обратно в главное здание, — выдавливаю я, отказываясь поддаваться запугиванию этих придурков. На краткий миг я забываю, что должна прятаться в тени и облегчать себе жизнь. Я скоро должна буду уйти отсюда. Мне просто... нужно ещё немного поработать над папой.

«Я бы хотела, чтобы мой день рождения наступил раньше», — думаю я, уже тоскуя по декабрю выпускного класса. «Тогда мне исполнится восемнадцать; я смогу сама делать свой выбор».

— Ты можешь повторять это столько раз, сколько захочешь, — весело говорит Черч, поднимаясь на ноги и откидывая со лба медовые волосы. Он по-прежнему улыбается, но, честно говоря, от этого немного жутковато потому, что это так чертовски весело. Я чувствую, что мне, возможно, нужно прикрыть глаза или что-то в этом роде. — Это не заставит нас вернуть твой шкафчик обратно. И это не помешает нам превратить твою жизнь в сущий ад. — Он обходит стол и встаёт передо мной. — А теперь, пожалуйста, извинись, пока я не попросил Спенсера сделать это за тебя.

Моё горло обжигает от воспоминаний, и я обнаруживаю, что мои пальцы невольно тянутся вверх, чтобы коснуться его. Спенсер замечает это и ухмыляется, как лиса, этой хитрой, хищной улыбочкой, которая заставляет меня съёживаться.

— Тик-так, мистер Карсон, — мурлычет Спенсер, и близнецы в унисон встают, скрестив руки на своей худощавой, мускулистой груди. — А теперь кыш.

Рейнджер прищуривает на мне свои сапфирово-голубые глаза, и я в отчаянии стискиваю зубы. Неужели я действительно думаю, что эти пятеро могут избить меня, если я останусь здесь стоять? Да, да, знаю. Они думают, что я мальчик. Избалованный, испорченный сын директора школы. Я произвела не очень хорошее впечатление, да?

Развернувшись на пятках, я срываюсь с места и вылетаю за дверь, направляясь обратно в свою комнату, чтобы переодеться, прежде чем снова бежать трусцой в общежитие для девочек. На этот раз я завожу будильник на случай, если засну. Когда я отправляю сообщение Монике и Коди с просьбой о видео-чате, они оба просматривают сообщения, а затем игнорируют меня.

Будь я проклята, если не чувствую себя опустошённой и одинокой в ту ночь.

Так пусто и так одиноко...

Студенческий совет отправляет меня на отработку, в качестве дежурного после уроков, а затем, чтобы украсить вишенкой моё дерьмовое мороженое, они заставляют меня вступить в их студенческий клуб, чтобы они могли подкалывать меня каждый вторник и четверг после занятий.

— О нет, — стонут близнецы, стоя по обе стороны от меня. Я была одета в белый поварской колпак и фартук с надписью: «*Младший повар*». Я чувствую себя чертовски униженной в ней, но это «униформа», и папа предупредил меня, что, если он получит какие-либо сообщения о моей вспыльчивости, он отменит мою поездку на рождественские каникулы в Калифорнию.

Я ни за что не позволю этому случиться.

— Ты кладёшь майонез, когда требуется сметана, — говорит Мика. По правде? Я буквально понятия не имею, кто есть кто, поэтому в начале дня я просто выбираю одного и начинаю называть его Мика; по умолчанию другой становится Тобиасом. — Ты что, дурак или что-то в этом роде?

— Э-э-э, — растягивает другой близнец, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо. Он протягивает руку и щёлкает меня по носу длинным пальцем. — Теперь ты испортил всё блюдо. Тебе придётся задержаться допоздна и переделать его.

Я с грохотом ставлю миску для смешивания на стойку и оборачиваюсь, чтобы свирепо посмотреть на них двоих.

— Вы оба специально сказали «майонез», — выдавливаю я, и близнецы обмениваются взглядами, изумрудные глаза озорно блестят. Клянусь, они одни из моих самых нелюбимых людей во всём мире. Они напоминают мне Фреда и Джорджа из «Гарри Поттера», но гораздо менее хорошие. Как злые близнецы Фред и Джордж, восставшие из ада, чтобы сделать мою жизнь невыносимой. Я хочу врезать им обоим по яйцам.

— Неужели? — они обмениваются взглядами, а затем пожимают плечами. — Виноваты.

— Но тебе всё равно придётся переделать его, — говорит Рейнджер, выкладывая клубнику поверх торта, покрытого взбитыми сливками. Судя по всему, он пекарь. Типа, это то, что он делает. Он готовит сладости, и все парни садятся и едят их.

Это буквально единственное, чем занимается «Кулинарный клуб». Готовят и едят. У меня возникли проблемы с пониманием его ценности.

— Мы готовы сесть? — спрашивает Черч, вытирая руки о красивый, накрахмаленный чёрный фартук, на котором определено не написано «Младший повар». Единственные члены клуба — это студенческий совет и их надоедливый маленький светловолосый помощник Росс, который из кожи вон лезет, чтобы сделать мою жизнь невыносимой. Он такой же плохой, как и все остальные. Кроме того, я почти уверена, что он гей, или би, или что-то в этом роде, и что он влюблен в Спенсера. Он смотрит на него глазами лани, от которых, честно говоря, мне хочется закатить свои.

— Готовы, — соглашаются Спенсер и Рейнджер, и близнецы кивают. Росс насмехается надо мной.

— Мы все готовы — за исключением Чака. Думаю, он снова не будет с нами ужинать, так как ему нужно доделать кукурузную запеканку, — усмехается Росс, и я показываю ему

средний палец. Он задирает нос, хватая одно из других блюд и неторопливо уходит. Он даже покачивает бёдрами при ходьбе.

Примечание для себя: добавить его в список людей в этой школе, которым нужно надавать по яйцам.

— Удачной готовки, Чак, — говорит Спенсер, ухмыляясь, и неторопливо выходит из комнаты с подносом на вытянутой ладони.

— На этот раз не забудь выключить свет и духовку, — ворчит Рейнджер, от его голоса у меня мурашки бегут по коже, когда он берёт торт и направляется в столовую, куда я определённо не приглашена. Я в клубе уже две недели, и мне не разрешали есть с ними. Ни разу. Придурки.

Больше часа спустя я, наконец, достаю запеканку из духовки и ставлю её на стол. Она пористая и потрясающе пахнет, так что я думаю, что наконец-то у меня получилось. Используя телефон, снимаю видео, которое отправляю Черчу и своему отцу, прежде чем накрыть горячее блюдо фольгой. Студенческий совет (и их маленький, как мышка, лакей) ушли около пятнадцати минут назад. Здесь только я, горячая кукурузная запеканка и пустая школа.

Я бросаю свой грязный фартук в корзину для белья, вешаю шапочку на крючок и одним пальцем поправляю очки на носу. Линзы стали грязными от многочасового пребывания на грязной кухне, поэтому я надеваю пиджак и рюкзак, затем роюсь в кармане блейзера в поисках одной из этих маленьких мягких салфеток для чистки.

Я человек многозадачный, поэтому я выскакиваю за дверь, направляюсь по коридору, а затем со стоном осознаю, что оставила включенными свет и духовку. Бегом возвращаясь, я выключаю духовку, а затем снимаю очки, чтобы быстро их протереть.

Жир размазывается по линзам, и когда я надеваю их на нос, чтобы проверить, я ничего не вижу.

— Чёрт возьми. — Я направляюсь к раковине и снимаю их, обильно смачивая линзы мылом, а затем замираю, услышав, как открывается дверь на кухню. Я оглядываюсь через плечо, но без очков ничего не вижу, так что ничего не могу разобрать.

Мгновение спустя свет гаснет, погружая меня в темноту.

— Эй! Здесь кто-то есть, — кричу я, но дверь уже со щелчком закрывается, и я стою от разочарования. Я не то чтобы боюсь темноты, но всё равно это раздражает. Я делаю всё возможное, чтобы закончить мыть очки, а затем направляюсь к выходу, вытаскивая свой телефон, чтобы использовать его в качестве фонарика.

Дверь заперта.

Я чертыхаюсь себе под нос, несколько раз дёргаю за ручку для пущей убедительности, затем пробую включить свет. Даже при включенном выключателе он не включается. Может быть, уборщик выключает рубильник или что-то в этом роде, когда уходит домой на вечер?

— Чёрт. — Я отступаю назад и решаю осмотреться, прежде чем написать папе смс с просьбой о помощи. Он не позволит мне забыть об этом, если я это сделаю. Мне придётся выслушивать тридцатиминутную лекцию, когда всё, чего я хочу — это прокрасться обратно в общежитие, принять душ, пока все спят, и плюхнуться в постель.

Кухня огромная, рассчитанная на целый класс плюс инструктора. Она соединяется с обеденной зоной через каменную арку, но дверь между двумя комнатами уже заперта. Я полагаю, члены студенческого совета заперли её, когда уходили.

Окна закрыты, так как мы на втором этаже, поэтому я просто плюхаюсь на табурет

рядом с запеканкой, набираю быстрое сообщение папе и достаю ложку из ящика. Ожидая от него ответа, я ем свою еду и просматриваю социальные сети.

— Я, должно быть, жажду наказания, — бормочу я, проводя большим пальцем по одному из селфи Коди. У него такая широкая белозубая улыбка, кожа, загоревшая на солнце, и каштановые волосы со светлыми прядями. Он выглядит так... как полная противоположность этому месту с его ледяными ночами, густыми лесными зарослями и чопорными богатыми придурками. Я имею в виду, что дома тоже есть богатые придурки, но я хожу в школу в Санта-Крузе, так что большинство из них довольно хипповые, даже если у них большие банковские счета. У этих же парней атмосфера старых денег с Восточного побережья.

Через некоторое время я начинаю задаваться вопросом, собирается ли папа вообще мне ответить. Может быть, он рано лёг спать? Или у него встреча или что-то в этом роде?

У моего телефона сильно разряжен аккумулятор, и сегодня утром я забыла своё зарядное устройство.

— Боже, мне реально не везёт, — говорю я вслух, и мой голос эхом разносится по пустой кухне. Тогда я немного впадаю в отчаяние и отправляю сообщение Черчу Монтегю с просьбой о помощи. Я имею в виду, он же президент студенческого совета, верно? Предполагается, что он должен помогать другим студентам.

Я накрываю оставшуюся часть запеканки, ставлю её в холодильник, а затем мою ложку. На прошлой неделе я забыла вымыть лопатку, и совет назначил мне ещё один день задержания. Такие тупые придурки.

Устраиваясь в одном из удобных кресел в углу, я поджимаю ноги и жду, только чтобы заснуть. Кажется, у меня это вошло в привычку. Когда я просыпаюсь, я протираю свои сонные глаза и оглядываюсь по сторонам. По всему прилавку расставлены свечи, десятки свечей, и все они зажжены.

— Что за... — я вздрагиваю, поднимаясь со стула. Мой телефон с грохотом падает на пол, и я чертыхаюсь, поднимая его. Он мёртв. Засовывая его в карман, я осторожно прохожу мимо свечей, снова направляясь к двери.

Она всё ещё заперта.

Повернувшись, я прислоняюсь к ней спиной и пытаюсь решить, стоит ли мне бояться. К чёрту всё это, я всё равно боюсь.

— Э-э-эй? — окликаю я, немедленно съёживаясь. Это то, что говорит каждая героиня фильма ужасов непосредственно перед тем, как ей перережут горло. — Твой розыгрыш действительно глупый. Свечи? Я имею в виду, давай, ты можешь сделать что-то получше.

Движение из-за угла пугает меня, и в то же мгновение из тени на меня выходит мужчина со стеклянной банкой в руках. Я прижимаюсь к двери, когда он бросается ко мне, отвинчивает крышку и вываливает на меня содержимое.

Сначала я думаю, что это всего лишь несколько веточек и листьев... а потом я чувствую, как по мне ползут мурашки.

Пауки.

В той банке были пауки.

Мне так страшно, что я даже не кричу. Моё дыхание становится прерывистым, и, в конце концов, я стягиваю свой блейзер через голову и бросаю его, прежде чем приступить к пуговицам на рубашке. *Эти ленты! Они увидят ленты.*

Тихие слёзы льются из моих глаз, когда я лихорадочно отряхиваю рубашку, сбивая

восьминогие тела на пол, когда с противоположного конца комнаты раздаётся пение. Ближайший ко мне мужчина в чёрной толстовке с капюшоном просто наблюдает, как четверо других поднимаются из темноты возле кладовой, напевая какую-то зловещую мелодию.

Они окружают меня, пока я трясусь и вцепляюсь в свои волосы и одежду, пытаюсь избавиться от всех этих жутких ползучих тварей. Я серьёзный арахнофоб, прям ужасный. По сути, это мой самый страшный кошмар. Люди в толстовках, свечи — это не что иное, как фанфары в честь ужасов пауков.

— Чак Карсон, — говорит человек с банкой, откидывая капюшон, чтобы показать светлые волосы Черча и янтарные глаза. Они похожи на пряный мёд, такие красивые при свете свечей. Я ненавижу себя за то, что даже думаю об этом в такой напряжённый момент, но это так. — Ты был невыносимым засранцем с самого первого дня. Ты признаешь свою вину?

— П-пошёл ты, — выдавливаю я, дрожа и одержимо проводя пальцами по волосам.

— Как ты себя оправдаешь? — мурлычут близнецы, откидывая капюшоны. Двое других парней снимают свои, но уже совершенно очевидно, что это Рейнджер и Спенсер.

— Мы готовы предложить тебе некоторую амнистию, но сначала ты должен покаяться. — Спенсер по-волчьи ухмыляется и скрещивает руки на груди. Рейнджер просто смотрит на меня непроницаемыми голубыми глазами.

— Покаяться? — я вздыхаю, глядя на них всех как на сумасшедших. Моё сердце бешено колотится, а по лицу текут слёзы, и я просто так... так... *зла*. — Ты хочешь, чтобы я покаялся? За что?

— За то, что был самым грубым парнем в школе, — отвечает Рейнджер, хмуро глядя на меня и взъерошивая свои чёрные с синими прожилками волосы. — Ты был нелюдимым и странным с самого первого дня. Мы даём тебе шанс всё исправить.

— Ты только что забросал меня пауками! — мой голос звучит истерично, и он слишком пронзительный, чтобы в него можно было поверить. Улыбка Спенсера исчезает, и он снова наклоняет голову, прищуривая бирюзовые глаза. *Чёрт, чёрт, чёрт, он может сказать!* Я помню выражение его лица, когда он схватил меня за запястье, и я просто... запаниковала. — Оставьте меня, чёрт возьми, в покое! — я быстро двигаюсь вперёд и двумя руками толкаю Спенсер в грудь. Если бы он ожидал этого, я бы никогда к нему не прикоснулась, но он так удивлён, что, в конце концов, отшатывается назад и ударяется основанием позвоночника об угол прилавка, опрокидывая несколько свечей и разбрызгивая воск.

— Ты придурок! — кричит он в ответ, вскакивая и бросаясь на меня. Только Рейнджер мешает ему нанести удар в мою сторону. Я размахиваю рюкзаком, сбиваю обоих близнецов, когда они приближаются, а затем проскакиваю мимо них всех, направляясь к двери столовой.

На этот раз она не заперта, и мне удаётся выскочить в коридор, прежде чем Спенсер догоняет меня.

— Ты чёртов мертвец, Чак! — кричит он мне вслед, когда я направляюсь к лестнице. Я не прекращаю бежать, пока не возвращаюсь в своё общежитие.

Думаю, что я спаслась только потому, что он отпустил меня.

Дело в том, что я точно не смогу избежать его вечно, правда ведь?

Нет смысла рассказывать папе о том, что произошло после Кулинарного клуба. Он извиняется за то, что не получил моё сообщение, сказав, что был на заседании школьного совета. Я пожимаю плечами и говорю ему, что меня выпустил уборщик, ничего страшного. Если я настучу папе о том, что сделал Студенческий совет, я настрою против себя всю школу. На данный момент другие парни просто избегают меня, как чумы.

Последнее, чего я хочу — это чтобы все надо мной издевались.

Студенческий совет достаточно хорошо справляется сам по себе.

— Чак, вымой пол, — требует Рейнджер, вкладывая ручку мне в руку. — Ты можешь вымыть всю посуду перед уходом.

— Это не похоже на очень справедливое разделение труда, — бормочу я, когда близнецы подходят и встают по обе стороны от меня, как тюремные охранники. Засовывая насадку для мытья пола в ведро, я приступаю к уборке огромного количества муки на полу.

— Ты пропустил пятно, — говорят близнецы, размазывая воду ногами и оставляя грязные разводы. Мои ноздри раздуваются, но я не сопротивляюсь. Я боролась в течение нескольких недель, и сегодня просто устала.

— Когда закончишь, можешь разложить эти кулинарные книги по алфавиту на полке под окном, — молвит Черч, ставя коробку на прилавок и весело улыбаясь мне. Он наименее злой, и он всегда улыбается, но, когда его улыбка прекращается, лицо становится немного мрачным и пугающим. Он тянется за чашкой кофе и отхлёбывает из неё. Почти уверена, что он пристрастился к этой штуке. Я редко вижу его без какого-нибудь напитка с кофеином в руке.

— Никто больше не пользуется кулинарными книгами, есть все рецепты онлайн, — ворчу я, а потом чувствую лёгкость в кармане. Близнецы украли мой сотовый. Я роняю швабру и оборачиваюсь, чтобы забрать его у них, но они по-дурацки высокие и без особых усилий перекидывают его между собой.

— Что там такое, Мика? — спрашивает Тобиас, ухмыляясь, когда я сжимаю руки в кулаки и стискиваю зубы.

— Он заблокирован, Тобиас, — хнычет другой близнец, а затем они обмениваются взглядами. — Как ты думаешь, есть ли какой-нибудь способ, которым мы могли бы его разблокировать? Нетрадиционным способом? — Тобиас выскакивает из-за стойки, в то время как Мика хватается за руки и удерживает на месте.

— Не смей! — рычу я, но Тобиас уже достаёт из ящика разделочную машину для мяса и кладёт мой телефон на разделочную доску перед собой. — Я расскажу своему отцу об этом. Он, чёрт возьми, уничтожит тебя!

— Твой отец? — говорит Черч, складывая руки на груди своего тёмно-синего блейзера. — Директор, который зарабатывал гроши в Калифорнии, пока не переехал сюда? Ты думаешь, у него есть реальная власть над нами? Это забавно.

— Дай. Мне. Мой. Телефон. — Мой голос дрожит, я так зла. Тобиас поднимает на меня взгляд, изумрудные глаза темнеют от озорства, а затем он разбивает экран, в то время как другие парни ошеломлённо смотрят на это. — Ты долбаный придурок!

Спенсер задирает рубашку и поворачивается, так что я могу видеть огромный пурпурно-чёрный синяк у основания его позвоночника.

— Да? Мы — придурки? На следующий день я едва мог ходить. Не жалуйся, пока получаешь по заслугам. — Он опускает рубашку, бросается к двери и уходит.

Мика отпускает меня, и я, спотыкаясь, подбираю осколки своего телефона, радуясь, что все мои фотографии настроены на автоматическую загрузку в облако. Но... это не вернёт мне мой телефон.

Мои глаза наполняются слезами, но я отказываюсь плакать перед этими придурками, поэтому я отправляюсь в общежитие, открываю свой ноутбук и звоню Коди по видео-связи.

На этот раз он действительно отвечает.

— Коди! — я шепечу, когда он появляется на экране, заходящее солнце освещает его лицо, а на заднем плане океан.

— Привет, Шарлотта, — говорит он, пряча голубые глаза за очками. Через мгновение он поднимает их и, прищурившись, смотрит на меня. — Ты плачешь, детка?

— Я ненавижу это место, — шепчу я, слыша, как мой голос срывается. Это первый раз, когда я позволяю себе сломаться с тех пор, как попала в Адамсон. У меня серьёзная проблема с эффектом FOMO (боязнь что-то пропустить) (*прим. — Эффект FOMO (fear of missing out) — синдром упущенной выгоды. Обычно он проявляется как тревога по поводу того, что где-то прямо сейчас происходит что-то важное, захватывающее или полезное, а вы об этом не знаете и можете пропустить*) и вид Коди на пляже с кучей наших друзей на заднем плане убивает меня. Выглянув наружу, я вижу только красные, жёлтые и золотые листья и несколько белых пятен там, где всё ещё лежит снег.

К чёрту Коннектикут.

— Да? Я думал, это временно. Когда ты вернёшься? Я скучаю по тебе. — Он улыбается, и моё сердце разрывается надвое. Прикасаясь пальцами к экрану, я вздыхаю.

— Я правда пытаюсь. Папа разрешает мне вернуться, по крайней мере, на Рождество. Думаю, что смогу настоять на своём, когда буду там. Он же точно не сможет заставить меня сесть на обратный самолёт, верно?

В прошлый раз он сказал мне, что хочет, чтобы я приехала и осмотрела территорию, помогла ему сделать выбор. Он позволил мне взять с собой Монику и устроить девчачий уик-энд, съездив на день на нашей арендованной машине в Нью-Йорк. Однако когда пришло время уезжать... только у неё был билет обратно в Калифорнию.

Папа обманул меня.

— Эй, это не так уж далеко, верно? — спрашивает он, но я вижу, что он немного рассеян. Коди делает паузу, чтобы крикнуть что-то своему лучшему другу Дину, прежде чем снова посмотреть на меня. — Ты собираешься отрастить свои волосы? Мне нравилось, когда они были длинными. — Внезапно смутившись, я протягиваю руки, чтобы коснуться своих коротких светлых локонов. Корни начинают отрастать и немного темнее, чем мне бы хотелось. Я натуральная рыжеватая блондинка, но мне всегда нравился этот белобрысый образ.

— Это... часть моей маскировки, — начинаю я, но Коди хохочет над чем-то, что только что выкрикнула Моника. Она бежит трусцой по пляжу, её гибкое тело бегуньи облачено в стильное голубое бикини, которое едва прикрывает ее соски.

— Привет, малышка! — кричит она, с энтузиазмом машет рукой, прежде чем обвить рукой шею Коди, а затем наклоняется вперёд, чтобы поцеловать экран его телефона. — Мы так сильно по тебе скучаем.

— Я тоже, — отвечаю я с улыбкой, снова прикасаясь двумя пальцами к экрану.

— Боже мой, эти очки просто отвратительны! — говорит она, приподнимая солнцезащитные очки, чтобы посмотреть на меня. — И эти волосы. Детка, у тебя классный образ. Никто никогда не поверит, что под всем этим скрывается девушка. — Я не уверена, должна ли я быть польщена... или оскорблена?

— Спасибо? — спрашиваю я, моргая, когда они оба отвлекаются, вызывая кого-то из наших других друзей. — Ребята?

— Эй, мы здесь ради игры в пляжный волейбол, — говорит Моника, опуская солнцезащитные очки обратно на место. Коди делает то же самое. — Мы можем перезвонить тебе попозже? Мы едем в домик Айви на выходные. У нас будет уйма времени поболтать между кружками пива.

— Там нет связи, милашка, — говорит Коди, и я хмурюсь. Его прозвище для меня всегда было милашка. С другой стороны, из-за его тёмных очков я не могу сказать, смотрит ли он на неё или на меня. Возможно, он обращался ко мне, да? — В любом случае, мы позвоним тебе перед отъездом в пятницу.

— Хорошо, — начинаю я, но они оба уже двинулись дальше, и я вижу несколько вспышек неба и пляжа, прежде чем они оба прощаются и вешают трубку.

Какое-то время я просто сижу на своей кровати, и у меня щиплет глаза.

Моё сердце сжимается и чувствует себя странно, и меня охватывает печаль, которую я не могу точно определить. Наконец, я закрываю свой ноутбук, роюсь в аптечке под кроватью и достаю фонарик.

Я снимаю стягивающие ленты и натягиваю спортивные штаны и толстовку с капюшоном, прежде чем снова побежать трусцой в общежитие для девочек.

Я как обычно устраиваюсь с книгой, газировкой и несколькими батончиками гранолы, которые стащила в кафетерии. Раскладывая свои вещи на кофейном столике, я замечаю несколько брызг красного воска и несколько подпалин, как будто кто-то и здесь расставлял свечи.

Моя первая мысль — это то, что студенческий совет знает, что я прихожу сюда, и подумали, что они тоже удивят меня здесь. Но это шутка над ними. Я не приходила последнюю неделю или около того. Сжав губы в решительную линию, я углубляюсь в свою книгу — какую-то историю о полу-ангеле, который вызывает призраков по имени Одухотворенный, — и решаю, что здесь я буду стоять на своём.

Эти парни, они все думают, что я парнишка. Почти уверена, что они побьют меня, если я буду давить слишком сильно, но мне всё равно.

Так что какое-то время я читала при свете фонарика. Поскольку у меня нет телефона, я понятия не имею, который сейчас час, и я не хочу торчать здесь слишком поздно. После нескольких глав я встаю, собираю свои вещи, а затем делаю паузу, чтобы изучить фотографию класса, которая висит на стене.

Вверху изображён герб Академии Адамсона для парней со львом внутри щита. Однако под ним просто написано *Академия Адамсон*. Часть, посвященная для парней, отсутствует. Думаю, эта фотография висит на стене в женском общежитии. Может быть, они пытались перейти на новое название?

Наклонившись, я изучаю лица на фотографии, пробегая взглядом по парням, пока не останавливаюсь на... девушке. Мой рот приоткрывается, когда я встречаюсь взглядом с её улыбающимся лицом. Она стоит на коленях в первом ряду в плиссированной синей юбке и блейзере, её волосы длинные и тёмные, прямая чёлка, подстриженная прямо над изогнутыми

бровями. У неё на шее висит маленький ключик, перевязанный ленточкой.

Я понятия не имела, что в этой школе когда-либо была ученица женского пола. Мой отец никогда не упоминал об этом. Судя по тому, как он преподнёс информацию, я должна была стать первой девушкой, посетившей Адамсон.

— Что за чертовщина? — я протягиваю пальцы и провожу ими по лицу девушки, мои губы изгибаются в грустной ухмылке. Я задавалась вопросом, почему здесь было недостроенное общежитие, покрытое пылью и заброшенное, как будто мы жили в «Последний из нас», но... Я никогда не знала, что они на самом деле начинали принимать женщин в академию. — Хм.

Отойдя от фотографии, я возвращаюсь к окну и вылезая наружу.

Возвращаясь в общежитие, я слышу движение в кустах и останавливаюсь, направляя фонарик в ту сторону.

Вспышка цвета привлекает моё внимание, и я чувствую, как кровь отхлынула от лица.

— Эй! — кричу я, но кто бы это ни был, он бросается бежать, и я не успеваю хорошенько его разглядеть. Это не значит, что у меня не пробегают мурашки по спине или что я сама не начинаю бежать. Я не останавливаюсь, пока не оказываюсь в безопасности в гостиной на первом этаже.

Рейнджер там, лежит на диване в наушниках. Он прищуривается, когда я прохожу мимо, но мне всё равно. Я показываю ему фак и заставляю себя пройти остаток пути обратно в свою комнату.

Когда я засыпаю той ночью, вижу сапфировые глаза этой девушки, смотрящие на меня в ответ.

— Папа, ты не понимаешь! — огрызаюсь я, когда он ходит по кухне, расплёскивая кофе на носки своих мокасин и ругаясь. Он хватает пачку бумажных полотенец и вытирает их, пока я отчаянно пытаюсь отстоять свою правоту. — Они сломали мой телефон.

— Да, Шарлотта, я знаю, — говорит он, начиная раздражаться на меня. — Черч Монтегю уже заходил и извинился от имени всего Студенческого совета.

— Он это сделал? — спрашиваю я, удивлённо моргая.

— Он сказал, что вы, ребята, дурачились, и что Мика... или это был Тобиас?... как бы то ни было, один из этих близнецов Маккарти наткнулся на тебя, и он выпал у тебя из кармана. Он уже купил тебе новый.

У меня отвисает челюсть.

— Н-нет, всё случилось совсем не так! — Но папа слишком опаздывает и почти перестал меня слушать. Он протягивает мне коробку с кухонного островка, и я опускаю взгляд и вижу новый Самсунг.

У меня был айфон.

Мой рот поджимается, и я крепко сжимаю коробку пальцами.

— У меня был Айфон, а не Самсунг.

— Они совершенно одинаковые, — отвечает папа, протискиваясь мимо меня и направляясь к входной двери.

— Они *не* одинаковые, — выдавливаю я из себя. Я не пытаюсь быть соплячкой, но алё. Черч не случайно купил мне не тот телефон. — И телефон не так...

— Шарлотта, — рывкает папа, оборачиваясь у входной двери и бросая на меня взгляд. Кожа вокруг его голубых глаз морщится от разочарования. — Ты и так причинила достаточно неприятностей. Послушай, Черч пришёл и извинился за своё участие в

инциденте. Итак, а ты извинилась за своё?

— Извиниться?! — выпаливаю я, сжимая руки в кулаки. — Они разбили мой телефон мясорубкой! Я ни за что не извинюсь.

Папино лицо морщится от замешательства, но он отмахивается от меня своей чашкой с кофе, расплёскивая ещё больше дымящейся жидкости на пол.

— Я опаздываю, у меня нет на это времени. Помиришь со Студенческим советом, или можешь попроситься с билетом в Калифорнию. — Он поворачивается и выходит из дома, а я пыхчу у него за спиной. Через минуту я беру маленькую стеклянную статуэтку оленя, которая прилагалась к дому, и со всей силы швыряю её в стену. Уборка после — отстой, но это было так, так приятно.

Положить со Студенческим советом? Ну конечно.

Я бы предпочла умереть.

Мое любимое занятие в этот день — урок английского у мистера Мерфи. Несмотря на то, что мы старшеклассники, он всё равно читает нам вслух и даже озвучивает. Большинство парней в классе хихикают по этому поводу, но мне всё равно. Когда мистер Мерфи говорит, я слушаю с напряжённым вниманием. Я думаю, что он ещё и неплохо выглядит, и люблюсь им с другим блеском в глазах. Ну, вообще-то, я замечаю, что несколько других парней тоже смотрят на него. Росс — один из них. Он замечает, что я смотрю в его сторону, и показывает мне средний палец, в то время как мистер Мерфи уткнулся лицом в экземпляр «Гроздьев гнева».

К счастью, он единственный мудака из Студенческого совета, который учится в этом классе.

Это не значит, что их раздражающее присутствие не портит некоторые другие мои занятия. Близнецы учатся со мной на математике; Рейнджер и Спенсер со мной на политологии; а Черч сидит прямо передо мной на китайском языке. Я хотела изучать французский, но папа заставил меня сменить занятия.

По крайней мере, мне не нужно ходить на физкультуру, так что у меня есть дополнительное время по сравнению с другими парнями.

Однако никто из них, похоже, не в восторге от этого.

— Мне кажется несправедливым, что ты уходишь с урока, который, как все знают, является пустой тратой времени, — говорит Черч, останавливаясь передо мной в своей физкультурной форме: свободная белая майка, чёрные шорты и кроссовки. За ним стоят другие парни, и не только придурки из Студенческого совета.

— Оставь меня в покое, — огрызаюсь я, собирая свои принадлежности для рисования и поднимаясь на ноги. В свободное время я хожу на занятия по рисованию, и предполагается, что я буду рисовать горизонт, но, очевидно, даже здесь надо мной будут издеваться. — Сегодня ты уже написал «Микропенис Чак» на моём шкафчике. Разве тебе этого недостаточно?

Несколько парней смеются, но они могут сколько угодно издеваться над моим несуществующим членом.

— Я говорил об этом с директором, но он ответил, что у тебя есть серьёзные проблемы со здоровьем, которые мешают тебе заниматься спортом.

— Да, именно. Так что, если ты хочешь обвинить меня в том, что у меня проблемы со здоровьем, мы все сможем увидеть, какой ты на самом деле классный. — Черч улыбается мне, такой жизнерадостный. Он прикасается пальцами к щеке, когда солнечные лучи падают на его волосы, придавая им этот блестящий жёлто-золотой цвет. Его глаза мерцают медово-коричневым, и у меня сжимается горло. У меня неприятности, я это чувствую.

— Вот только... Я видел, как ты бегал трусцой по беговым дорожкам. На самом деле, несколько раз. Кажется, у тебя вообще нет никаких проблем.

— Оставь меня в покое, — выдавливаю я, но, когда я собираюсь уходить, друзья Черча встают передо мной.

— Разденьте его, наденьте форму, и мы посмотрим, как быстро он сможет бегать. — Черч кивает головой, и другие парни подходят ко мне, заставляя меня почувствовать тошноту в животе. Я колеблюсь полсекунды, прежде чем броситься бежать. На самом деле, я

не просто бегу, я уношу ноги. Я мчу на максимальной скорости.

Позади меня раздаются громкие шаги, но я провела много времени в Калифорнии, помогая Монике тренироваться в лёгкой атлетике. Плюс весь этот серфинг и моё время в волейбольной команде... Я обгоняю всех парней и в конце концов вваливаюсь в библиотеку и падаю на ковёр прямо за датчиками кражи.

Я вся вспотела и с трудом могу отдышаться. Несколько парней заходят следом за мной, но библиотекарь — этот крупный, суровый пожилой чувак, которого все называют мистер Дэйв — встаёт между ними и мной.

— Никаких потасовок в моей библиотеке, — говорит он, и его голос напоминает рокочущее медвежье рычание, которое невозможно игнорировать. Другие мальчики хмуро смотрят на меня, но уходят, пусть и немного неохотно, и я ловлю себя на том, что вздыхаю с огромным облегчением. — Это значит, что и ты тоже, — говорит мистер Дэйв через мгновение, и я поднимаю взгляд и вижу, что он смотрит на меня жёсткими тёмными глазами.

— Я... нет, я не причину неприятностей. — Я поднимаю свой альбом для рисования в качестве объяснения, и через мгновение мистер Дэйв вздыхает и исчезает обратно за стойкой, оставляя меня вставать и отряхиваться. Почти уверена, что ободрала колени, когда падала, но я не утруждаю себя тем, чтобы задрать штанины и проверить. Вместо этого я нахожу столик на виду у стола библиотекаря и складываю свои вещи.

Поскольку рисование — мой последний урок на сегодня, я игнорирую звонок и продолжаю рисовать, пока задание не будет выполнено. Теперь, завтра на уроке, я могу вместо этого почитать свою книгу. Я сейчас так увлекаюсь чтением «гарема наоборот», что это просто смешно. Это практически зависимость. Ох, даже не начинайте говорить о том, как сильно я люблю серию «Королевские искушения» Тейта Джеймса.

Хотя то, что я хожу в школу с таким количеством парней, значительно снижает мой интерес к созданию собственного гарема.

Я убираю свои вещи и встаю, вытягивая руки над головой. Сейчас здесь есть ещё несколько парней, которые тихо учатся за рядами парт или разбиваются на учебные группы вокруг одного из столов. Я игнорирую их, направляясь к двери, когда мне в голову приходит одна мысль.

Интересно, есть ли у них здесь старые ежегодники? Я бы хотела узнать больше о той девушке, которую видела на общей фотографии. Сегодня утром я была так зла на папу, что забыла спросить о ней, но, конечно, я ведь могу провести собственное исследование?

Мистер Дэйв показывает мне, где найти ежегодники, и, хотя я бы ни в коем случае не назвала его милым, он, по крайней мере, профессионалом. То есть до тех пор, пока я не говорю ему, что ищу.

— Меня интересует выпускной класс десятилетней давности, — произношу, и, клянусь, что-то мрачное пробегает по его лицу.

— Зачем. — Это едва ли вопрос, скорее сердитое утверждение.

— Эм, просто потому что... — я начинаю, потому что мне действительно не нужно давать ему объяснения, не так ли?

— Ну, его здесь нет, — отвечает он, указывая на два ежегодника за позапрошлый и последующий годы. — И ты не найдёшь его, шныряя по библиотеке.

— Почему нет? — спрашиваю я, когда мистер Дэйв поворачивается и начинает удаляться длинными, мощными шагами. Он игнорирует меня, и я поджимаю губы,

поворачиваясь обратно к полке и просматривая несколько других ежегодников. В нём ничего нет о студентке, даже мимоходом. Может быть, они начали с неё, когда она была старшеклассницей, и она закончила школу или что-то в этом роде?

Но почему она была первой и единственной студенткой?

Вздыхнув, я кладу остальные ежегодники обратно и оставляю тайну в покое. На сегодня. Любопытство могло бы погубить кошку, но у меня острые когти, со мной всё будет в порядке.

По крайней мере, я так думаю.

Войдя в ванную после полуночи, я не ожидала застать всех пятерых парней из Студенческого совета у раковин, чистящих зубы. Рейнджер оглядывается на меня с зубной щёткой во рту и синим полотенцем, накинутым на голову. Его тёмные волосы мокрые и падают ему на лицо, привлекая моё внимание к его сапфировым глазам.

Чёрт.

Моё сердце делает один большой, сильный удар, и я чувствую, как меня пронзает покалывание. Я западаю на него. Не круто. Я имею в виду, физически западаю. Он, конечно, красавчик, но его личность оставляет желать лучшего. Мой взгляд скользит по остальным четырём парням, и я вздрагиваю, когда вижу, что Черч улыбается мне. Часть меня убеждена, что он психопат или что-то подобное. Он ведёт себя дружелюбно и мило, но потом эта холодная темнота просто овладевает им.

— Вы, ребята, даже координируете чистку зубов вместе? Это убого. — Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю их остановить, и я съёживаюсь. Я не хочу показаться полным придурком, но это мой единственный защитный механизм.

Я хочу повернуться и убежать обратно в свою комнату, но я также не хочу, чтобы они думали, что я их боюсь. Вздёрнув подбородок, я шагаю в ванную и направляюсь к последней пустой раковине, кладу свои вещи на фарфоровый бортик и притворяюсь, что не чувствую, как пять пар глаз смотрят в мою сторону.

— Ты всегда такой неприятный? — спрашивает Черч, всё ещё улыбаясь мне. — Потому что это довольно отталкивающе. — Он подмигивает мне и возвращается к чистке зубов, стоя перед зеркалом без рубашки, в одних спортивных штанах кремового цвета с логотипом Академии Адамсона сбоку. — Если ты был таким неприятным там, в Калифорнии, неудивительно, что ты решил переехать через всю страну.

— Если ты всё время такой неприятный, чёрт возьми, неудивительно, что тебе приходится запугивать людей, чтобы иметь рядом хоть каких-то друзей. — Я выдавливаю зубную пасту на щётку и засовываю её в рот, притворяясь, что не замечаю близнецов в одинаковых пижамах на пуговицах или Спенсера в серых боксерах. Да, буквально в нижнем белье. Нижнее белье. *У него неплохая комплектация.*

Эй, Шарлотта, мерзко, не смотри.

Я имею в виду, несмотря на то, что он здесь хулиган, я чувствую себя извращенкой, плящейся на его промежность. Прямо спереди есть огромная выпуклость, намного больше, чем у Коди. Не то чтобы я часто его видела, но в те несколько раз, когда мы становились немного страстными, я улавливала или чувствовала выпуклость. И да, Спенсер определённо больше.

«Прекрати, Чак», — рычу я себе под нос, поворачиваясь обратно к зеркалу и бешеными движениями чищу зубы. Это единственный выход, который у меня сейчас есть для моих чувств. Горячий румянец заливаает мои щёки, и я изо всех сил стараюсь притвориться, что не

вижу, как моё смущение отражается в моём отражении.

— Ты действительно быстро бегаешь для человека, у которого проблемы со здоровьем, — говорит Черч, всё ещё улыбаясь. Когда он хмурится, глядя на меня, я вздрагиваю.

— Ты точно не ведёшь себя как президент Студенческого совета. Больше похож на хулигана. — Я сплёвываю и прополаскиваю рот, вытаскивая розовую повязку на голову, чтобы придерживать волосы сзади. А затем... Я понимаю, что они всё ещё наблюдают за мной. Я не настолько глупа, чтобы на самом деле думать, что розовый цвет связан с женским полом, но в обществе всё ещё существуют устаревшие гендерные стереотипы. Я тайком запикиваю повязку обратно в сумку и решаю не умываться.

— Это не заняло и трёх минут, — говорят близнецы в унисон, взмахивая зубными щётками в моём направлении.

— Стоматологи рекомендуют чистить зубы не менее трёх минут, — произносит Мика (и, пожалуйста, поймите, это всегда предположение, когда я называю близнеца), подходя и становясь справа от меня.

— Ты же не хочешь сейчас получить кариес, правда? — Тобиас продолжает, становясь слева от меня. Они тянутся ко мне, и я ныряю под их руки, спотыкаясь, уходя с дороги. Мне так не терпится убраться от них подальше — я действительно не хочу, чтобы мне в глотку засунули зубную щётку — что я оставляю свою сумку.

Там есть тампоны. И прокладки.

Если они откроют её, то узнают.

Я ныряю вперёд, чтобы схватить свою сумку, и они отдают её мне. На этот раз ни один из них не делает попытки схватить меня. Они просто стоят там и смотрят, как я заканчиваю собирать свои вещи. Но они определённо стоят слишком близко. Клянусь, я чувствую их запах, этот яркий свежий аромат, похожий на свежескошенную траву и весенние цветы, немного землистый с лёгким привкусом сладости.

— Ты самый странный парень, которого мы когда-либо встречали, — добавляют они совершенно в унисон. Как они это делают, я понятия не имею. Это почти жутковато.

— Я лучше буду странным, чем скучным, — отвечаю я, поворачиваясь и поднимая брови, когда они оба просто стоят там, преграждая мне путь. — Ну? — близнецы расступаются и пропускают меня, а Спенсер свирепо смотрит на меня, потирая поясницу правой рукой, в то время как левой чистит зубы. Перед тем как выйти из ванной, я остаиваюсь. Я не дружу с этими парнями, ни в коем случае, но, по крайней мере, мы общаемся. Как бы. Я больше никого не знаю в этой дурацкой академии. — Ребята, вы знаете что-нибудь о выпускном классе десятилетней давности?

Напряжение в комнате резко меняется, от мелочной болтовни до холодного страха.

— С какой стати ты хочешь знать об этом? — спрашивает Черч, резко оборачиваясь. Он устремляет на меня ледяной взгляд, который превращает его медово-янтарные глаза в камень. Рейнджер на мгновение натягивает полотенце на голову, чтобы прикрыть лицо, а затем бросает его в раковину.

— Я... просто до меня дошли слухи, — начинаю я, и тут Рейнджер поворачивается ко мне, двигается вперёд и хватает меня за рубашку спереди. Он рывком притягивает меня к себе и смотрит мне в лицо, холодный, пугающий и тихий в своей ярости.

— От кого? — спрашивает он, и его голос такой мрачный, что я вздрагиваю от его звука.

— Я не знаю, просто какой-то парень, — выдыхаю я, протягивая руку, чтобы обхватить пальцами его запястье. Как только я прикасаюсь к нему, его глаза расширяются, и он отталкивает меня. Я спотыкаюсь, но мне удаётся удержаться на ногах. — Почему это имеет значение?

— Не копайся в дерьме, которого не понимаешь, — шепчет Рейнджер, а затем проносится мимо меня и выходит за дверь ванной. Дверь за ним захлопывается, и я вижу мрачные лица остальных четырёх парней. В воздухе витает эта темнота, которая мне не нравится.

— Что я сделал? — спрашиваю я, и мой голос эхом отдаётся в роскошной мраморной ванной.

— Тебе следует уйти. — Черч смотрит на меня пустым взглядом, от которого у меня мурашки бегут по коже.

На долю секунды я почти протестую, просто из врождённого упрямства. Близнецы не дают мне ни единого шанса, делая шаг вперёд и хватая меня за обе руки. Они бесцеремонно опрокидывают меня на задницу, их зелёные глаза темнеют, когда они смотрят на меня сверху-вниз, задевая мою поясницу и ругаясь.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — огрызаюсь я, и они оба обмениваются взглядами.

— Только идиоты пиздят о сестре Рейнджера, Чак, — отвечают они, показывая мне языки и одновременно показывая средние пальцы выводя меня из себя. Дверь ванной захлопывается у меня перед носом, и я остаюсь сидеть одна в темноте и размышлять.

Мысли, которые приходят мне в голову... далеки от приятных.

Но сестра Рейнджера? Интересно...

На следующий день я снова оказываюсь в библиотеке, роюсь во всех старых ежегодниках в поисках каких-либо признаков того, что ещё один Вудрафф посещал Академию Адамсона. Однако единственный человек, которого я могу найти, — это Эрик Вудрафф, живший почти на два десятилетия раньше пропавшей девушки.

— Ты снова здесь шныряешь? — спрашивает меня мистер Дэйв, появляясь, как тень, в конце прохода. Я подпрыгиваю, холодок пробегает по моей спине, когда я прижимаю ежегодник Эрика к груди. Я собираюсь сфотографировать страницы телефоном. Зачем, я точно не уверена. Что-то внутри меня говорит, что я должна просто уйти и оставить всё это в покое.

Но... Я не люблю секреты, особенно те, которые заставляют всех остальных чертовски нервничать. Что они скрывают и почему они это скрывают? Я думала, что я была первой девушкой, которая посещала Адамсон, а теперь я узнаю, что всё это ложь. Только... нигде нет никаких следов прошлой девушки. Ни в старых ежегодниках, ни даже в Интернете.

Прошлой ночью я провела несколько часов, просматривая социальные сети Рейнджера, просматривая его семью и друзей, и нигде не смогла найти ни одного упоминания о сестре. В этом есть что-то неправильное. Например, как человек может исчезнуть так бесследно?

— Я просто провожу кое-какие исследования для статьи, — отвечаю я, не дрогнув, глядя в тёмные глаза мужчины сверху-вниз. — Мне просто нужно ещё около пяти минут, чтобы сделать пометки, и я уйду отсюда.

— Хм. Просто помни, что мы закрываемся через двадцать минут, — рявкает он на меня, и я подпрыгиваю. Я не единственный студент в библиотеке, который в явной панике пялится на библиотекаря. Он чертовски пугающий. Несколько других парней опускают глаза и погружаются в свою работу, опасаясь привлечь его внимание.

Я киваю, и он снова исчезает, оставляя мне достаточно времени, чтобы сфотографировать страницы на телефон. Я делаю несколько снимков за годы до и после окончания выпускного класса пропавшей девочки Вудрафф. Может быть, если я смогу найти кого-нибудь из них на Facebook или ещё где-то, у них будет больше информации. Наверняка кто-то из них знал её, и, возможно, у них даже есть свой собственный экземпляр ежегодника.

Позже тем же вечером, когда я возвращаюсь в общежитие для девочек, я сравниваю фотографии Эрика Вудраффа с девушкой на снимке.

У них одинаковые тёмные волосы, одинаковые сапфировые глаза и высокие скулы. Теперь, когда я ищу это, легко увидеть, что Рейнджер связан с двумя другими. Судя по моим наблюдениям в Интернете, Эрик Вудрафф теперь носит фамилию своей матери Уоррен после какого-то скандала. Очевидно, он какой-то крупный бизнес-магнат с сомнительными политическими связями — он также отец Рейнджера, хотя поначалу вы бы этого не узнали. Не похоже, что они имеют много общего друг с другом.

Той ночью, возвращаясь в общежитие для парней, я снова слышу болтовню в лесу и вижу, что Спенсер и его приятели пересчитывают деньги. Я мельком наблюдаю за ними из-за деревьев, но мне неинтересно вмешиваться в то дерьмо, которое они затевают. Похоже, они продают травку, но какое мне дело? Марихуана в любом случае должна быть легальной; в Калифорнии.

Пробираясь на цыпочках обратно между деревьями, я в конце концов натякаюсь прямо на серебристо-волосого придурка на тропинке. Он скрестил руки на груди, явно ожидая меня.

— Как тебе удалось так быстро добраться сюда? — шепчу я, и он пожимает плечами.

— Мой брат научил меня всему, что знал об этих лесах, задолго до того, как я поступил в эту школу. Не думаю, что в этом кампусе есть место, о котором я не осведомлен. Я знаю, что у тебя есть своё маленькое убежище в заброшенном общежитии.

У меня сжимается горло, и мне приходится проглотить комок.

Бирюзовые глаза Спенсера сверкают в темноте, как у кошки, когда он подходит ко мне, кладя предплечье на ствол дерева над моей головой. Теперь я чувствую его запах, это древесное тепло, столь же грубое, сколь и искусное. Провокационный. Слюнки текут. Ох.

— В тебе что-то не так, — говорит Спенсер, глядя на меня сверху-вниз своим пронизательным взглядом. — Я имею в виду нечто иное, чем отталкивающая бравада, ради которой ты так стараешься.

Я усмехаюсь и собираюсь нырнуть под его руку, когда он хватает меня за плечи и прижимает спиной к дереву, выбивая из меня дух. Спенсер наклоняется и изучает моё лицо, с интересом прислушиваясь к моему неровному дыханию и бешено колотящемуся сердцу. — Я выясню, в чём дело, придурок. Запомни мои слова, Чак: что бы ты ни скрывал, я это *разнюхаю*.

— Можешь, блядь, попробовать, — огрызаюсь я в ответ, зная, что, вероятно, это плохая идея — злить этого парня, когда мы совсем одни в темноте с двумя его друзьями в пределах слышимости. — Но я не скрываю ничего, что стоило бы знать. Почему бы тебе не рассказать мне, почему все взбесились, когда я заговорил о сестре Рейнджера?

Глаза Спенсера сужаются до щёлочек, и он наклоняется ближе ко мне, резко выдыхая и ероша мои волосы. Это движение заставляет меня вздрогнуть, и я чувствую, как мои соски твердеют под тугой тканью моих бинтов. В этот момент моя грудь почти отчаянно жаждет свободы. Я почти могу представить, как Спенсер снимает с меня пиджак, пальцами развязывает край повязки, поворачивает меня по кругу и...

Его глаза слегка расширяются, и самодовольный мужской смешок срывается с его красивых губ. Прежде чем я успеваю понять источник этого, Спенсер хватается за подбородок и наклоняет моё лицо к своему, ухмылка расплзается по его губам. Он освещён лунным светом, отчего его пепельные волосы переливаются серебряными искорками.

— Теперь всё обрело смысл, — выдыхает он, его рот слишком близко к моему, чтобы чувствовать себя комфортно. Я пытаюсь вырваться, но он крепко сжимает мою правую руку, впиваясь пальцами в мою плоть. — Не знаю, как я не замечал этого раньше; это слишком очевидно.

Моя очередь, чтобы мои глаза расширились, а сердце заколотилось. Нет. Он знает мой секрет. Он знает. Он, чёрт возьми, знает. Я открываю рот, чтобы возразить, умолять его сохранить это в секрете, когда он продолжает говорить.

— Ты гей, не так ли, Чак? — спрашивает он, и мои губы приоткрываются от удивления. Спенсер проводит кончиками пальцев по моему горлу, и я отталкиваю его руку как раз перед тем, как он добирается до моей груди. У меня такое чувство, что если он дотронется до меня там, то узнает.

— Мне нравятся парни, и что с того? — я огрызаюсь, потому что это не ложь. — Это не значит, что *ты* мне нравишься. — Я подхожу, чтобы ударить его коленом по яйцам, когда он

просовывает ногу между моими, используя своё тело, чтобы прижать меня к дереву. Я стискиваю зубы, но не могу заставить своё сердце бешено колотиться, а тело болеть. *Нравится ли мне, когда он прикасается ко мне, на самом деле?* Я отказываюсь это признавать.

— Так вот почему ты был таким придурком, да? — спрашивает он, дыша мне в ухо. — Все эти шныряния вокруг и сдержанное поведение? — я закрываю глаза, но всё ещё чувствую его запах, струйку пота, стекающую между моих грудей. Мне нужно вернуться и снять эти чёртовы путы. С другой стороны, если бы я не так спешила приехать сюда после школы, я бы сделала это раньше, и тогда, возможно, Спенсер бы уже что-нибудь заметил. Мне повезло.

— Оставь. Меня. В. Покое. — Мой голос превращается в рычание, и Спенсер ухмыляется, отпуская меня так внезапно, что я спотыкаюсь и оказываюсь на коленях в листве.

— Если ты был влюблён в меня, всё, что тебе нужно было сделать, это что-нибудь сказать, — добавляет он со смехом, засовывая пальцы правой руки в карман своего синего блейзера академии. — Серьёзно, Чак. У тебя не появилось друзей в этой школе, и это твоя собственная вина. Никого не волнует, гей ты или нет: нас волнует только то, что ты мудака. — Он поворачивается обратно в сторону костра и исчезает, оставляя меня с потными ладонями и колотящимся сердцем, которое я не могу объяснить.

Я вдруг начинаю скучать по Коди, по всему, что у меня есть.

— Тупица, — ворчу я, но, честно говоря, вся эта история с геями правдоподобна. Я могу просто смириться с этим. С другой стороны, одна из главных причин, по которой я хочу оставаться незамеченной, заключается в том, что я не хочу, чтобы ко мне приставали. Если я объявлю себя геем, у меня может появиться несколько поклонников. Например, представьте, что Росс начнёт ко мне приставать? Мерзость.

«Спенсер, казалось, был немного взволнован этой идеей», — думаю я, щёки вспыхнули. Хотя насколько это глупо? Если он гей, то на самом деле я бы ему вообще не понравилась, как только он узнал, не так ли? Не то чтобы я хотела, чтобы он заинтересовался. Не то чтобы меня это волновало.

Ни капельки.

На Хэллоуин комендантского часа нет, но это также своего рода спорный вопрос для кого-то вроде меня, у кого нет машины. В то время как большинство других студентов садятся в лимузины или модные спортивные автомобили и уезжают, я остаюсь в академии практически одна.

— Папа, *пожалуйста*, — умоляю я, держа его ключи в руке. — Просто позволь мне съездить в город на пару часов.

— Чтобы ты могла пойти на вечеринку и выпить? — спрашивает он, стоя на кухне с единственным фонарём в виде тыквы, светящимся в окне позади него. — Ни в коем случае. Ты здесь никого не знаешь, и у тебя нет друзей, которые могли бы пойти с тобой. — *Ух ты, пап, вот это да*. Я хмурюсь, но он и близко не закончил свою лекцию. — Кроме того, ты всё ещё в ссоре со Студенческим советом, и ты вела себя не совсем так, как подобает тому, кто заслуживает вечернего отдыха.

— Серьёзно? — спрашиваю я, мой рот открывается от шока. Конечно, дома папа тоже был строгим, но не таким. В прошлом году на Хэллоуин я пошла с Моникой и Коди на частную пляжную вечеринку, которую устраивала её двоюродная сестра. Да, мы напились, но худшее, что мы сделали — это нарисовали из баллончика гигантский член на спасательном знаке по дороге. Ну, и мы с Коди лежали на песке, пока не взошло солнце, и целовались. — Ты собираешься заставить меня болтаться в этом городе-призраке в полном одиночестве?

— Шарлотта, мне нужно поработать, а Хэллоуин для меня — просто ещё один день. Мне жаль, если это так много значит для тебя, но следовало думать об этом, прежде чем отказываться помогать Черчу с его проектом или подвергаться стольким задержаниям.

Я бросаю ключи на стойку и в отчаянии вскидывая руки, выхожу обратно на улицу и захлопываю за собой дверь. Сейчас я злюсь, окончательно и бесповоротно выведена из себя. Моника и Коди даже не отвечают на мои чёртовы звонки, оставляя меня гадать, что, чёрт возьми, они затевают сегодня вечером, частью чего я не смогу стать.

Красные, оранжевые и золотые листья кружатся вокруг меня, и я дрожу, поплотнее запахивая блейзер. Здесь так чертовски холодно, холодно и морозно, а в воздухе чувствуется привкус, который говорит о том, что снова пойдет снег.

Я скучаю по Калифорнии, скучаю по пляжу, по своим друзьям.

Проводя руками по лицу, я возвращаюсь в общежитие, пытаюсь игнорировать возникающее у меня жуткое чувство. Сегодня Хэллоуин, так что это понятно, и фонарики из тыкв, расставленные вдоль дорожки, не очень-то помогают.

Академия полностью лишена студентов и персонала; я думаю, что единственные люди, которые находятся здесь, кроме меня и папы — это Натан, ночной сторож, и Эдди, уборщик. В буквальном смысле, вот и всё. Я единственный человек в кампусе моложе пятидесяти.

Драматично вздохнув, я возвращаюсь в общежитие, проходя мимо оранжевых и чёрных растяжек в общей зоне и хватая огромную пригоршню конфет из гигантской вазы на кофейном столике. На заднем плане играет «Monster Mash», и перед тем, как все они отправились на более зелёные пастбища, один из парней установил автомат для приготовления сухого льда.

Искусственный туман клубится вокруг моих лодыжек, когда я поднимаюсь наверх,

чтобы взять книгу, телефон и ноутбук, а затем вернуться на диван в главной гостиной. По понятным причинам мне никогда не удаётся присесть здесь и насладиться потрескиванием камина или красивой старинной резьбой по дереву на каминной полке и стенах. Сегодня вечером я с таким же успехом могу воспользоваться телевизором с большим экраном, чтобы посмотреть фильмы ужасов.

Я выберу какой-нибудь обычный подростковый слэшер (*прим. — Слэшер — поджанр фильмов ужасов, для которого характерно наличие убийцы-психопата, который преследует и изоцирэнно убивает одного за другим некоторое число людей, чаще всего — подростков*), который начинается с того, что шестнадцатилетней девушке перерезают горло, и повсюду разбрызгивается кровь. Мой нос морщится, а губы поджимаются, но это не мешает мне пройти в маленькую кухоньку и бросить туда пакет с попкорном, который можно разогреть в микроволновой печи. В холодильнике и шкафчиках ежедневно пополняются закуски и напитки, доступные каждому. На противоположной стороне комнаты есть полки, заполненные вкусностями с этикетками, которые принадлежат другим ученикам. Взять что-то, что тебе не принадлежит, стоит недельного задержания. Я бы не стала угрождать себя, даже если бы у меня возникло искушение.

Вместо этого я радую себя примерно сотней баночек с арахисовым маслом от Reese's, попкорном и таким количеством газировки, что меня начинает тошнить. Или, может быть, это потому, что я только что видела, как на экране убивают около десяти подростков? Это гораздо страшнее, когда ты сидишь одна в большой тёмной комнате, по полу стелется туман, а за окном ухает сова.

После первого фильма я делаю перерыв, чтобы зажечь кучу оранжевых и чёрных свечей, а затем снова сажусь и начинаю сверхъестественный фестиваль ужасов с сексуальными оборотнями, которые оказываются не такими сексуальными, когда начинают есть людей.

Через пятнадцать минут электричество отключается.

— О, да ладно! — огрызаюсь я, ставя вазочку с конфетами на стол и вставая. Выглядывая из-за входной двери, всё, что я вижу — это кружащиеся листья и темнота, прерываемая несколькими мерцающими тыквами и несколькими фонарями на солнечной энергии, которые украшают дорожку. Нет ни шторма, ни причин для отключения электричества.

Я закатываю глаза и возвращаюсь в дом, используя сотовый, чтобы позвонить папе.

— Да, Чак, я знаю, что электричество отключено, — так он отвечает на телефонный звонок, и я закатываю глаза. Кажется, он чем-то крайне раздражён, но я не буду спрашивать, потому что он никогда мне не скажет. — Просто крепись, и я позвоню тебе, когда узнаю больше информации.

— Хорошо. — Я вздыхаю, и он вешает трубку.

Я закрываю и запираю дверь, хотя мне и не положено этого делать. Думаю, что, если буду сидеть здесь и кто-нибудь появится, то просто встану с дивана и открою её. Однако каким-то образом то, что не было жутким десять минут назад, теперь пугает меня до чёртиков: туманная машина, окружающая музыка Хэллоуина, доносящаяся из столовой, отсутствие других студентов.

Плюхнувшись на диван, я делаю то, что у меня получается лучше всего, и поднимаю свой FOMO на новые высоты, просматривая социальные сети и просматривая все удивительные вещи, которые мои друзья в Калифорнии делают, а я нет.

Очевидно, Моника и Коди оделись как Арья и Джендри из «Игры престолов», что мне

как-то не нравится. Персонаж Арьи теряет свою девственность с Джендри, и, хотя ни Моника, ни Коди не девственники, меня бы не удивило, если бы между ними что-то произошло, пока меня не было...

Нет.

Нет, я не могу так думать.

Застонав, я выключаю телефон и бросаю его на кофейный столик. Смотреть на то, как веселятся другие люди — не самый разумный способ провести время. Всё, что это делает — это печалит меня. Вместо этого я лью к своей Киндл (*прим. — электронная книга*)... только для того, чтобы обнаружить, что она разрядилась.

— Какой невероятный канун Дня Всех Святых, — бормочу я, откладывая её в сторону и откидываясь на подушки. Я как раз собираюсь задремать, когда слышу шаги на кухне.

Небольшой укол ужаса пронзает меня, хотя знаю, что вполне разумно, что где-то здесь прятались ещё несколько студентов. Может быть, кто-нибудь спускается из своей комнаты перекусить или проверить ситуацию с электричеством?

Я жду, напрягшись всем телом, пока большая тёмная фигура не заполняет дверной проём между кухней и общей зоной.

— Привет, — говорю я, потому что что ещё мне оставалось делать? Этот человек просто стоит там, в темноте, и смотрит на меня. Это действительно жутко. — Я могу вам чем-нибудь помочь? — я повторяю, и он делает ещё один шаг ко мне.

Ладно, теперь мне становится не по себе.

— Чувак, не стой просто так, это выводит меня из себя. — Я встаю с дивана, полностью готовая схватить одну из гигантских свечей на колонне и швырнуть её в лицо этому чудаку.

Он делает ещё один шаг ближе, и моё сердце начинает бешено колотиться в груди. Меня охватывает холодный озноб, и руки начинают дрожать. Я никогда раньше не оказывалась в подобной ситуации, но, если придётся, то умру, сражаясь.

Стук в окно позади меня заставляет вскрикнуть, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть близнецов за стеклом, хмуро смотрящих на меня. Они оба — две половинки одного костюма: доктор Джекилл и мистер Хайд. И оба выглядят чертовски сексуально в старомодных пиджаках и цилиндрах.

Оглянувшись через плечо, я вижу, что фигура исчезла, поэтому пользуюсь моментом, чтобы отпереть дверь и впустить их обоих.

— Ты не должен запираеть дверь, — говорит мистер Хайд, обходя меня и постукивая тростью по деревянному полу.

— Это противоречит студенческому кодексу поведения, — добавляет доктор Джекилл, его глаза обведены густыми кругами, когда он останавливается рядом со мной и наклоняется, уперев руки в бока. — И вообще, что ты здесь делаешь совсем один?

— Я... — я снова останавливаюсь и оглядываюсь на дверной проём. — Всего секунду назад здесь был мужчина. Он был жутковат. — Близнецы обмениваются взглядами, а затем снова обращают своё внимание на меня, каждый из них приподнимает одну бровь. — Он был прямо там, чёрт возьми! — я показываю, и мистер Хайд идёт на кухню посмотреть, достаёт свой телефон и с помощью фонарика осматривается вокруг.

— Здесь отпечатки ботинок, — говорит он удивлённо, оглядываясь на своего брата. Он — давайте представим, что это Мика — обращает своё внимание на меня. — Но что с того?

— Людям разрешается оставлять отпечатки ботинок, — растягивает Тобиас, неторопливо проходя мимо меня. Но они этого не понимают. Почему я должна ожидать от

них этого? Я морщу губы, когда они усаживаются на мой диван и начинают есть мою еду.

— Извините, — огрызаюсь я, на мгновение забывая о жутком парне в дверях. Вероятно, это был просто какой-нибудь надутый старшеклассник, слишком высокопоставленный, чтобы ответить мне. По крайней мере, я буду чувствовать себя лучше, если просто продолжу говорить себе это. — Я сидел там.

— И что? — спрашивают они вместе, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, снова приподняв брови.

— То, что это мои вещи и моя еда. Убирайтесь отсюда.

Близнецы обмениваются взглядами, а затем снова поворачиваются ко мне.

— Заставь нас. — Они суют руки в мою миску для попкорна, когда снова включается электричество. Я прыгаю вперёд и хватаю пульт прежде, чем они успевают дотянуться до него своими грязными руками-близнецами, и в итоге меня хватают оба парня. — Да брось ты это, — говорят они, но я цепляюсь за эту чёртову штуку, как за спасательный плот. *Они* должны были пойти на какую-то вечеринку, пока я торчала здесь, и будь я проклята, если мне не удастся закончить этот фильм об оборотнях.

В итоге миска с попкорном падает на пол, и эти ублюдки начинают меня щекотать. Я вою от смеха, хотя изо всех сил стараюсь этого не делать.

Вот тогда-то меня и осенило.

Они прикасаются ко мне; они узнают.

Я внезапно дергаюсь назад и заканчиваю тем, что сбрасываю своё тело с дивана на кофейный столик, ударяясь головой с такой силой, что перед глазами появляются звёзды. Близнецы встают и поднимают меня на ноги, укладывая на подушки ещё до того, как меня настигает боль.

Когда я прикасаюсь рукой ко лбу, там кровь.

— Полотенце, — говорит один из парней другому. Я понятия не имею, кто есть кто, особенно сейчас, когда у меня голова идёт кругом как сумасшедшая. Доктор Джекилл-близнец убегает и появляется снова с тёплым полотенцем и аптечкой первой помощи.

— Мне не нужна ваша помощь, — говорю я им, отталкивая их руки. Доктор Джекилл просто хватает меня за запястья и удерживает неподвижно, пока мистер Хайд промокает мне лицо полотенцем, а затем наносит немного обезболивающего антисептического геля, прежде чем закрыть рану повязкой-бабочкой.

Я удивлена, что они так... добры ко мне.

Закончив, они передают пульт, а затем усаживаются в большие удобные кресла по обе стороны кофейного столика. Я вне подозрений, мои глаза сузились до щёлочек, но я всё равно включаю передачу, и мы все сидим там вместе в тишине и наблюдаем.

Во всём этом есть что-то... очищающее.

Настолько, что я забываю о жутком мужчине в дверях.

По крайней мере, сейчас.

В понедельник я плюхаюсь на своё место на уроке английского у мистера Мерфи и внезапно обнаруживаю, что рядом с моей партой стоит красивый учитель-блондин. Я резко сажусь и расправляю свой блейзер.

— Доброе утро, Чак, — говорит он, кладя моё эссе на стол и одаривая меня этой мягкой, милой улыбкой, от которой у меня порхают бабочки. — Кстати, отличная работа над эссе. — Он уходит по проходу, а я сижу с покрасневшими щеками и переворачиваю свой листок, чтобы увидеть цифру 98 на лицевой стороне. Хм. Неплохо. Дома я привыкла перекантовываться с хорошим, лёгким средним баллом «С». Вполне возможно, что это моя первая в жизни «А».

Оглянувшись через плечо, я пытаюсь разглядеть маленькую, подтянутую попку мистера Мерфи и замечаю, что Росс смотрит на меня так, словно этот мужчина принадлежит ему. Долбоёб. Я показываю ему фак и вижу, как его глаза расширяются от гнева, прежде чем я поворачиваюсь обратно и скрываю улыбку, сохраняя эту радость до конца урока.

Несмотря на то, что я делала всё возможное, чтобы не есть в кафетерии, девушка может выдержать, пока она не поддастся чудесным запахам, доносящимся из-за двойных дверей. Первые несколько недель, что я была здесь, умирала с голоду. В принципе, я завтракала, только если тащила свою ленивую задницу до дома папы, а потом мы почти каждый вечер ужинали вместе. Однако в последнее время он был до нелепости занят, и я действительно начинаю уставать пропускать ланч. Итак, я сделала это. Я сдалась.

Я опускаю голову, когда врываюсь в кафетерий, хватаю поднос и стараюсь не закатывать глаза при виде столов, заставленных едой. Это совсем не похоже на обычную столовую. Нет, эти богатые засранцы выглядят так, словно им каждый день устраивают шикарную свадьбу. Есть блюда из креветок, стейков, десертов, которые я даже не могу выговорить.

К тому времени, как я сажусь за стол с полным подносом, я почти уверена, что у меня еды больше чем на сто долларов.

«Как я могла позволить себе упускать это?!» — думаю я, разрезая стейк, и стону. Внутри он идеальной средней прожарки, совершенство на уровне стейк-хауса.

Сидя в одиночестве в дальнем углу, я почти уверена, что меня оставят в покое. Я проделала чертовски хорошую работу, убедившись, что все в этой школе ненавидят меня. Я замираю, не донеся до рта кусочек картофельного пюре с козьим сыром, и чувствую, как меня захлёстывает волна грусти. Я поняла, что дома меня ждёт куча друзей. Здесь... У меня никого нет. Поначалу мой новый статус одиночки меня не беспокоил, но я думаю, что вся эта изоляция начинает действовать мне на нервы.

Я кладу ложку и закрываю глаза, делая долгий, глубокий вдох, прежде чем снова их открыть. Когда это делаю, я подпрыгиваю, потому что близнецы внезапно оказываются рядом, садясь по обе стороны от меня.

— Чего вы хотите? — спрашиваю я, когда они оба подпирают головы руками, поставив локти на стол.

— Спенсер говорит, что ты гей, — говорят они мне в унисон, и я пожимаю плечами.

— И что? — я беру свой стакан клюквенного сока с гигантским круглым шариком льда и кусочками свежей клюквы и мяты сбоку (это действительно похоже на необычный

коктейль) и делаю глоток.

— Так вот почему ты был таким ослом? — спрашивает Мика, уставившись на меня ленивым взглядом. Его полные губы изгибаются в ухмылке.

— Так ли это? — повторяет Тобиас, и когда я снова смотрю на него, то нахожу на его лице точно такое же выражение. У них обоих такие выгоревшие красно-оранжевые волосы, которые как бы встают дыбом, когда им заблагорассудится, маленькими пучками. Это выглядит случайным, но я знаю. Каждое утро каждый из них проводит в ванной около часа. Не уверена почему, учитывая, что здесь нет девушек, на которых можно произвести впечатление. Ну, насколько им известно, нет.

— Я... — я не знаю, что ещё сказать, поэтому просто снова пожимаю плечами. — Да, мне нравятся парни. Я сказал это Спенсеру. Это не значит, что он мне нравится, так что, может, вы просто оставите меня в покое? — близнецы обмениваются взглядами, прежде чем снова обратить своё внимание на меня.

— Как твоя голова? — спрашивают они снова в унисон. Хотела бы я знать, как им это удаётся, вся эта идеальная слаженность. Неуверенно протягивая пальцы вверх, я касаюсь своей головы сбоку и пожимаю плечами. Всё ещё больно, но стало намного лучше.

— Всё в порядке.

Я встаю, потому что мне не нравится, как они оба на меня пялятся, и оставляю поднос там, где он стоит. Вот как это здесь работает: всегда найдётся кто-то другой, кто уберёт за тобой. На самом деле использованные лотки некуда девать; предполагается, что их просто оставят для сотрудника. Это не тот образ жизни, к которому я привыкла. Даже не уверена, что мне это нравится.

Близнецы отпустили меня, но это не последний раз, когда я вижу их на этой неделе.

В пятницу я занимаюсь своим обычным делом, отсчитываю дни до ноябрьских каникул, сидя на диване в заброшенном женском общежитии и просматривая фотографии из старых ежегодников, которые сохранила на своём телефоне. Я даже сняла со стены фотографию класса, и она стоит рядом со мной на кофейном столике.

Я *полна решимости* выяснить, что случилось с этой девушкой, и почему никто о ней не говорит, почему мой отец даже не упоминал о ней. Я упомянула о ней за ужином на прошлой неделе, но папа едва обратил на меня внимание. Он даже не оторвал взгляда от своего планшета и не опустил ложку с горошком, которую держал в воздухе. Он сказал мне, что понятия не имеет, о чём я говорю, и что я была первой девушкой, которая когда-либо посещала Адамсон, а потом, когда он, наконец, посмотрел в мою сторону, нахмутив брови, его единственным вопросом было, где я вообще видела фотографию класса.

Шум снаружи заставляет меня задуматься, и я выключаю экран телефона, наклоняясь, чтобы задуть свечу в виде чёрного столба, которую стащила из общей зоны на Хэллоуин. Комната погружается в темноту, и я сижу там так неподвижно и тихо, как только могу. Это была бы не первая ложная тревога в моей жизни. В прошлый раз из дыры в стене показалась пара крошечных глаз, и опоссум зашипел на меня, прежде чем ретироваться.

После минутного молчания я протягиваю руку, чтобы взять зажигалку, когда входная дверь распаивается и вваливаются две фигуры. Мой первый инстинкт — вскочить с дивана и потянуться за одним из старых кирпичей, которые я нашла снаружи и принесла с собой в качестве оружия. Если понадобится, я тресну им по голове какому-нибудь ползучему существу.

Одна из фигур включает фонарик и направляет луч прямо мне в лицо, когда я поднимаю

руку, чтобы прикрыть глаза.

— Что за чертовщина? — спрашиваю я, прежде чем свет гаснет, и я моргаю в темноте. Один из близнецов МакКарти подносит луч к своему лицу и лукаво улыбается мне.

Моё сердце падает, и я чувствую, как глубокая морщина запечатлевается на моих губах.

Нет, это моё место, моё святилище. Я сдерживаю проклятие и кладу кирпич обратно на кофейный столик, хватаю зажигалку и подношу её к фитилю свечи, пока мы не оказываемся в тёплом сиянии.

— Чего вы двое хотите? — спрашиваю я, когда они обмениваются взглядами и переходят в гостиную, занимая моё ценное личное пространство. Один из них — назовём его Мика — берёт фотографию класса и некоторое время изучает её.

— Тебе не следует копаться в этом, — говорит он, обмениваясь взглядом со своим братом. Они оба поворачивают изумрудные глаза обратно ко мне, изучая моё лицо. Они следили за мной всю неделю. Я хочу знать, что они задумали. Или что, по их мнению, я задумала.

— Почему нет? — спрашиваю я, чувствуя себя вызывающе, хватая фотографию, блокнот и телефон и занимая новую позицию на одном из других стульев в комнате. Прежде чем я успеваю взять крендельки или упаковку из шести банок содовой, которую принесла с собой, близнецы вгрызаются в неё, и я стону. — Пожалуйста, оставьте меня и мою еду в покое, разве вы и так недостаточно преследуете меня?

— Это сестра Рейнджера, Дженика, — произносит один из близнецов, а другой бросает на брата такой взгляд, как будто, возможно, ему вообще не следовало ничего говорить. Одна моя бровь приподнимается. Это первый раз, когда я слышу, чтобы они в чём-то расходились во мнениях. Они едва произносят отдельные предложения, не говоря уже о том, чтобы иметь отдельные мнения.

— Да, вы уже говорили, — отвечаю я, забирая у них последнюю нераспечатанную газировку и откупоривая крышку. Последнее, чего я хочу — это чтобы они оставались здесь, но я думаю, что, если я буду раздувать из мухи слона, они будут возвращаться чаще, просто чтобы позлить меня. — Почему она как призрак?

Затем они оба поворачиваются ко мне с поднятыми бровями и слегка расширенными взглядами, как будто я только что сказала что-то тревожное.

Я отнимаю банку с содовой от губ и приподнимаю бровь, останавливаясь, чтобы поправить очки средним пальцем. Длинные рукава моей толстовки низко спадают и прикрывают мои руки.

— Подождите, она... она ведь не мертва, правда? Я просто имел в виду, что она не присутствует в Сети, нет фотографий в социальных сетях Рейнджера, или его мамы, или...

— Она покончила с собой, — отвечает Тобиас — я думаю, именно он проболтался об имени Дженики. Мика прищуривает свои зелёные глаза и толкает брата локтем в бок, но Тобиас ещё не закончил. — В любом случае, такова история. А мать Рейнджера — набожная католичка. Ей стыдно. Она думает, что Дженика попала в ад.

Вау.

— Пожалуйста, заткнись, — шепчет Мика, мрачно глядя на Тобиаса. — Из-за тебя Рейнджер убьёт нас обоих.

— Значит, Рейнджер тоже стыдится сестры? — спрашиваю я, думая о том, как это печально. Если девушка действительно покончила с собой, она явно страдала. А потом, чтобы её семья посмертно отказалась от нее? Блядь.

— Нет, он думает, что её убили, — выпаливает Тобиас, и тогда его брат действительно бьёт его локтем в живот. Они оба скривили губы в подобающем оскале, а затем наклонились так близко, что их лбы почти соприкасались. — Он имеет право знать.

— Серьёзно, так ли это? — спрашивает его брат, и затем они оба одновременно встают и поворачиваются ко мне лицом. Я с трудом сглатываю и делаю глоток содовой, чтобы скрыть внезапную нервозность. Они оба смотрят на меня так, словно видят насквозь. — В любом случае, тебе следует просто оставить Дженику в покое.

— Если только... — начинает его брат, и затем они снова смотрят друг другу в лица, пронзая друг друга кинжальными взглядами. Если они думали, что эта небольшая информация разубедит меня, то всё произошло как раз наоборот. Я хочу знать, как она умерла и почему Рейнджер думает, что её убили. Или почему по прошествии десяти лет в любом случае буквально нет доступной информации.

— *Пойдём*, Тобиас, — говорит Мика, и я удивляюсь, что на самом деле угадала их правильно. На самом деле, нет никакого способа сказать наверняка. Насколько я могу судить, они абсолютно одинаковы во всех отношениях. Те же волосы, те же глаза, та же униформа, тот же голос. — Я даже не знаю, зачем мы вообще проделали весь этот путь сюда, — бормочет он, но затем оба близнеца останавливаются на пути к выходу и оглядываются на меня. — Будь здесь осторожен. В этом кампусе происходили странные вещи.

Близнецы поворачиваются и направляются к двери, а я, разинув рот, смотрю на их удаляющиеся спины.

— Что, чёрт возьми, это должно означать?! — я зову, но уже слишком поздно. Близнецы исчезают, закрывая за собой дверь и запирая её на ключ. Мне и в голову не пришло спросить, где они взяли ключ.

Кулинарный клуб — моя самая нелюбимая часть недели; Студенческий совет намерен превратить мою жизнь в ад. Во вторник Спенсер схватил меня за руки, а Рейнджер намазал мои губы острым перцем, отчего они горели. Сегодня я вошла в дверь и получила пирогом по лицу.

Когда я стою у раковины, счищая кусочки банана и сливок со своих линз, замечаю, что Спенсер пропал. Не то чтобы меня это волновало. Он, наверное, самый подлый из всей компании.

Что ж... Я оглядываюсь и вижу Черча, сидящего в кресле в углу с бокалом... чего-то похожего на вино в бокале для вина. Я имею в виду, что это, вероятно, не вино (возможно, какой-то вид кофе со льдом), но эффект тот же. Он выглядит как какой-нибудь богатый аристократ, повелевающий своими подданными.

Мои губы изгибаются.

По тому, как он смотрит на меня, по его медовым глазам я чувствую глубокий колодец жестокости, который только и ждёт, чтобы его вскрыли. Когда он улыбается, я вздрагиваю. Когда проходит мимо меня в коридоре, я съёживаюсь. Почти уверена, что он психопат или что-то в этом роде. Это пугает меня до чёртиков.

Повернувшись обратно к раковине, я игнорирую его и заканчиваю убирать. Некоторое время спустя эти придурки посылают меня в коридор за дополнительной мукой из столовой. Я позвякиваю ключами на ходу, направляясь по пустому каменному коридору. Но когда захожу в кафетерий и направляюсь к кладовой, то вижу, что дверь уже приоткрыта.

Я решаю, что мне всё равно, кто там, чёрт возьми, находится, и распахиваю дверь настежь.

У меня отвисает челюсть, и, в конце концов, я роняю ключи на пол.

Спенсер наклоняется, его предплечье лежит на полке над головой первокурсника. Парень смотрит на него, разинув рот, пальцы Спенсера нежно касаются его подбородка, их губы соприкасаются. Этот засранец бросает на меня взгляд своих потрясающих бирюзовых глаз и приподнимает тёмную бровь.

— Чего ты хочешь, Чак? — он огрызается, и другой мальчик краснеет, ныряя под руку Спенсера и протискиваясь мимо меня. Он срывается с места и исчезает, оставляя нас вдвоём в огромной кладовой.

— Что ты делал с тем парнем? — спрашиваю я, наклоняясь, чтобы поднять ключи. Я засовываю их в карман и двигаюсь вперёд, притворяясь, что мне наплевать на то, что я нахожусь в крошечной, тёмной комнатухе с парнем, который вроде как чуть не попытался поцеловать меня на днях.

Но я чувствую это, некое напряжение, возникающее между нами, которое я отказываюсь признавать. Мало того, что Спенсер Харгроув придурок, но если он думает, что я гей, то *он* в конечном итоге становится геем... Целовать его было бы неправильно. И это ни к чему не приведёт. Не то чтобы я этого хотела или что-то в этом роде.

— Что с ним делал? — спрашивает он, выпрямляясь и наблюдая за мной, пока я осматриваю полки в поисках мешка с мукой. — Я ничего с ним не делал. Это *он* признавался мне в любви.

— В любви? — я усмехаюсь, оборачиваясь и обнаруживая Спенсера слишком близко ко

мне. Он прижимает меня к себе, обхватив руками по обе стороны от моего тела, и наклоняется ближе, от него исходит древесный тёплый аромат, похожий на кедр и иссоп. Его рот оказывается слишком близко к моему, чтобы чувствовать себя комфортно, и я жалею, что это не было на прошлой неделе, когда у меня во рту было это жгучее ощущение перца. Тогда можете поспорить на свою задницу, что я поцеловала бы его в ответ и обожгла этим капсаицином.

— Да, такое случается. Я имею в виду, что в академии не только есть геи и би-парни, но это школа только для мальчиков, — Спенсер проводит костяшками пальцев по моей щеке и захватывает мой подбородок пальцами, заставляя меня посмотреть на него. — Иногда даже натуралам бывает одиноко.

— Это то, что ты хочешь сказать мне прямо сейчас? — спрашиваю я, дыша так тяжело, что у меня запотевают очки. — Что ты просто одинокий натурал?

Спенсер сощуривает свои бирюзовые глаза и наклоняется чуть ближе, наши губы едва соприкасаются, вызывая у меня самое сильное нервное чувство за всю мою жизнь. У меня такое чувство, будто я только что опрокинула десять «Ред Булл» подряд.

— За последние несколько лет я получил десятки предложений, — говорит он, прикусывая нижнюю губу. Его веки сейчас немного опущены, и меня так и подмывает ударить его в живот и убежать. Вместо этого я просто стою там и жду. — Может быть, и больше, но... Я отказал им всем. Ты первый парень, который когда-либо привлекал моё внимание.

— Мне повезло, — тяну я, закатывая глаза, но наши рты всё ещё так близко, что трудно сосредоточиться.

— Что в тебе такого? — снова начинает он, морща лоб и запуская пальцы в волосы у меня на затылке. — Что-то в этом рте... — А потом он ругается, ненадолго отворачивается, а затем снова поворачивается ко мне лицом, притягивая мои губы к своим в сокрушительном, собственническом поцелуе.

Мои руки поднимаются и цепляются за его блейзер, и, хотя моим первым намерением было ударить его коленом по яйцам, всё, что я в итоге делаю, это приоткрываю губы и позволяю ему засунуть свой язык мне в горло.

«Срань господня, этот поцелуй!» — думаю я, внутренне взвизгивая и стараясь не растаять в лужу на полу кладовки. Спенсер целуется так же хорошо, как и издевается: горячо, интенсивно, сокрушительно. Это слишком много, и я ненавижу то, как хорошо это ощущается.

Он прижимается ко мне всем телом, и я чувствую его твердость сквозь тёмно-синие брюки. *Боже милостивый.* Через мгновение Спенсер замолкает и смеётся, этот тёплый, пьянящий звук проходит сквозь меня и заставляет дрожать.

— Я никогда раньше не целовался с парнем. Кто бы мог подумать, что у тебя такой горячий ротик? — Спенсер берёт меня за подбородок и снова целует, наклоняясь, чтобы схватить мою руку и положить её на выпуклость в своей промежности. А потом он двигает своей рукой, как будто намереваясь схватить мою.

Только... там не за что хвататься.

А ещё у меня есть парень. Дома, в Калифорнии, меня ждёт Коди, а я, чёрт возьми, ему изменяю?!

Чувство вины поднимается внутри меня яростной волной, и я отталкиваю Спенсера так сильно, как только могу, обеими руками. Он настолько не ожидал этого, что, в конце

концов, упал на задницу, с проклятием ударившись головой о стену.

Я пробегаю мимо него, совершенно забыв о муке, а затем возвращаюсь в свою комнату на остаток ночи.

Во мне нет такой части, которая хотела бы разобраться в том, что только что произошло. Но я знаю, что, когда поеду в Калифорнию на зимние каникулы, мне придётся рассказать Коди о том, что произошло. У меня достаточно секретов, которые я могу хранить, не беспокоясь ещё об одном.

Я так плохо справляюсь с учёбой в Адамсоне, что это даже не смешно. Серьёзно, я отношусь к последним десяти процентам в классе. Не то чтобы я когда-либо была отличницей — отнюдь — но я привыкла маневрировать с оценками «С».

— Это неприемлемо, — говорит папа, угрожающе трясая своим айпадом в моём направлении. На нём один из тех резиновых чехлов, защищающих от детей, с логотипом «Собачий Патруль» на обороте. Он купил его в магазине, и когда я попыталась предложить более подходящий чехол для мужчины пятидесяти с чем-то лет, он практически откусил мне голову и сказал, что если он послужит своей цели, так какое мне дело?

Может быть, он тайно смотрит шоу? Откуда мне знать?

— Мне... жаль, — уклоняюсь я, прикусывая нижнюю губу и отводя взгляд в сторону. Трудно смотреть на него, когда его лицо становится таким багровым. На его шее выступают вены, которые пульсируют. Всё это в некотором роде графично. Это тоже своего рода победа, учитывая, как усердно я пыталась в прошлом воздействовать на него, но безрезультатно. Это, по крайней мере, похоже на то, что, возможно, ему не всё равно. — Учёба здесь действительно тяжёлая.

— Шарлотта Фаррен Карсон, — рявкает он, и вот тогда становится по-настоящему *страшно*. Мой отец не любит кричать, так что, как только это происходит, ты знаешь, что дерьмо вот-вот попадет в цель. — Если ты не поднимешь эти оценки, то можешь попрощаться с поездкой в Калифорнию.

У меня отвисает челюсть, и сердце разлетается на мелкие кусочки, забрызгивая внутреннюю часть груди метафорической кровью. Конечно, это звучит драматично, но и ощущения тоже драматичные.

— Мне почти семнадцать! — выдыхаю я, думая, что это хороший аргумент для того, чтобы он отступил и позволил мне заниматься своими делами. Похоже, это не помогает. На самом деле, я думаю, что от этого ему становится только хуже.

— Вот именно, что означает, что тебе определённо *нет* восемнадцати. Если ты захочешь сбежать в свой восемнадцатый день рождения и присоединиться к цирку, тогда ладно. Но до тех пор ты принадлежишь мне. Когда ты будешь посещать школу за мои деньги, ты будешь подчиняться моим правилам. Доведи эти оценки до «С», или ты не отправишься в путешествие, юная леди.

Папа проталкивается мимо меня и направляется вверх по лестнице, его ботинки громко стучат по деревянным ступенькам. Я показываю средний палец за спиной, стискиваю зубы и бью кулаком по стене рядом с причудливой деревянной отделкой, обрамляющей дверной косяк.

Это чертовски больно, и в конце концов у меня кровоточат костяшки пальцев. Чертыхаясь себе под нос, я направляюсь в ванную. Проходя через кухню, замечаю, что окно над раковиной открыто, а снаружи... в кустах что-то шуршит.

Я прислоняюсь к стойке и вглядываюсь сквозь ширму в темноту.

— Кто, чёрт возьми, там снаружи? — я рычу своим самым глубоким, рокочущим голосом. Всё, что получается — это звучать так, словно у меня болит горло. Шорох усиливается, и я отталкиваюсь от столешницы, распахиваю входную дверь и замираю, когда со стороны дома доносится звук шаркающих ног.

Я не собираюсь преследовать того, кто это был, но сейчас моё сердце бешено колотится, и мне интересно, как много они могли услышать из разговора с моим отцом. Они слышали, как он назвал меня Шарлоттой? Как насчёт юной леди?

Со стоном я опускаюсь на ступеньки и провожу ладонями по лицу. Между поцелуем со Спенсером, тенью в дверном проёме на Хэллоуин и горой школьных заданий, которые я не успеваю выполнить, я чувствую, что у меня может случиться нервный срыв.

С каких это пор жизнь стала такой чертовски тяжёлой?

Песок, солнце и прибой. Раньше это было моим девизом. Теперь это... секреты, противостояния и сироп. Да, сироп. После того, как я на днях бросила Кулинарный клуб без муки, Студенческий совет выследил меня, и близнецы держали меня неподвижно, пока Рейнджер поливал мои волосы кленовым сиропом.

— Я ненавижу свою жизнь, — стону я, обхватывая голову руками и утыкаясь лбом в колени.

— Почему это? — весело спрашивает чей-то голос, и я поднимаю голову, чтобы увидеть стоящего передо мной Черча Монтегю. Он улыбается, и улыбка озаряет всё его лицо. Всё, кроме его глаз. Даже его кожа вокруг глаз покрывается морщинками, но взгляд... остаётся ледяным.

— Тебе не понять, — ворчу я, бросая взгляд на лес справа от меня. Лес густой, тёмный и дикий, и вдалеке я снова слышу уханье совы. Они здесь повсюду — некоторые виды называются короткоухими совами — но я ненавижу их, потому что они придают зловещий оттенок каждому мгновению.

Придурки.

— Так ли это? — спрашивает Черч, засовывая одну руку в карман своих слаксов. — Потому что твой отец позвал меня сюда, чтобы я мог предложить услуги в качестве твоего наставника. — Я фыркаю и качаю головой. Что за нелепая идея. В аду нет ни малейшего шанса, что я позволю Черчу обучать меня. Он бы давал мне неправильные ответы просто для того, чтобы заморочить мне голову.

— Почему бы тебе просто не избить меня вместо этого? — возражаю я, вставая и отходя от него к машине. Я каким-то образом испачкала накрахмаленную белую рубашку, которая идёт к моей униформе, и Студенческий совет ищет любой предлог, чтобы наказать меня задержанием. У меня есть ещё одна форма, нераспечатанная, в багажнике.

Открывая входную дверь, я наклоняюсь и тяну за рычаг, чтобы открыть её. Черч смотрит на меня так, словно я археолог на долбанных раскопках, как будто он никогда не видел такого древнего образца технологии.

— Да, это не Бимер, я знаю, облом. — Я направляюсь к багажнику, а затем останавливаюсь, когда чувствую движение позади себя. Обернувшись, я обнаруживаю, что Черч слишком близко от меня. Он больше не улыбается.

Он запикивает меня в багажник и делает шаг вперёд, хватая меня пальцами за подбородок с такой силой, что мне становится больно.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты прекратил копать о сестре Рейнджера, — произносит он холодным, ровным и будничным голосом. Это так не сочетается с его золотисто-

каштановыми волосами и радужками медового цвета. Но его взгляд... Нет, эта темнота прекрасно сочетается с его чёрной, разбитой душой.

— Отпусти меня, — рычу я, но Черч только сжимает сильнее, и у меня вырывается тихий стон. В этом звуке есть что-то такое, что заставляет его остановиться, и его хватка ослабевает ровно настолько, чтобы я смогла отвернуть голову. Но когда я пытаюсь вылезти из багажника, Черч запикивает меня обратно, вталкивает мои ноги следом и закрывает за мной крышку. — Эй! — кричу я, начиная чувствовать небольшой прилив паники. Если папа уже удалился на ночь в свою комнату, то может и не услышать меня здесь. Я могла бы просидеть в ловушке всю ночь. — Черч!

Я слышу, как его шаги удаляются по тропинке, прежде чем он останавливается, и меня охватывает небольшая волна облегчения. Он возвращается в моём направлении, и я готовлюсь к тому, что багажник откроется. Вместо этого слова звучат так, как будто Черч наклоняется и прижимает свой рот к замку.

— Приятных снов, Чак. И помни: это твой последний шанс. Если ты продолжишь выкапывать старые скелеты, тебя могут просто спихнуть в могилу вместе с ними.

А потом Черч уходит, и я остаюсь кричать до хрипоты в багажнике отцовской машины. В конце концов, я сдаюсь и засыпаю. Папа встанет рано, и тогда я снова смогу начать кричать. Сейчас в этом нет никакого смысла. Ну, и как идиотка, я оставила телефон на кухонном островке. Огромная куча пользы, как обычно.

Одному богу известно, как долго я слушаю сов, и наконец засыпаю. Когда просыпаюсь позже, дрожа как сумасшедшая, я обнаруживаю, что багажник открыт, и лунный свет проникает внутрь и ложится на мою кожу серебряными лучами.

Глупо моргая, я сажусь и тру глаза. Черч, должно быть, вернулся, чтобы выпустить меня. Может быть, даже *он* понял, насколько глупо было оставлять меня в багажнике машины?

— Придурок, — бормочу я, вылезая из багажника и зевая, когда вытягиваю руки над головой. Я понятия не имею, который час, но на улице очень холодно, и с тёмно-синего неба падают крошечные белые снежинки.

Мои ноги хрустят по обледенелой гальке, когда я поднимаюсь к входной двери.

Она заперта.

Серьёзно?

— Блядь, — ругаюсь я, снова проводя руками по лицу. Мне нужен мой телефон, но неважно. Я проверю заднюю дверь, и, если она заперта, я просто вернусь в общежитие.

Я начинаю обходить дом сбоку, когда слышу, как что-то шуршит в лесу футах в пятидесяти (*прим. — примерно 15 м*) от того места, где я стою. Моё сердце начинает бешено колотиться, но я говорю себе, что это просто олень, или енот, или, может быть, ещё одна глупая сова.

Я заставляю себя продолжать идти, притворяясь, что я не слабачка и что у меня не трясутся руки. Они абсолютно трясутся.

«Просто будь спокойна, Шарлотта. Будь спокойна».

Я хватаюсь за ручку задней двери и обнаруживаю, что она тоже заперта. По какой-то причине мне не кажется, что было бы хорошей идеей колотить в дверь и будить моего отца. Даже если бы я рассказала ему, что Черч сделал со мной, он, вероятно, не поверил бы этому. Нет, так или иначе, у меня, вероятно, в конечном итоге были бы неприятности из-за этого.

Когда я оборачиваюсь, в тени на опушке леса стоит мужчина. На нём тёмная толстовка

с капюшоном, и я не вижу никаких опознавательных знаков. Но, чёрт возьми, он всё равно чертовски жуткий.

— Чего ты хочешь? — огрызаюсь я, мой голос эхом разносится по пустой лужайке между нами. Скрестив руки на груди, я говорю себе, что выгляжу крутым парнем... даже со своими распущенными светлыми волосами и очками. Верно. — Потому что я начинаю уставать от того, что ты подкрадываешься ко мне.

Мужчина стоит там долгое мгновение, а затем я вижу серебристую вспышку рядом с ним. Кажется... нож?

У меня перехватывает дыхание, и я чувствую, как в моей груди зарождается крик. Теперь у меня есть выбор: стоять на своём, кричать и колотить в дверь в надежде, что мой отец проснётся и спустится сюда вовремя... или убежать.

Но Арчи Карсон крепко спит, и иногда он включает свой шумоподавитель, и... Я срываюсь с места, направляясь к общежитию для парней, и эта открытая пожарная дверь, о которой я только молю, всё ещё открыта.

Я слышу топот ног позади себя, прерывистое дыхание кого-то, кто бежит со всех ног. Пальцы касаются задней части моего блейзера, и я выскальзываю из него, не задерживаясь ни на секунду. Слава богу, у меня была расстегнута передняя пуговица.

Выбегаю из-за поворота, с одной стороны которого находится главное здание, а прямо передо мной — общежитие для парней, я поскользываюсь на гравии, и мужчина падает прямо на меня. Я приседаю, моё колено пульсирует от боли из-за того, что я так сильно ударилась о тропинку, и тень извращенца пролетает у меня над головой, чтобы приземлиться на спину в траву.

Это мой шанс.

Я встаю и пинаю руку с ножом так сильно, как только могу, выбивая его. У меня недостаточно времени, чтобы наклониться и схватить его, потому что мужчина пытается схватить меня за лодыжки, поэтому я просто срываюсь с места, бегу так быстро, что кажется, будто моё сердце вот-вот выскочит из груди.

Я более осторожна, когда делаю второй поворот, слегка буксую, но удерживаюсь на ногах. Когда оглядываюсь через плечо, то никого не вижу.

К сожалению, я так занята тем, что оглядываюсь *назад*, что не смотрю вперёд.

Я резко поворачиваю голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как сапфировые глаза Рейнджера расширяются от удивления. Мы сталкиваемся с парой двойных хрипов, падая на землю, а я оказываюсь сверху. Мои руки сжаты в кулаки на его ночной пижаме, а наши рты... тревожно близки.

Он выдыхает, и я чувствую вкус мятной зубной пасты в его дыхании, вижу удивление в его глазах, когда мы привыкаем к ощущению моего тела, прижимающегося к его. У него длинные тёмные ресницы, которые становятся ещё более заметными в серебристом лунном свете. Когда мы дышим, наши грудные клетки поднимаются и опускаются в тандеме друг с другом.

Это похоже на один из тех идеальных моментов в кино, когда герой и героиня случайно целуются...

— Ч-что за хрень? — Рейнджер сплёвывает, а затем бесцеремонно отпихивает меня от себя. О, верно. Он думает, что я чувак. И он натурал. Который ненавидит меня. — Ах, чёрт, у меня идёт кровь, — ворчит он, протягивая руку, чтобы стереть немного крови с нижней губы.

— Прости, — стону я, перекатываясь на бок и садясь. Я смотрю в направлении тропинки, но нет никаких признаков человека-тени с ножом.

«Ты только что слышал себя, Чак?! Ты сказал, человек-тень... с долбаным ножом?! Вроде как большое дело».

Я всё ещё тяжело дышу, моё сердце бешено колотится, когда я вглядываюсь в темноту в поисках своего собственного, персонального бугимена.

От него нет и следа.

Я вздыхаю с облегчением.

— Ты, блядь, *с ума сошёл*? — огрызается Рейнджер, хватая с земли брошенную сигарету и закуривая. Он не смотрит на меня, когда затягивается. — Какого чёрта ты шляешься по кампусу в два часа ночи?

— Сейчас два? — спрашиваю я, а затем чувствую, как мои челюсти сжимаются от гнева. Неудивительно, что у меня так сильно болит шея. Я не просто только что столкнулась лоб в лоб, но и была заперта в этом дурацком багажнике примерно пять долбанных часов.

— Да, тупой псих, — язвит Рейнджер, и я решаю, что это почти первый раз, когда меня называют тупым психом. — Что ты здесь делаешь?

— А что *ты* здесь делаешь? — я повторяю, понимая, что причина, по которой я ничего не вижу в темноте, заключается в том, что у меня пропали очки. Выругавшись, я оказываюсь на земле, как Велма в «Скуби-Ду», шарю по гравию в поисках своих — надеюсь — целых очков.

— А на что *похоже* то, что я делаю? — Рейнджер повторяет резким тоном мудака, который мне хорошо знаком на данный момент. — Курю чёртову сигарету.

— Ты можешь помочь мне найти очки? — спрашиваю я, игнорируя его оскорбительный тон. Я начинаю паниковать. Если я потеряю очки, папа убьёт меня. А потом он заставит надеть контактные линзы, и я уверена, что вся школа узнает, если у меня не будет больших уродливых очков, которые защищают меня.

— Нет. — Рейнджер продолжает стоять там и курить, поставив одну ногу на скамейку, которую давным-давно вырезали какие-то студенты из упавшего бревна. Он одет в ночную пижаму в чёрно-белую полоску, которая полностью расстёгнута.

Или, по крайней мере... Я думаю, это то, во что он одет. Он сейчас немного размазанный.

«Очки, очки, очки», — повторяю я про себя, ползая вокруг на четвереньках.

— Я хочу знать, почему у меня разбита чёртова губа, Карсон. И вообще, в чём твоя проблема? — Рейнджер продолжает ворчать на меня, пока я ползаю вокруг в отчаянных поисках, паника сжимает моё горло изнутри.

За мной только что гнался парень с ножом.

Что бы случилось, если бы он догнал меня?

Была бы я... мертва прямо сейчас? Хуже?

— Эй. — Рейнджер толкает меня одним из своих больших армейских ботинок, опуская грязную подошву мне на плечо. Он опрокидывает меня на гравий, и вот тогда я начинаю плакать. Я не нарочно, это просто происходит. Тихие слёзы катятся по моему лицу, когда я снова встаю на четвереньки и продолжаю поиски. Через минуту Рейнджер усмехается, наклоняется и поднимает мои очки, протягивая их мне. — Ты чертовски жалок, ты знаешь это?

Я надеваю очки на нос и вздыхаю с облегчением, обнаружив, что они целы. Слава богу.

Мой взгляд скользит вверх по замкнутому и потемневшему лицу Рейнджера. Он смотрит на меня сверху-вниз, плотно сжав губы, на его груди видна татуировка, которую я раньше не замечала. На ней написано «Дженика» с маленькими сердечками по обе стороны.

Его покойная сестра.

Его сестра-самоубийца... или его убитая сестра.

— Как ты думаешь, почему её убили? — выпаливаю я, и голубые глаза Рейнджера расширяются. Он стискивает зубы, и я слегка съёживаюсь, когда кажется, что он может меня ударить. Вместо этого он бросает всё ещё зажжённую сигарету в мою сторону.

— Не твоё собачье дело, *Карсон*, — усмехается Рейнджер, глядя на меня сверху-вниз, как на отброса общества. Его тёмные волосы с синими прожилками острыми волнами ниспадают на лицо. С чёрными туннелями в ушах и татуировками он на самом деле меньше похож на эмо-придурка и больше... на крутого парня или что-то в этом роде. — Просто держись от меня подальше, ладно? Не приходи в Кулинарный клуб в четверг.

Может быть, он думает, что это наказание... нет.

Но когда он уходит, я с трудом поднимаюсь на ноги и следую за ним. Ни за что на свете я не останусь здесь одна. Оказавшись внутри, я беру трубку телефона экстренной помощи на кухне и смотрю на неё.

Рейнджер возвращается в комнату, открывает холодильник и достаёт молоко, когда замечает, что я стою там. Одна тёмная бровь приподнимается.

— Какого чёрта ты делаешь? — спрашивает он меня.

Моя рука дрожит, и я слегка шмыгаю носом после короткого приступа плача. Если я сообщу об этом, папа сойдёт с ума. Он запрет меня в своём доме и будет сопровождать везде, куда бы я ни пошла. Но опять-таки... как я могу ему *не* сказать? Сегодняшний вечер мог быть розыгрышем. Честно говоря, чем больше я думаю об этом, тем больше мне становится интересно, не был ли это один из членов Студенческого совета в той толстовке.

С другой стороны... если он подумает, что здесь опасно, может быть, он отправит меня обратно в Калифорнию? Я снова беру трубку и начинаю набирать «1» для экстренной линии.

Рейнджер выхватывает у меня трубку и прищуривает свои голубые глаза. Здесь так темно, единственный свет пробивается изнутри холодильника, так что трудно разглядеть его лицо, но, клянусь, в его холодном, как камень, взгляде есть тени.

— Что происходит? — рявкает он, когда я сжимаю руки в кулаки и встречаю его пристальный взгляд в упор.

— За мной только что гнался человек с ножом, — выплёвываю я, ожидая, что он рассмеётся надо мной. Или начнет отрицать это. Или... Чего я не ожидаю, так это того, что его глаза округлятся, а кожа приобретёт желтоватый оттенок в свете холодильника.

— Что, чёрт возьми, ты только что сказал? — шепчет он, когда я тянусь за телефонной трубкой, и он снова вырывает её у меня. На этот раз его ноздри раздуваются от гнева. — Что. Ты. Только. Что. Сказал? — огрызается он, и его тон не терпит возражений.

— Ты слышал меня! — кричу я в ответ, снова чувствуя тихие слёзы на своих щеках. Рейнджер свирепо смотрит на меня, его грудь поднимается и опускается в судорожных вдохах. — Какой-то псих только что гнался за мной от дома моего отца всю дорогу сюда, и у него был нож. Итак, кто это был, Рейнджер? Это был Черч? Спенсер? Один из близнецов?

— Никто из нас, — рычит Рейнджер мне в ответ, суёт телефон мне в руку и обхватывает его моими пальцами. Он подходит так близко, что мы оказываемся нос к носу. — Мы могли бы немного подшутить над тобой, но мы не совсем психи.

— В самом деле? Потому что Черч проделал весь этот путь до дома моего отца сегодня, чтобы угрожать мне, чтобы я оставил в покое тайну о твоей сестре. — Глаза Рейнджера становятся ещё шире. — Он запихнул меня в багажник машины и *оставил* там на целых пять часов. Я не знаю, кто меня выпустил, но...

— Боже спаси меня, Карсон, если ты что-то из этого выдумываешь, я, чёрт возьми, сам тебя убью. — Рейнджер прижимает меня к стойке своим телом, и я ненавижу то, что мне вроде как нравится чувствовать его.

— Я ничего не выдумываю, — шепчу я, мой голос срывается. Что-то в этом звуке, кажется, действует ему на нервы. Он отталкивается от стойки и отходит от меня, отхлёбывая молоко, а затем швыряет стеклянную бутылку в стену. Я подпрыгиваю, когда осколки разлетаются во все стороны.

— Позвони Натану, — рычит Рейнджер, оглядываясь на меня через плечо. Его глаза сверкают от гнева. Я вижу их, залитых светом из холодильника. — Позвони своему отцу.

— Ты мне веришь? — мне удаётся выдать из себя, и он отворачивается от меня.

— Убери стекло, когда закончишь, — это всё, что он произносит, направляясь в общую зону и включая телевизор на какое-то старое чёрно-белое шоу. Громкость в основном приглушена, но я чувствую себя в большей безопасности, зная, что он там. Насколько это запутанно? Парень просто разбил бутылку, а потом приказал мне её убрать, и я чувствую себя в большей безопасности, когда он рядом?

Что, чёрт возьми, происходит с моей жизнью прямо сейчас?

Глубоко вздохнув, я набираю номер Натана, охранника, и готовлюсь перебудить всю школу.

На следующий день я едва могу держать глаза открытыми. Прошлой ночью папа поднял на ноги весь кампус, вызвал полицию и допрашивал меня до чёртиков. Часть меня задаётся вопросом, не думает ли он, что я полное трепло.

— Спасибо, что разбудил нас всех прошлой ночью, Карсон, — ухмыляется какой-то блондин, проходя мимо, дует в кончик соломинки и стреляет бумажной оберткой прямо мне в лицо. Придурок. Но я слишком устала, чтобы возиться с ним. Кроме того, у меня уже сидит Студенческий совет на хвосте. Последнее, что мне сейчас нужно сделать — это получить немного агрессии от кого-либо ещё.

Мой взгляд скользит к ним, сидящим за столиком в углу. Близнецы буквально стоят на нём, разыгрывая какое-то дурацкое представление, от которого зал взрывается смехом. Я не обращаю на них особого внимания, переводя взгляд на Рейнджера.

Он смотрит прямо на меня, поэтому я отворачиваюсь и пытаюсь вздремнуть за столом в кафетерии. Мы под замком до тех пор, пока полиция не даст добро, так что я вынуждена есть здесь вместе со всеми остальными.

Это настоящий ад.

После школы папа провожает меня обратно в дом, и я обнаруживаю, что меня ведут в одну из спален наверху.

— Ты останешься здесь до конца года, — говорит он мне, и я изумлённо смотрю на него. Это, пожалуй, последнее, чего я хотела. Не поймите меня неправильно: жить в общежитии, полном придурковатых парней, по сути, кошмар, но жить с папой ещё хуже. Поверьте мне: я занимаюсь этим уже почти семнадцать лет, и мне нравится иметь своё собственное пространство.

— Почему? — огрызаюсь я, но он просто смотрит на меня таким взглядом, его тёмно-синие глаза совсем не похожи на мои бледные. Если бы он не потребовал от мамы пройти тест на отцовство после моего рождения, я бы задалась вопросом, была ли я вообще его биологическим ребёнком. Мы чертовски разные в личностном плане. — Больше никто не должен переезжать к своему отцу.

— Больше ни за кем не гнался мужчина с ножом, — сухо отвечает папа, и моя челюсть чуть не отваливается от пола, когда я смотрю на него, разинув рот.

— Ты мне не веришь, не так ли? — шепчу я, и он бросает на меня взгляд сквозь стекло своей Кока-колы.

— Я полагаю, ты думаешь, что за тобой кто-то гнался, — говорит он с глубоким вздохом, его большая бочкообразная грудь поднимается и опускается в такт движению. — Но если ты думаешь, что это поможет тебе купить билет в один конец обратно в Калифорнию, тогда...

— Я вообще *просила* разрешения вернуться в Калифорнию со вчерашнего вечера?! — кричу, потому что, хотя я и думала воспользоваться этой ситуацией, чтобы добиться своего, но пока этого не сделала. Что-то... сдерживает меня.

Дженика Вудрафф.

По какой-то странной причине я не могу выбросить из головы её улыбающееся лицо. Или хмурый взгляд её брата. Или... что бы там ни было.

— Шарлотта, я закончил этот разговор. Я попросил кое-кого из парней перевезти твои

вещи на эти выходные. А пока ты можешь спать на гостевой кровати. В ящике стола есть запасная форма.

Папа уходит прежде, чем я успеваю придумать подходящий ответ, и опускаюсь на край застелённой покрывалом кровати. Достав из кармана телефон, звоню Монике по видеосвязи и молюсь, чтобы она мне ответила.

Вместо этого, вот что я получаю по смс:

«Почему ты всегда звонишь, девочка?! ЛОЛ, напиши мне, и я отвечу позже. Сейчас занята».

Моё сердце замирает, и уголки губ опускаются. Переписываться — это не то же самое, что видеть её лицо или лицо Коди, не то же самое, что видеть пляж на заднем плане или слышать их голоса. Я не хочу переписываться. Я хочу поговорить с глазу на глаз.

Следующим я отправляю сообщение Коди, но всё, что получаю: *«Извини, не могу сейчас говорить, люблю тебя, детка».*

Застонав, я падаю обратно на кровать и смотрю в потолок. Завтра официально начинаются осенние каникулы, и я снова смогу поговорить с папой. Он ни за что не захочет сидеть с моей надутой задницей целую неделю.

Ни за что на свете.

Через три дня после начала каникул мне становится очевидно, что Арчи и близко не собирается отпускать меня обратно в Калифорнию. Однако мне удаётся уговорить его отдать ключи от машины, чтобы я могла съездить в город.

Прежде чем уйти, я пользуюсь преимуществом пустого кампуса и отбрасываю свой мальчишеский образ в сторону, хватая спортивную сумку из шкафа на первом этаже, которую спрятала там в день нашего переезда. В нём много моих девчачьих штучек.

— О, как я скучала по вам, — шепчу я, надевая контактные линзы и улыбаясь своему отражению в зеркале. Следующим идёт утюжок, и я ухаживаю за этими дурацкими кудряшками, делая себе гладкую, резкую причёску, которая убирает волосы с моего лица.

Как только я крашу себе смоки айз, ярко-красные губы и накладные ресницы, то чувствую себя больше похожей на саму себя. Я бы точно не сказала, что я была гламурной, но дома моё лицо всегда было на высоте. Поджав губы, я посылаю себе воздушный поцелуй перед зеркалом, обливаюсь спреем для тела и надеваю обтягивающее красное платье и туфли на каблуках — то, что я надела бы на вечеринку в колледже.

На самом деле всё, что я делаю — это еду в город, чтобы заглянуть в книжный магазин, кафе и несколько бутиков. Там больше ничего нет, кроме какого-нибудь маленького фермерского магазинчика, где продаются и тракторы, и пироги, и какого-нибудь знаменитого фуд-трака, где продаются горячие роллы с лобстерами.

Так скучно.

Я ненавижу Коннектикут. Я едва могу определить его на карте.

Вздыхнув, я встаю из-за туалетного столика и замираю, слушая, как шаги папы удаляются по коридору в его комнату. Он уже отдал мне ключи, но, когда я попросила их, на мне были джинсы и простая футболка. Если он увидит меня такой... это будет нехорошо.

Как только у меня появляется возможность, я выскальзываю и практически бегу к машине, запираюсь и чувствую, как у меня перехватывает дыхание. Теперь у меня с собой перцовый баллончик и электрошокер. Папа *ненавидит* оружие, но я бы хотела, чтобы у меня сейчас был какой-нибудь крошечный пистолет для сумочки.

Дорога в город извилистая и узкая, пролегающая сквозь засохшие зимой деревья. На то,

чтобы добраться до цивилизации, уходит больше *часа*, и я чувствую, как тяжесть спадает с моих плеч, когда паркуюсь перед салоном и ставлю машину на ручник.

Это то, что мне было нужно, отдохнуть от кампуса Академии Адамсона, от всех его душающих секретов и деспотичного студенческого совета.

Вылезая, я встряхиваю теми немногими волосами, которые у меня остались, и, покачиваясь, направляюсь в книжный магазин. Я здесь ради пикантных любовных романов, на обложках которых изображены мужчины без рубашек. Серьёзно. Меня так тошнит от *парней* в этой школе. Мелкие говнюки.

Кроме того, я ненавижу читать на телефоне, потому что всё, что я делаю, это проверяю сообщения от Моники и Коди. И я всегда забываю зарядить свою Киндл. Нет, на этот раз я в настроении для книг в мягкой обложке. Печать не умерла!

Колокольчики звенят на двери, когда я закрываю её за собой, закрываю глаза и вдыхаю сладкий аромат чернил и бумаги. *Рай*. Моника обычно подшучивала надо мной за то, что я слишком много читаю. Коди тоже, если подумать об этом. Но поскольку никого из них нет рядом, и поскольку они, похоже, не слишком заинтересованы в разговоре со мной, я утоплю себя в словах.

Я просматриваю раздел любовных романов с огромной стопкой романов в руке, когда слышу, как кто-то приближается с другого конца прохода. Моё сердце начинает бешено колотиться, и я поворачиваюсь, теряя при этом половину своих книг.

— Оу, аккуратней, — произносит тёплый голос, ловя их в воздухе. Я перевожу взгляд с оставшейся стопки книг на великолепное, точёное лицо, песочного цвета волосы и мускулистое тело в полосатой рубашке и фартуке. Там есть табличка с именем, прямо над одной из этих идеальных грудных мышц. *Джефф*.

Хм-м.

От него пахнет корицей и кофе, и я ловлю себя на том, что улыбаюсь, когда его сверкающие голубые глаза изучают меня.

— Привет, — говорит он, и я понимаю, что улыбаюсь. Впервые за целую вечность на меня смотрят как на Шарлотту, хорошенькую девочку, а не как на Чака, уродливого мальчика, который никому не нравится.

Это приятная смена темпа.

— Я Джефф, — добавляет парень через секунду, придерживая мою стопку книг подмышкой.

— Я так и поняла — по бейджу с именем, — добавляю я, хлопая ресницами. *Что ты делаешь, Шарлотта? У тебя есть Коди*. Только... у меня такое чувство, что у меня больше нет Коди. Он почти не разговаривает со мной. Кажется, ему больше интересно гоняться за Моникой по всюду... Я выдыхаю, но я не изменщица. Ни за что. Ни за что на свете. — Кстати, я Шарлотта.

— Шарлотта. Красивое имя, — отвечает он, кивая подбородком на мои книги. — Хочешь, я оставлю их для тебя на прилавке? И, может быть, заодно приготовлю тебе бесплатный кофе?

— Конечно, почему бы и нет? — я смеюсь, следуя за ним к выходу и находя маленькое кафе в задней части магазина, о существовании которого раньше и не подозревала. Здесь есть свежие булочки с корицей, политые карамелью под стеклом, лимонные тарталетки со съедобными цветами и кофе, который пахнет как рай. — Итак, как долго ты здесь работаешь? — спрашиваю я, усаживаясь на табурет и откладывая книги в сторону.

Джефф принимается за работу, готовя мне напиток, и я чувствую, что расслабляюсь. Окно за стойкой открыто, и я слышу перезвон ветра и щебет птиц, негромкие разговоры людей, сидящих снаружи. На улице холодно, но светит солнце, и всё равно здесь прекрасно.

— С тех пор, как я окончил учёбу, — отвечает он, протягивая мне то, что явно является кружкой ручной работы с небольшим сколом в уголке. Я улыбаюсь, обхватывая её руками, а Джефф достаёт кусочек пирога и протягивает его мне. — Предполагаю, что тебе нравится лимон? — спрашивает он, приподнимая бровь, и я ухмыляюсь.

— Обожаю, — отвечаю я, беря крошечную вилочку и отрезая кусочек для себя. — Итак, чем ещё ты занимаешься, когда не торгуешь кофе и книгами?

Джефф ухмыляется и опирается локтем о стойку, наблюдая, как я кладу лимонный пирог на язык и вздрагиваю от кисло-сладкого вкуса. *О боже, это так чертовски вкусно.* Я сглатываю, и Джефф приподнимает бровь.

— Это восхитительно, — говорю я ему, и он кивает, выпрямляясь.

— Это место принадлежит моим родителям. У меня диплом по бизнесу, поэтому я решил вернуться сюда и помочь им найти способ сделать это место прибыльным.

— Например, раздавая бесплатные пирожные и кофе? — спрашиваю я, и Джефф смеётся.

— Только для наших лучших клиентов, — добавляет он, и я понимаю, что мы вроде как флиртуем. Нехорошо. Вспыхнув, я снова сосредотачиваюсь на пироге и начинаю отрезать вилкой крошечные кусочки. Входная дверь открывается, звякают колокольчики, но я слишком занята тем, что пытаюсь не смотреть на Джеффа, чтобы заметить человека, приближающегося справа от меня.

— Дайте мне, пожалуйста, флэт уайт (*прим. — кофе с молоком*) — произносит знакомый голос, я поднимаю взгляд и вижу Черча Монтегю, стоящего через табурет от меня.

О, чёрт.

Выругавшись, я отворачиваюсь, так что к тому времени, когда он поворачивается ко мне, всё, что он может видеть — это моя спина.

— Ну, привет, — говорит он, весь сияющий и жизнерадостный. Почти уверена, что это означает, что он сумасшедший. — Я тебя здесь раньше не видел. — Есть краткий момент, когда я подумываю развернуться и сказать: «*ха, я попалась!*», но потом до меня доходит реальность того, что бы это значило.

Вся школа узнала бы.

Я была бы второй девочкой в этой школе и единственной, кто остался в живых.

Нет, спасибо.

Соскальзывая с табурета, я на мгновение прикрываю лицо одной рукой и бросаю взгляд направо.

— Уборная? — я открываю рот, и лицо Джеффа морщится, когда он указывает мне правильное направление. Крадучись, я ныряю под арку и попадаю в комнату, полную подержанных книг. Здесь запах ещё лучше, и это помогает немного снять беспокойство, когда я ныряю в уборную, а затем запираю за собой дверь.

Я просто подожду здесь, пока Черч выпьет свой кофе и уйдёт, верно?

Но, чёрт возьми, это было близко. Так близко. Тревожно близко.

Оттолкнувшись от стены, я смотрю на себя в зеркало и пытаюсь решить, узнает ли меня вообще этот придурок. Достаточно ли я выгляжу по-другому?

— Нет смысла проверять эту теорию, — бормочу я, задирая платье, чтобы пописать, а

затем мою руки. Я полагаю, что этого времени вполне достаточно, чтобы заказать простой напиток и *уйти*.

За исключением того, что, когда я подкрадываюсь к арке и заглядываю сквозь неё, я обнаруживаю Черча, сидящего за стойкой, потягивающего свой напиток и... просматривающего мою стопку книг. Теперь я просто раздражена.

«Как он посмел дотронуться своими издевательскими пальцами до моей чёртовой книги?!»

Сейчас я просто киплю от злости, но даже нападение на мою бедную, красивую книгу в твёрдом переплёте не заставит меня встретиться с ним лицом к лицу.

— Хочешь, я принесу эти книги для тебя? — спрашивает Джефф, появляясь рядом со мной и заставляя меня подпрыгнуть. Я смотрю на него, прикладывая руку к груди. — Я полагаю, ты не хочешь сидеть рядом с Черчем Монтегю? Всё в порядке. Большинство людей не захотели бы.

— В самом деле? Ты его знаешь? — спрашиваю я, и Джефф кивает, его лицо темнеет, когда хмурая складка ложится на его полные губы. Он бросает взгляд на ряд книг слева от себя, как будто видит их насквозь.

— Все знают Черча Монтегю. Его семье принадлежит весь этот город, за исключением нескольких несогласных на Мэйнфстрит, включая нас. — Джефф снова переводит взгляд на меня. — Его отец угрожал нам всевозможными судебными исками, если мы не продадим, но этот магазин — мечта моих родителей. Они прожили в Натмеге всю свою жизнь.

Натмег (*прим.* — *мускатный орех*). Верно. Я и забыла, что так называется этот маленький городок. Это своего рода... забавно. От Санта-Круза, Калифорнии, до... Натмега, Коннектикут. Фу.

— Что за идиотский поступок, — шепчу я, прячась за спину Джеффа, когда Черч поворачивает голову в нашу сторону. Я ещё и оставила свою чёртову сумочку и ключи на стойке. Хорошо, что мы находимся в Натмеге, у чёрта на куличках, потому что их ещё не украли. — Но да, если тебя не затруднит принести книги сюда... — я оглядываюсь в поисках пути к отступлению, но его нет.

Джефф сжаливается надо мной и слегка улыбается.

— Следуй за мной, и я выведу тебя через служебный выход. — Он прокладывает себе путь между высокими стопками книг и выводит меня на задний дворик. Затем он снова исчезает внутри и возвращается с моей сумочкой и бумажным пакетом, полным моих сокровищ. — Я просто добавил их на твой счёт. Мы побеспокоимся об этом в следующий раз, когда ты придёшь, — говорит он мне, и то, как он говорит *в следующий раз*, вызывает у меня улыбку.

— Спасибо, — искренне отвечаю я ему, одаривая лучезарной улыбкой, вешаю ремешок своей сумочки на одно плечо, а затем направляюсь за угол здания.

Как только я завернула за угол... Я натыкаюсь прямо на близнецов.

Буквально.

— Извините, — начинаю я, а потом понимаю, что они переплетают свои руки с моими и смотрят на меня сверху вниз ярко-зелёными глазами. — Э-э-э-э-э-э?! — звук вырывается у меня, когда моя челюсть отвисает, а эти два придурка улыбаются мне.

— Привет, Шарлотта, — говорят они, а затем затаскивают меня в соседнее здание и захлопывают за нами дверь.

— Какого чёрта вам от меня нужно? — шепчу я, когда парни прижимают меня спиной к

двери. Я едва могу разглядеть их в пыльно-жёлтом свете, просачивающемся сквозь ставни. Почти уверена, что мы в какой-то забегаловке, но, может быть, мне это только кажется из-за пола в чёрно-белую клетку?

— Хитрая, хитрая, *Шарлотта*, — мурлычут они в унисон, обмениваясь взглядами, а затем наклоняются ко мне так близко, что я уверена, они чувствуют запах моего лимонного спрея для тела.

— Ты лжец, не так ли, Чак? — спрашивает Мика, и его брат приподнимает бровь, глядя на меня.

— Я же *говорил* тебе, — растягивает слова его близнец, и в конце концов они оба смотрят друг на друга сверкающими изумрудными глазами. — И я был прав: признай это.

Мика хмурится и оглядывается на меня, отпуская мою руку и делая шаг назад, чтобы оглядеть меня с головы до ног. В его глазах нет одобрительного блеска, и я не могу решить, делает ли это меня счастливой... или бесконечно раздражает. Я принарядилась для сегодняшнего дня. Дома, я бы выслушивала всевозможные комплименты.

— Говорил ему что? — спрашиваю я, глядя на Тобиаса. У него на лице определённое выражение, которое невозможно прочесть, слегка смягчённое, но определённо заинтересованное. Мои щёки вспыхивают, и я обхватываю рукой ремешок своей сумочки.

— Что ты девушка, — продолжает Тобиас, поглядывая на своего брата. Он оглядывается на меня, и румянец на моих щеках переходит от счастливого розового к раздражённому красному. Или, по крайней мере, так мне кажется.

— Как ты узнал? — шепчу я, задаваясь вопросом, нельзя ли солгать и сказать, что я одета в одежду противоположного пола. Почти уверена, что они назвали бы это бредом. Кроме того, откуда они знают моё настоящее имя?

— Когда мы щекотали тебя. — Тобиас поднимает взгляд на своего брата, а затем снова опускает на меня. — О, и когда Спенсер сказал, что у вас был горячий сеанс поцелуев в кладовке, и что он сомневается в своей сексуальной ориентации. А он определённо не гей.

— Он даже не би, — выплёвывает Мика, скрещивая руки на груди. Парни одеты в белые майки с тонкими синими полосками и длинные брюки цвета хаки поверх коричневых ботинок. Они даже одеты в одинаковые зимние куртки, свободно перекинутые через руки и свисающие наполовину со спины, так что я могу видеть их голые плечи. У них одинаковые татуировки в виде роз. Как мило.

— Определённо не би, — отвечает Тобиас со вздохом и качает головой, протягивая руку, чтобы провести пальцами по своим песочно-оранжевым волосам. — Но серьёзно, почему ты притворяешься мальчиком? Не то чтобы меня это волновало, но...

— Ему не всё равно. Он думает, что ты лжец, — отвечает Мика, и Тобиас бросает на него злобный взгляд.

— Это не так.

— Так. — Мика наклоняется к своему брату, и они оба свирепо хмурятся друг на друга, пока я моргаю, и мои глаза привыкают к полумраку. Мы определённо находимся в кафе, стоим возле боковой двери на кухне. Кроме того, здесь есть кабинки, обитые ярко-розовым винилом, столы с блестящими хромированными деталями и музыкальный автомат, который выглядит так, словно он прямо из 1950-х годов.

— Откуда вы узнали моё имя? — спрашиваю я, и оба близнеца поворачиваются ко мне. Хмурый взгляд Тобиаса исчезает, но Мика твёрдо держит его на месте.

— Ты сказала Джеффу, — отвечают они оба в унисон. И тут Тобиас тоже снова

хмурится. — Джефф — не самый любимый нами человек в мире. — Они растягивают последнюю часть, а затем обмениваются ещё одним взглядом, прежде чем снова повернуться ко мне. — Тебе не следует тусоваться с Джеффом.

— Ага, хорошо, — бормочу я, потому что действительно ненавижу, когда мне указывают, что делать. И вдобавок ко всему, я чувствую себя незащищённой, нервной и разочарованной. — Забудьте на минуту о Джеффе... кому вы собираетесь рассказать? — слова вырываются у меня шёпотом, и парни обмениваются ещё одним долгим взглядом.

Они поворачиваются ко мне спиной и наклоняются, их предплечья как раз над моей головой.

— Никому.

Мои губы приоткрываются в шоке, и Тобиас улыбается.

— Если они слишком глупы, чтобы понять это, это их проблема, — говорит он, ухмыляясь. Но это длится всего секунду, потому что Мика усмехается.

— Ну, и последняя девушка, которая ходила в Адамсон, в итоге умерла. — Меня охватывает озноб, и я обнаруживаю, что дрожу. Мне следовало надеть чёртово пальто. — Может быть, это совпадение, а может, и нет. — Он обменивается взглядом со своим братом, прежде чем снова повернуться ко мне. — Но мы не собираемся перекладывать это беспокойство на наши плечи.

— Ты думаешь, она умерла, *потому что* была девочкой? — спрашиваю я, и парни снова обмениваются взглядами.

— Может быть. — Ещё пара слов, произнесённых идеально синхронно. Они смотрят на меня сверху-вниз, их длинные, худощавые тела прижимаются к моему, до меня доносится легчайший аромат их общего одеколona. Они пахнут вишней, эти душистые волны сладкого и терпкого, смешанные с неожиданным оттенком кедра и ветивера. *Боже*. Близнецы МакКарти пахнут точно так же, как и выглядят: весело, игриво, немного озорно. Недостижимо. Да, я, чёрт возьми, чувствую этот запах.

Не то чтобы это имело значение, поскольку у меня есть парень.

— Почему? — спрашиваю я, и Мика закатывает глаза, отталкиваясь от двери и отодвигаясь от меня. Он без колебаний открывает заднюю стенку стеклянной витрины со всеми пирогами, выбирает красивый фруктовый пирог с плетёной корочкой и выкладывает его на прилавок. — Тебе точно стоит это трогать? Кстати, где мы находимся?

— «Щелкунчик», — отвечает Тобиас, медленно опуская руку. Он проводит пальцами по всей длине моих, и я снова вздрагиваю. Лёгкая улыбка появляется на его губах, и он снимает свою куртку, набрасывая её мне на плечи вместе со своим терпким вишнёвым запахом. Мои щёки вспыхивают неоновым румянцем, и я обнаруживаю, что у меня широко раскрыты глаза и заплетается язык. — Женщина, которая им управляет, родом с Глубокого Юга. Какой-то город под названием Плутон, расположенный в самом низу дельты Миссисипи. Она управляет им для семьи Черча, и им так нравится еда, что они позволяют ей оставлять себе всю прибыль, при условии, что им разрешат есть бесплатно, когда они захотят.

— Это... интересная договорённость, — уклоняюсь я, плотнее закутываясь в куртку. Я всё ещё не уверена на сто процентов, что близнецы сохранят мой секрет, но какой у меня выбор? Они уже знают, и, если я не захочу ударить их обоих электрошокером и связать где-нибудь в заброшенном подвале, мне просто придётся смириться с этим. — Значит, вы участвуете в этой маленькой сделке? Вы, должно быть, близки с Монтегю.

— Не, мы украли ключи, — отвечают они хором, а затем поднимают свои мизинцы,

соединённые серебряным кольцом с нанизанными на него ключами. Как им удалось совершить этот скоординированный подвиг, выше моего понимания. Может быть, у них общий мозг?

— Ты любишь вишнёвый пирог? — спрашивает Тобиас, когда я устраиваюсь на одном из табуретов. Моё сердце всё ещё бешено колотится, и я чувствую, что мне нужно время, чтобы всё обдумать.

«Мой секрет раскрыт. Близнецами-засранцами, не меньше. Ничего хорошего из этого не выйдет, не так ли?»

Мне удавалось скрывать это около двух месяцев. Из девяти в этом учебном году. Это... не очень хорошее соотношение.

— Эм, конечно, — говорю я, приподнимая бровь, когда Мика разрезает пирог на три части и выкладывает каждый кусочек на коричневую тарелку в крапинку, пододвигает её ко мне, а затем ловко облизывает каждый из своих пальцев дочиста. — Но владельцу будет возмещено за это, верно?

— Лучше бы так и было, — раздаётся весёлый голос как раз перед тем, как входная дверь распаивается и комната наполняется светом. Обернувшись, я вижу Черча, залитого ярким солнечным светом, и мои глаза расширяются. Я не думаю, что он может разглядеть меня в полумраке закуской, но это всего лишь вопрос секунд...

Тобиас перемахивает через стойку и отпихивает Черча назад, рывком закрывая дверь так, что с одной стороны остаётся лишь тонкая полоска света.

— Мы здесь с девушкой, — рычит он, мышцы на его плечах и спине напрягаются. С тех пор как он отдал мне свою куртку, я точно вижу, какое у него худощавое и подтянутое тело. Моё пересохшее горло внезапно перестаёт быть таким сухим, и, в конце концов, я проглатываю комок. *Ну, он привлекательный, и что с того?!* — Так что отвали и оставь нас в покое. Ты же знаешь, мы не любим делиться ни с кем, кроме друг друга. — Тобиас захлопывает дверь и запирает её на ключ.

— Тебе лучше оставить Меринде деньги за этот пирог. И приберитесь там, ладно? Если вы этого не сделаете, я буду вынужден надрать вам обоим задницы. — Черч звучит так жизнерадостно, что это практически настораживает.

— Он мог бы попытаться, — растягивают слова близнецы, одновременно закатывая глаза. Тобиас неторопливо возвращается и садится на табурет рядом со мной, готовясь наброситься на своё угощение. Поразительно, но Мика, похоже, уже доел своё, оставив на тарелке лишь колечко корочки. Пока я наблюдаю, он поднимает его и кладёт целиком в рот, всё это время ухмыляясь мне.

— Ты думаешь, Черч сейчас просто уйдёт? — спрашиваю я, и Тобиас пожимает плечами, отрезая добрую треть своего пирога и отправляя его в свой большой, глупый рот.

«Его большой, глупый рот с полными, сочными губами и блестящим кусочком вишнёвой начинки, которую он только что слизнул с нижней губы...»

Тьфу. Нет. Отвратительно. Я не влюблюсь в парня, который месяцами обращался со мной как с полным дерьмом. Ни за что.

— Не думаю, я знаю, — говорит Тобиас, пока Мика достаёт из-под прилавка три стакана и наполняет их колой, капает гренадиновый сироп и кладёт гроздь вишни мараскино. Он втыкает металлическую соломинку в напиток и передаёт его мне. — Я не лгал: мы делимся только друг с другом.

— Фу, — выпаливаю я, сама того не желая. Близнецы оба поворачиваются и смотрят на

меня. — Что? Я просто... вам не следует так говорить о девушках. — Я делаю глоток своего напитка, и мои щёки вспыхивают. Ням.

— Что ж, это правда, — говорит Мика, засовывая металлическую соломинку в рот способом, который можно охарактеризовать только как соблазнительный. Он встречается со мной взглядом в упор, обводя языком его кончик. — Тебя это беспокоит?

— Вы двое можете делать всё, что захотите, — бормочу я, сосредоточившись на огромном куске пирога, на то, чтобы его съесть, у меня ушла бы неделя. — Но не говорите о женщинах так, словно они — предметы, находясь прямо перед ними. Это отталкивает.

— О, но ты не женщина, — говорит Тобиас, сверкая острой усмешкой. Он бросает взгляд на своего брата, и у Мики такое же выражение лица. Они оба поворачиваются ко мне, и у меня по спине пробегает лёгкий холодок, как будто вот-вот произойдёт что-то плохое.

— Нет, не смейте! — выпаливаю я, вскакивая со стула, хотя понятия не имею, что они планируют.

— Чак просто ещё один парень, верно, Мика?

— О, определённо, Тобиас. Мы бы не хотели относиться к нему по-другому только из-за того, что у него есть вагина. — Мои щёки вспыхивают от смущения, когда я слышу, как это слово слетает с его губ. — Для нас ты всё тот же старый засранец Чак.

Мика перепрыгивает через стойку, и они вдвоём хватают меня сзади за куртку, когда я бросаюсь бежать, притягивая меня в свои объятия, пока я сопротивляюсь и брыкаюсь на них. Каким-то образом чёрный маркер попадает в руку Тобиаса, и к тому времени, когда они меня отпускают, сбоку на моём лице нарисован гигантский пенис.

— Эй, что, чёрт возьми, с вами не так?! — я со стоном вваливаюсь в уборную, стены которой обклеены старыми постерами из далёких мест. Намочив немного бумажного полотенца, я тру лицо изо всех сил, но моя кожа становится ярко-розовой ещё до того, как я добиваюсь заметного прогресса.

— Маркер для раскрашивания тела, — замечает Тобиас, придерживая дверь спиной, в то время как Мика просовывает голову внутрь и ухмыляется. — Чтобы смыть его, требуется спирт и усилия. Развлекайся.

— Вы оба можете просто пойти отсосать друг у друга! — кричу я, и близнецы смеются, когда я протискиваюсь мимо них обратно в закулочную.

— Мы просто хотели, чтобы ты знала, что мы не собираемся пренебрегать тобой, вот и всё, — кричит Мика, когда я хватаю свою сумочку и бросаюсь к боковой двери, через которую мы вошли, выглядываю, чтобы убедиться, что на горизонте никого нет, прежде чем уйти и захлопнуть её за собой.

Их смех преследует меня всю обратную дорогу до машины.

В понедельник, после того как мы возвращаемся с каникул, я опускаю голову и занимаюсь своим обычным делом, изо всех сил стараясь слиться с тенью. Близнецы не обращают на меня никакого особого внимания, кроме как спрашивают, что случилось с членом у меня на лице.

После этого меня оставляют в покое. Даже вторник в Кулинарном клубе не очень насыщен событиями. Спенсер смотрит на меня прищуренными бирюзовыми глазами, Рейнджер часто хмурится, но Черч просто сидит в углу, потягивая кофе и игнорируя всех, уткнувшись в телефон. Близнецы высыпают мне на голову мешок с мукой, но это ничто по сравнению с пауками или неделями задержания и работы дежурной. Я стерплю это.

— Как долго ты ждал, прежде чем вернулся, чтобы вытащить меня из того багажника? — я спрашиваю Черча в четверг, теперь немного свыкшись с мыслью, что близнецы действительно собираются сохранить мой секрет. Очевидно, до тех пор, пока они могут продолжать издеваться надо мной, они совершенно не против держать всё при себе.

— Я? — спрашивает он, глядя на меня красивыми медовыми глазами и улыбаясь. И снова эта улыбка не доходит до его взгляда. Даже близко нет. — О, я тебя не выпускал. Я вроде как надеялся, что ты застрянешь там на всю ночь. — Он пожимает плечами. — О, и твой отец очень настаивает на том, чтобы я обучал тебя. Встретимся завтра после занятий в библиотеке. Не опаздывай, я терпеть не могу опозданий.

Он начинает уходить, и я протягиваю руку, чтобы схватить его за край блейзера. Взгляд, который он бросает на меня через плечо, чертовски холоден. Мои глаза расширяются, но я не отпускаю его.

— Ты не выпускал меня из багажника? — спрашиваю я, и он приподнимает светлую бровь, глядя на меня.

— Нет. У меня ведь не было ключей, не так ли? — Черч вежливо забирает кусочек ткани из моих пальцев, освобождаясь прежде, чем повернуться и пойти по коридору. Я остаюсь стоять там с ледяной ямой в животе, в которой я не могу разобраться.

Если Черч не выпускал меня из багажника... тогда кто это сделал?

Библиотека в Академии Адамсона для парней — это чудовищная гробница, похожая на массивный мавзолей, ставшая ещё хуже из-за гробовщика... Я имею в виду библиотекаря, мистера Дэйва. Как только он видит, что я вхожу в пятницу, он свирепо смотрит на меня из-за своего стола.

Я игнорирую его и пробираюсь между массивными деревянными столами к задней части зала, где сидит Черч Монтегю, сложив руки домиком на скрещённых ногах и устремив взгляд прямо на меня. Он наблюдает за мной, когда я сажусь рядом с ним — столы слишком широкие, чтобы я могла сидеть напротив и при этом пользоваться его помощью во время учёбы — и достаю свой айпад и ноутбук.

Несколько минут никто из нас не произносит ни слова, и я поднимаю глаза и вижу, что Черч наблюдает за мной. Он улыбается, и лицо у него приятное, но эти холодные тени всё ещё там, та тьма, которую он так хорошо скрывает, зреет прямо под поверхностью.

— Почему ты помогаешь мне? — наконец спрашиваю я, и Черч переводит свой янтарный взгляд на меня.

— Потому что я президент Студенческого совета, и это моя работа: помогать другим.

— Думаю, ты социопат, — выпаливаю я, и его улыбка становится немного шире.

— Я думаю, ты имеешь в виду психопат. Социопатам трудно контролировать эмоции, и они склонны к эмоциональным вспышкам. Психопаты не испытывают человеческих эмоций как таковых, но чрезвычайно искусны в их имитации. — Он улыбается мне, и я хмурюсь. — Но уверяю тебя: я не один из них.

— О, вау, это так убедительно, — ворчу я, поправляя очки на носу и закатывая рукава мешковатой синей толстовки Адамсона, которая на мне надета. Мы обязаны носить наши блейзеры каждый день недели, *за исключением* пятницы, когда мы можем обойтись без них или надеть школьную толстовку с капюшоном. Я буквально плаваю в своей, и это хорошо; она помогает скрыть грудь, которую я не потрудилась перевязать сегодня утром.

Надеюсь, никто этого не заметил. Я просто чертовски устала. Я ненавижу спать в папином доме. Он выключает Wi-Fi, когда ложится спать, и прячет модем, так что я не могу выйти в Интернет. Моя телефонная связь здесь, в Натмеге, у чёрта на куличках, отстойная, так что на этой неделе я каждую ночь просто пялилась в потолок и задавалась вопросом, смогу ли я по-прежнему вписаться в свою жизнь, когда вернусь в Калифорнию.

«*Ещё несколько недель, и всё будет хорошо*», — говорю я себе. Потому что, честно говоря, я решила, что как только вернусь в Санта-Круз, я больше никуда не уеду. Если я буду сопротивляться достаточно сильно, папе придётся понять, что я серьёзно отношусь к этому. Вся моя жизнь проходит в Калифорнии; у меня есть планы поехать в Калифорнийский университет Санта-Круз с Коди и Моникой. Потом, когда я закончу школу, я всё равно захочу жить где-нибудь поблизости. Если вы действительно подумаете об этом, то поймёте, что то, что он перевёз меня через всю страну, было своего рода эгоистичным, грёбаным поступком.

— Для меня не имеет значения, что ты думаешь, Чак. Ты заносчивый засранец, которого больше никто в этой школе не любит. Твоё мнение — грязь. — Черч поворачивается, чтобы посмотреть на меня, по-прежнему улыбаясь, а затем протягивает руку и постукивает длинным пальцем по моему планшету. — Теперь достань свой список заданий, и мы проработаем его до конца. Я ни в чём не терплю неудачу, даже когда дело доходит до воспитания идиотов. Мы повысим твои оценки, даже если это тебя убьёт.

— Ты имеешь в виду, *если это убьёт меня*, — говорю я, а потом вздрагиваю, потому что это выражение просто отталкивающее.

— Вот именно, — произносит Черч, и его улыбка становится ещё шире. У него красивое лицо, но оно похоже на маску. Ничто из того, что он говорит или делает, не является реальным, и мне интересно, знает ли даже он, почему это так. — А теперь давай начнём. Нет ничего, что я ненавижу больше, чем потраченное впустую время.

Вздыхнув, я открываю домашнее задание по математике, и Черч наклоняется, чтобы взглянуть, наши головы почти соприкасаются. Его пальцы задерживаются слишком близко к моим, и, несмотря на то, что он бессердечный ублюдок, между нами возникает тепло, которое невозможно подделать.

Я с трудом сглатываю и пытаюсь сосредоточиться на своей работе. Поначалу это кажется практически невозможным, учитывая эту странную смесь горячего и холодного, которую я получаю от Черча. Но через некоторое время мы привыкаем к рутине, и я решаю, что его деловое отношение мне подходит.

Когда мы заканчиваем, Черч настаивает на том, чтобы проводить меня обратно к папе — я уверена, только потому, что Арчи подговорил его на это — и я решаю не спорить. В

конце концов, за мной гнался парень с ножом.

Леса пустынные и жутковаты, ветви лишились листвы из-за зимнего холода. Из-за тумана, стелющегося по лужайкам между дорожкой и лесом, во всей этой сцене возникает зловещее ощущение, которое мне не нравится.

— *«Ты думаешь, она умерла, потому что была девочкой?»*

— *«Может быть».*

Всплывает мой разговор с близнецами, и я снова вздрагиваю. Этот секрет становится всё больше и больше, и это тем более заманчиво, потому что никто не хочет говорить об этом со мной. Я уверена, что, если бы я просто села и выслушала всю историю целиком, я бы забыла обо всём этом и двинулась дальше. Но в смерти Дженики есть что-то такое, что не даёт мне покоя.

Мы поднимаемся по ступенькам, и дверь открывается.

— Мистер Монтегю, — бодро говорит папа, веселее, чем он разговаривал со мной за последние недели. — Я как раз собирался накрывать на стол. Присоединитесь к нам?

Я бросаю на папу взгляд, который ясно говорит: *«Пожалуйста, заткнись и отмени своё приглашение»*, но он игнорирует меня, а Черч мило улыбается.

— Я бы с удовольствием, — бормочет он, беря меня за руку и ведя вверх по ступенькам. Как только мы заходим внутрь, и папа отворачивается, я вырываю свою руку из хватки Черча, расстроенная тем, что теперь мне придётся не снимать форму весь ужин. Я планировала переодеться в розовую майку и спортивные штаны, без лифчика. Это точно не подойдёт с Черчем Монтегю в моём долбаном доме.

На ужин — тушёное мясо с овощной смесью, картофельное пюре и немного свежего хлеба с маслом. Совсем не так изысканно, как, я уверена, привык есть Черч. Его семья владеет каким-то огромным конгломератом, который занимается семеноводством и инженерным делом, одной из тех страшных компаний стоимостью в сотни миллиардов, о которых вы никогда не слышали, но которая контролирует всё.

Я на самом деле удивлена, что Черч вообще ходит в эту школу. При таком богатстве, как у него, он легко мог бы позволить себе что-нибудь вроде Подготовительной Академии Бёрберри в Калифорнии, куда ходят все супербогатые придурки.

— Выглядит аппетитно, Арчибальд, — говорит Черч, всё ещё улыбаясь, и я хмурюсь. Арчибальд? С каких это пор президент Студенческого совета обращается к директору по имени? Разве это не нарушение этикета?

— Спасибо, мистер Монтегю, — спокойно отвечает папа, либо игнорируя, либо не заботясь о том, что один из его учеников называет его по имени. Они улыбаются друг другу через стол, и я хмурюсь.

«Это самый неловкий ужин, на котором я когда-либо была в своей жизни», — думаю я, накалывая кусочек цуккини и откусывая его.

— Итак, как прошла учёба?

— Базовый уровень понимания Чаком того, что касается математики, вызывает сожаление. Очевидно, что здесь есть проблемы, он не понимает, проблемы, которые, вероятно, начались много лет назад. Какое-то время он едва поспевал.

Я хмурюсь и бросаю на него взгляд.

— Итак, ты хочешь сказать, что низкие оценки Чака на самом деле просто симптом того, насколько сильно... *он* бездельничал с начальной школы? — добавляет папа, мрачно глядя на меня. Он явно разочарован во мне, но мне всё равно. Черч провёл со мной один

день, занимаясь; он ни хрена не знает.

— Математика — это всё, что связано с основами. У Чака их нет. Нам придётся вернуться к основам, иначе мы ничего не добьёмся. — Черч бросает на меня взгляд и улыбается. Но как только у папы звонит телефон, и он на мгновение отводит взгляд, этот придурок ухмыляется мне.

Я показываю ему средний палец, и папа оглядывается как раз в нужный момент, так что это всё, что он видит.

— Чак Карсон! — рывкает он, и я опускаю руку на колени, поджимая губы. — Ты и так доставил достаточно проблем Студенческому совету, а теперь Черч пытается тебе помочь, а у тебя такое отношение?

Я бормочу извинения, когда Черч снова ухмыляется мне.

И снова папа полностью пропускает этот момент.

— Я должен сказать, что во время встреч нашего Кулинарного клуба мы очень привязались к вашему сыну. Если бы только он приложил усилия... — Черч дарит мне улыбку, в которой две части сахара и одна часть сладости. Это значит, что всё это — куча приторного дерьма. Желание швырнуть картофельное пюре ему в лицо просто астрономическое. — Дружба ждёт тебя, если только ты бы принял. — Он прикладывает руку к груди и смотрит на меня с таким обожанием, что я бы почти поверила в это... если бы какое-то из этих выражений действительно выходило за рамки физической формы его лица и отражалось в его глазах.

«Не-а, всё ещё холодный, жестокий. Почему я никогда не могу вспомнить разницу между психопатом и социопатом?! Это вообще правильные термины? И почему я считаю себя каким-то психологом-любителем?!»

— Чак непреклонен в своём намерении вернуться в общежитие, — начинает папа, вздыхая и откладывая вилку. Он промокает уголки рта, бросая на меня очень критический взгляд. — И, если быть совершенно откровенным с вами, мистер Монтегю, я думаю, что мы почти не понимаем друг друга. — Он переключает своё внимание на президента Студенческого совета. — Если... *если* я позволю Чаку вернуться в общежитие, вы и другие парни смогли бы неофициально присматривать за ним? Я бы никогда не попросил студента брать на себя ответственность за другого, но...

— Мистер Карсон, — начинает Черч, приятно улыбаясь и склоняя голову набок так, что его волосы медового цвета соблазнительно спадают на лоб, как всегда, изображая красивого подростка-американца. Когда он встаёт и прикладывает руку к сердцу, как будто собирается произнести клятву верности или что-то в этом роде, я не могу сдержать закатывания глаз. Папа одаривает меня одним из своих фирменных «директорских взглядов», который он совершенствовал десятилетиями, работая в различных университетах, подготовительных школах и академиях. — Как президент Академии Адамсона для парней, я только хотел бы сказать, что для меня было бы *честью* присматривать за вашим сыном. Я считаю своим гражданским долгом помогать тем, кому повезло меньше.

— Вы идеальный ученик Адамсона, мистер Монтегю, — молвит папа, и у меня отвисает челюсть. Серьёзно? Он купился на это дерьмо?!

— Папа, — начинаю я, и оба мужчины поворачиваются, чтобы посмотреть в мою сторону. Черч всё ещё прижимает руку к сердцу, его глаза широко раскрыты и полны абсолютного недоумения. Этот невинный поступок, чёрт возьми, на меня точно не подействует, особенно после того, как этот придурок запер меня в багажнике, и какой-то

маньяк чуть не зарезал меня.

— Если ты хочешь вернуться в общежитие, ты будешь подчиняться моим прямым приказам. И если у президента вашего Студенческого совета возникнут какие-либо опасения или возражения против твоего присутствия, я уверен, он даст мне знать об этом? — папа оглядывается на Черча, который кивает, и я начинаю злиться. Серьёзно, у меня, должно быть, сейчас пар из головы идёт. — Если вы меня извините, мне нужно в туалет.

Арчи встаёт и выходит из комнаты, оставляя меня наедине с Черчем.

Этот тупой придурок подходит и встаёт рядом со мной, принося с собой тот особенный аромат сирени и розмарина. Я ненавижу, что мы пользуемся одним и тем же шампунем. Его запах действует на меня почти успокаивающе. Гадость. Он наклоняется и прижимается губами прямо к моему уху.

— Ты слышал, что сказал твой отец, *Чак Карсон*? — он облизывает моё ухо, и я протягиваю руку, чтобы отвесить ему пощёчину, мои челюсти сжимаются от гнева. Он даже не знает моего секрета, а мне кажется, что он заигрывает со мной. Почти уверена, что всё это просто часть его испорченной личности, построенной на запугивании и издевательствах. — Ты будешь *повиноваться*. — Черч откидывает мои волосы назад, и я отдёргиваю от него голову. Он смеётся мне в ухо, этот холодный, ужасный звук, от которого у меня мурашки по коже. — Просто помни об этом, Чак. Это моя школа, и, если ты хочешь выжить здесь, ты будешь подчиняться. — Он встаёт и возвращается на своё место, нацепив на лицо одну из своих глупых счастливых улыбок. К тому времени, когда папа возвращается, он являет собой само воплощение подросткового совершенства.

Я вонзаю вилку в тушёное мясо и пытаюсь считать, что мне повезло, что папа вообще думает о том, чтобы позволить мне вернуться в общежитие. Если мне придётся провести ещё одну ночь без Wi-Fi, я могу просто умереть. Всё, чего я хочу — это поговорить с Коди и Моникой, вот и всё. Просто немного почувствовать себя как дома.

Черч серьёзно злоупотребляет гостеприимством, отказываясь уходить, пока не испортит мне вечер кино с папой. Клянусь, весь фильм он пристально смотрит на меня.

Я имею в виду, серьёзно, в чём проблема этого парня?

Если бы я действительно осталась в этой школе, может быть, у меня было бы время это выяснить? А так, мне просто безразлично. Всё, что мне нужно сделать, это пережить ещё несколько недель, всего несколько коротких недель, и я буду дома.

Навсегда.

В воскресенье папа наконец разрешает мне вернуться в общежитие для парней, и близнецы предлагают помочь донести мои вещи. К счастью, они уже знают мой секрет, так что им нечего искать. К сожалению, они... ну, *уже знают мой секрет*, поэтому, когда я выхожу из ванной у папы и направляюсь по коридору, чтобы забрать последние несколько коробок, я обнаруживаю, что они перебирают мои платья в шкафу.

Что ж, Тобиас просматривает мои платья. Мика держит в руках пару кружевных трусиков с дыркой в промежности. Как, эм, специальную дырку. Моника купила мне трусы в качестве своего рода шутки, но также и в качестве напоминания о том, что *давай избавим тебя от этой твоей карточки целомудренности*. Получилось не совсем так, но нижнее бельё у меня всё ещё есть.

— Трусички с вырезом, очень пикантные. — Мика накручивает их на палец, а я подхожу, крепко сжав челюсти, и пытаюсь их схватить. Он поднимает их так, чтобы я не могла дотянуться, и продолжает крутить.

— Это грубое нарушение моей личной жизни, — огрызаюсь я, и Мика пожимает плечами.

— Они буквально лежали на полу на краю кровати. Я вообще-то не целенаправленно их искал.

Раздаётся стук в дверь, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть стоящего там Спенсера, хмуро смотрящего на нас. Его взгляд переходит прямо с меня на нижнее бельё, и на его лице появляется мрачная гримаса.

— У тебя есть девушка, Чак? — спрашивает он, и мрачные нотки в его голосе заставляют меня вздрогнуть. Мика бросает ему нижнее бельё, и Спенсер ловит его, сразу же обнаруживая дырку в промежности. Его щёки слегка краснеют, и он сжимает челюсти, глядя на меня своими бирюзовыми глазами с обвиняющим видом.

— Мы разделили один поцелуй, — огрызаюсь я в ответ, и близнецы обмениваются взглядами. — И да, у меня действительно есть... девушка в Калифорнии. — Мысленно я просто меняю местами Монику и Коди на какое-то время. В основном это правда, верно? Я имею в виду, что Моника — моя девушка, платоническая девушка, но всё же. — Её зовут Моника Питерс. И да, это её трусики.

Я подхожу к Спенсеру, забираю нижнее бельё обратно и засовываю его в карман, в то время как Тобиас незаметно для Спенсера закрывает дверь с моими платьями. Слава Богу.

— Приятно это слышать, — рычит Спенсер, хватая одну из других коробок и поворачиваясь, чтобы уйти. Близнецы забирают последние две коробки, и мы отправляемся обратно в общежитие.

После того, как мы завозим мои вещи, Спенсер исчезает, а я спускаюсь вниз за стаканом воды. Проходя мимо пробковой доски с объявлениями, я замечаю новое письмо, написанное фиолетовыми чернилами.

Дорогая Ева,

Тебе здесь не место.

Прошлый раз был предупреждением.

В следующий раз я не дам тебе фору.

С любовью, Адам

Я останавливаюсь как вкопанная, моё сердце бешено колотится, и протягиваю руку, чтобы схватить письмо, срываю его с кнопки и смотрю на слова широко раскрытыми глазами. Ни за что на свете это письмо не адресовано никому, кроме меня. Я имею в виду, да ладно вам: Ева, Адам. В христианской мифологии это имена первой женщины и первого мужчины.

— Что у тебя там? — спрашивают близнецы, появляясь по обе стороны от меня и выхватывая письмо у меня из рук. Они читают это вместе, обмениваются взглядами, а затем одновременно поднимают глаза на меня. — Что это?

— Я только что нашла это на доске объявлений, — шепчу я, бросая взгляд на дырявую пробковую доску. Есть анонимная записка от кого-то со второго этажа, умоляющего своего соседа, пожалуйста, сделать что-нибудь с его храпом, приколотая рядом с листком бумаги с пропущенной встречей: *«Я видел, как ты переодевался после трека, и мы коротко коснулись друг друга губами. Позвони мне»*, — написано на нём.

Близнецы обмениваются ещё одним взглядом.

— Здесь есть камеры слежения, — говорят они оба, указывая на потолок. Мои глаза расширяются, и я снова обращаю на них своё внимание.

— Вы знаете, как мы могли бы получить к ним доступ? — спрашиваю я, чувствуя небольшой прилив надежды в груди. Если мы сможем посмотреть записи камеры и выяснить, кем был парень в толстовке с капюшоном, мы поймаем нашего преступника, и тогда мне не придётся оглядываться через плечо до конца моего пребывания здесь.

Близнецы смотрят друг на друга, совершая какой-то странный вид безмолвного общения близнецов, который я даже отдалённо не понимаю, прежде чем повернуться обратно ко мне.

— Мы знаем президента программного клуба, — говорят они, пожимая плечами в такт друг другу. — Мы тебя впустим. — Я улыбаюсь и обвиваю руками их шеи. Они оба кажутся чертовски удивлёнными, зелёные глаза широко распахиваются, когда я снова выпрямляюсь.

— Давайте сделаем это, — говорю я, чувствуя огромную искру возбуждения. Кем бы ни был этот жуткий тип, он явно знает мой секрет, и если это не один из близнецов, пытающийся снова разыграть меня, то у меня большие неприятности.

Ну, и последняя девушка, которая ходила в Адамсон, в итоге умерла.

Остаток ночи эта мысль неотступно отдаётся эхом в глубине моего сознания.

Что, если Дженику действительно убили? А что, если её убили из-за чего-то столь же глупого, как её пол?

Как бы сильно мне не хотелось разгадать тайну её смерти, я не собираюсь делать это, рискуя собственной жизнью.

Президентом программного клуба является занудный чувак, которого близнецы хватают за руки и бесцеремонно выталкивают в коридор после того, как заставили его показать видеозапись из общей зоны. Я думаю, когда они сказали, что «знали его», они имели в виду, что они не боятся немного использовать свой вес, чтобы получить то, что они хотят.

— Вот оно, — говорят они мне, протягивая ладони, чтобы указать на экран компьютера. Я не технарь и никогда им не была, но интерфейс удобен для пользователя, и всё обозначено чертовски чётко. Нужно нажать кнопку воспроизведения, а затем прокрутить страницу вперёд, пока я не увижу, как приближается фигура в тёмной толстовке с капюшоном и приклеивает записку к пробковой доске.

— Чёрт побери, — бормочу я, пытаюсь увеличить изображение. Но это не похоже на какой-нибудь офис ФБР в телешоу; я не могу *просто увеличить изображение* и увидеть всё кристально ясно. Имеем, что имеем. — Это мне ни о чём не говорит! — я немного перематываю вперёд, затем перематываю назад и смотрю всё сначала.

Человек, оставляющий записку на доске, одет в ту же одежду, что и в ту ночь, когда он пришёл за мной: чёрная толстовка с капюшоном, свободные синие джинсы, грязные коричневые ботинки. Средний размер, средний вес. Всё, что я могу сказать на данный момент, это то, что при ближайшем рассмотрении этого придурка становится совершенно очевидно, что близнецы тут ни при чём. Они слишком высокие, чтобы быть мужчиной на кадрах с камер наблюдения. О, и этот парень даже близко не настолько мал ростом, чтобы быть Россом.

Чёрт.

Я вроде как надеялась, что смогу свалить всё это на маленького хорька.

— Ну и дерьмо. — Я со вздохом откидываюсь на спинку стула и потираю лицо. Примерно через полчаса у нас заседание Кулинарного клуба, но, честно говоря, это последнее, что мне хочется делать. Спенсер стал вести себя в десять раз хуже после инцидента с трусиками. — Итак, где-то есть какой-то парень, который знает мой секрет, который либо является худшим женоненавистником, известным человеку, либо просто на не

любит именно меня.

Я опускаю голову на стол и пытаюсь решить, стоит ли мне рассказывать папе или нет. Зачем беспокоиться? Он подумает, что я снова всё выдумываю, и мне это больше с рук не сойдёт. На самом деле, это могло бы даже отдалить меня от билета на самолет в Калифорнию.

— Мы действительно должны рассказать ей всё о Дженике, — произносит Тобиас, и Мика бросает на него такой ужасный взгляд, когда я поднимаю глаза.

— Зачем? Что бы мне сейчас дало знание о Дженике? — спрашиваю я, поднимая голову, но Тобиас вздыхает, а затем оба близнеца закрывают свои большие рты.

Отлично.

Я даже не хочу знать.

Поднимаясь из-за стола, я чувствую, как разочарование скручивает меня изнутри. *Осталось две недели, всего две.* И тогда я никогда больше сюда не вернусь. Так что к чёрту всё это. Парень с ножом может поступать по-своему, мне даже всё равно.

Я выбегаю из комнаты и направляюсь по коридору на кухню, где уже собрались остальные члены Студенческого совета. Учитель по домоводству (для этих ребят научиться готовить и убирать — что-то новенькое и весёлое) мистер Йохансен стоит в комнате и болтает с ними.

— О, и вот он здесь! — окликает Черч, широко улыбаясь.

Я нерешительно вхожу в комнату и оказываюсь под пристальным взглядом мистера Йохансена.

— Твои друзья сказали мне, что ты хотел бы помочь с благотворительным аукционом выпечки? — он начинает, а я просто смотрю на него, разинув рот. Я? Участвую в аукционе выпечки? Это просто смешно. Я не сумею ничего испечь, даже чтобы спасти свою собственную жизнь.

— Эм, нет? — начинаю я, но он уже гладит меня по голове и улыбается. Очевидно, что слуховой аппарат мистера Йохансена в данный момент не работает.

— Превосходно! Нам понадобится твоя заявка завтра к восьми утра. Обычно мы не принимаем заявки с таким опозданием, но твои друзья решительно высказались в твою защиту. Этот аукцион является ежегодной традицией и сильно отражается на репутации школы и её учеников, не говоря уже о новом директоре. — Мистер Йохансен поднимает на меня свои похожие на гусениц седые брови, и у меня в животе всё переворачивается. — Щедрый спонсоры делают выгодные ставки на эти товары, и все вырученные средства идут в пользу детской больницы. Не подведи нас, сынок. — Мистер Йохансен хватает меня за плечо и хорошенько его сжимает.

Он выходит за дверь прежде, чем я успеваю подобрать нужные слова для ответа.

— Вы придурки! — огрызаюсь я, бросая умоляющий взгляд на Мику и Тобиаса, когда они заходят в комнату позади меня. Теперь они знают мой секрет, так что наверняка...

— Мы подумали, что ты хотел бы внести свой вклад в благотворительность, — говорят они вместе, ухмыляясь, как маньяки.

— Вы, ребята, знаете, что я ни хрена не смогу испечь стоящего! — теперь я в панике. Папа разрешит мне съездить на его машине в Натмег, чтобы я могла купить быстрорастворимую смесь для торта или что-нибудь в этом роде? — Ты поможешь мне, верно?

— Ни за что, — мурлычет Черч, постукивая пальцами по краю своей кофейной

чашки. — Веселись, мистер Карсон. Официальное заседание Кулинарного клуба сегодня отменяется, так что кухня в твоём полном распоряжении. — Он обходит меня, сбивая с пути, когда проходит мимо. Я хмурюсь на него, бросая серьёзный взгляд на близнецов, когда они проходят мимо, но они просто хихикают, как будто всё это большая игра.

Спенсер на мгновение останавливается рядом со мной, прежде чем покровительственно погладить меня по голове.

— Удачи, Чак, — говорит он, прежде чем неторопливо выйти из комнаты.

Теперь здесь только я и Рейнджер.

— Если я оставлю тебя здесь, ты сожжёшь это место дотла? — спрашивает он меня, когда капелька пота скатывается по моей щеке. Круто. Прямо сейчас я обливаюсь потом. Имею в виду, я могу взять книгу рецептов и следовать инструкциям, но... торт, достойный аукциона? Это какое-то жестокое наказание.

— Может быть, — отвечаю я, достаю свой телефон и ищу на YouTube, *как приготовить простой торт*. Если я буду следовать пошаговым инструкциям в видео, у меня всё будет в порядке. Верно?

Рейнджер протягивает руку и выхватывает телефон у меня из рук. На мгновение я впадаю в панику, когда думаю, что он может разбить его снова, но всё, что он делает, это швыряет его на второй большой остров позади себя.

— Тебе нужен фартук, — говорит он мне, подходя к одному из высоких шкафчиков и открывая его. Там куча фартуков, но только несколько милых, с оборками, которые он обычно носит. Он надевает белый фартук с рисунком красной вишни и протягивает мне розовый, весь в сердечках.

Я протягиваю к нему руку, перекидываю ремешок через голову и позволяю ремешкам свисать. Рейнджер закатывает глаза и чертыхается себе под нос, как он делал, когда наконец сдался и помог мне найти мои очки той ночью.

— Беспомощный идиот, — бормочет он, разворачивая меня, кладя руки мне на плечи и туго затягивая ремни. У меня перехватывает дыхание, и я надеюсь, что он не слишком замечает изгиб моей талии. — Хорошо, делай, что я говорю, и у нас действительно может получиться презентабельный торт.

— Почему ты помогаешь мне? — спрашиваю я, и Рейнджер хмурится, указывая на один из нижних шкафчиков.

— Просто принеси оттуда керамические пастельные миски для смешивания, а я займусь сковородками. — Рейнджер вздыхает, роясь в ящике стола, и я делаю то, о чём он просил. — Между прочим, я тебе не помогаю. Просто... выпечка — это в некотором роде мой конёк. Я не могу спокойно смотреть, как всё портится, не тогда, когда я мог бы вмешаться и помочь. Кроме того, этот аукцион приносит детям кучу денег.

— Или богатые засранцы, делающие ставки на пирожные, могли бы просто, знаешь ли, пожертвовать деньги, не демонстрируя своё богатство друг другу в лицо в каком-нибудь соревновании *«Мой член больше твоего»*.

Рот Рейнджера дёргается, но, с другой стороны, он отпрыск тех самых упомянутых богатых придурков, так что я удивляюсь, когда он, в конце концов, улыбается. Это длится всего секунду, а потом он снова командует мной.

— Какой торт мы будем печь? — спрашиваю я, беря банку вишнёвой колы и морща нос.

— Шоколадно-вишнёвый торт с колой, — говорит Рейнджер, отправляя вишенку мараскино в рот. — Это не модно, но не все участники торгов хотят модных тортов на

аукционе; они богаты, они могут купить необычные торты, когда захотят. Иногда лучше всего приготовить что-нибудь простое и вызывающее ностальгию, с ноткой домашней американки.

— Итак... даёшь богатым-пачкам-туалетной-бумаги почувствовать вкус среднего класса? — Рейнджер бросает на меня взгляд.

— Пачки-туалетной-бумаги, да? Это... интересное оскорбление. Ты чертовски странный, Чак. — Рейнджер мгновение наблюдает за мной, а затем указывает на муку. — Теперь начинай взбивать вместе сухие ингредиенты: сахар, муку, какао, сухое молоко, соль, разрыхлитель и пищевую соду. Я позабочусь о мокрых вещах, — говорит он, и всё мое тело становится горячим от слова «мокрый», слетающего с его губ. — Масло, яйца и ваниль. После этого мы соединим две миски. Требуется около пятидесяти поглаживаний, чтобы сделать его красивым и гладким.

Вау.

Неужели выпечка всегда звучала так чертовски сексуально?!

Я ловлю себя на том, что дышу немного тяжелее, когда беру мерный стаканчик.

— Сколько муки? — спрашиваю я, и Рейнджер замолкает, как будто он не думал об этом раньше.

— Чёрт. Я ни хрена не измеряю, я просто... Чёрт. — Он протягивает руку, чтобы взерошить свои чёрные с синими прожилками волосы, а затем делает паузу, чтобы ополоснуть руки. — Хорошо, давай просто сделаем это вместе.

Он подходит ко мне сзади, и я на целую минуту забываю дышать, когда он берёт меня за руку и одним из мерных стаканчиков высыпает белую муку из пакета в миску. Моё сердце бешено колотится, и я чувствую, как он крепко прижимается ко мне. Если бы... он знал, что я девушка, это могло бы быть совсем по-другому.

Мы заканчиваем смешивать как сухие, так и... *мокрые* ингредиенты в разных мисках, а затем соединяем их вместе.

— Позволь мне показать тебе, как правильно его мять, — говорит он, а затем мы оба делаем паузу, и Рейнджер смеётся, этот плавный, мрачный звук проникает во все закоулки моего мозга. *Почему все эти куски дерьма из Студенческого совета такие сексуальные и достойные обморока? У меня слабость к симпатичным парням, помните?* — Я имею в виду торт. Ты чувак, так что я уверен, ты прекрасно знаешь, как справляться с другими вещами. — Он снова смеётся, и звук такой тёплый и манящий, что мне приходится подавить лёгкое порхание бабочек.

«Коди, Коди, Коди», — говорю я себе, но тут Рейнджер хватает меня за запястье и показывает, как взбивать, его пальцы твёрдые, но не властные, его прикосновение обжигает.

Я испытываю облегчение, когда мы наконец ставим торт в духовку, и я могу оставить между нами немного места.

Рейнджер прислоняется к стойке рядом с гигантским промышленным холодильником и наблюдает за мной прищуренными глазами. Он выглядит... Я не хочу говорить «милым в своём фартуке», но на самом деле «милый» — это первое слово, которое приходит на ум.

— Так что же такого замечательного в Калифорнии? — спрашивает он, произнося это как ругательство. — Я думал, там жарко, дорого и часто случаются стихийные бедствия?

Я бросаю на него взгляд, но он, кажется, совсем не испытывает вины по этому поводу.

— Это больше о моих друзьях, — начинаю я, а затем делаю паузу, прежде чем добавить, *и о моём парне*. — Моя девушка, Моника. — Я снова останавливаюсь, потому что по какой-

то причине мне тяжело лгать, когда Рейнджер вот так смотрит на меня, как будто он может заглянуть мне прямо в душу и ему не нравится то, что он там нашёл. — К тому же, знаешь, там не так холодно, чтобы отморозить мои — *говори сиськи, не говори титьки* — яйца.

— Ну, если тебе нравятся лесные пожары и цунами, тогда круто. — Он выдаёт что-то похожее на самую короткую улыбку, заставляя меня подумать, что это шутка или что-то в этом роде. Я улыбаюсь в ответ, но к тому времени, как я это делаю, всё, что было на его лице, исчезает. — Я приступлю к выполнению задания, которое должно быть выполнено завтра. У тебя есть время, пока торт не выпечется, а затем он должен остыть, прежде чем мы сможем его заморозить. В принципе, на какой-то промежуток у тебя есть немного времени для себя.

Он отходит от стойки и садится на стул в углу. Я сажусь напротив него, и затем мы просто ждём вместе в дружеской тишине, выполняя различные задания на наших ноутбуках.

Это... на самом деле довольно мило.

Например, может быть, в другом месте, в другой вселенной мы с Рейнджером могли бы стать друзьями.

Может быть.

Жаль, что сейчас не то время *и*, не то место.

Я никогда не была так взволнована, как в тот первый день зимних каникул, когда собрала вещи и побежала вверх по склону к дому отца. По дороге я натыкаюсь на Спенсера, сидящего на одной из бревенчатых скамеек, стоящих вдоль дорожки, постукивающего пальцами по краю подлокотника и наблюдающего за мной своими чудесными глазами.

— Едешь повидаться со своей девушкой, ха? — спрашивает он, и его голос звучит чертовски язвительно по поводу всего этого. Я останавливаюсь рядом с ним, всё ещё раздражённая из-за фиаско с выпечкой торта, и скрещиваю руки на груди.

— Да, и что?

Спенсер вскакивает на ноги, его блейзер весь измят, галстук ослаблен и перекошен, и подходит ко мне вплотную, проводя костяшками пальцев по моей щеке.

— Не притворяйся, что ты, чёрт возьми, тоже этого не чувствуешь, этого напряжения между нами. — Моё сердце бешено колотится, и я внезапно покрываюсь потом и язык заплетается.

«Я чувствую это; конечно, я чувствую».

Но это не имеет значения. Сегодня я еду домой к Коди. Возможно, никогда больше сюда не вернусь, никогда больше не увижу Спенсера Харгроува.

— И что с того? — спрашиваю я, и он рычит на меня, хлопая ладонью по стволу дерева слева от меня. Мои глаза сужаются, когда я смотрю ему в глаза.

— И что с того? — повторяет он, явно разозлённый. — И что с того?! Я подвергаю сомнению всё, что знаю о себе, о своей сексуальности. Ты единственный парень, который меня когда-либо привлекал. — Часть меня почти жалеет Спенсера, но я ничего не могу с собой поделать, если... я нравлюсь ему. *«О боже, я ему нравлюсь?! Как, почему?! Тогда почему он такой долбанный хулиган?»* — И ты сказал мне, что ты гей, а потом вдруг я узнаю, что у тебя есть девушка?

— Я бисексуал, — выпаливаю я, чувствуя вину за то, что приняла личность, которая мне не принадлежит. Однако в тот момент я чувствую, что это мой единственный выход из сложившейся ситуации.

Не то чтобы это имело значение... верно? Ведь, я уезжаю?

Я прикусываю нижнюю губу и резко выдыхаю, когда Спенсер отходит от меня, проводя пальцами по своим серебристо-пепельным волосам. У него тёмные корни, но я думаю, что это сделано намеренно, и мне нравится его многослойный мрачный вид.

— Господи, Чак, — рычит Спенсер, вздыхая и проводя ладонями по лицу. Он качает головой, чертыхается и выпрямляется, откидывая голову назад, чтобы посмотреть на синее-синее небо над головой. Здесь чертовски холодно, но на небе ни облачка. — Просто уходи. Повеселись в Калифорнии. — Он опускает руки по швам и смотрит на меня, и мне интересно, может ли он сказать, как тяжело я дышу, или сколько капель пота стекает по моей спине.

Спенсер снова подходит ближе, и я прижимаюсь спиной к дереву, давая ему шанс командовать мной.

— Или, может быть, нам стоит поцеловаться напоследок, чтобы тебе было с чем сравнить Монику? А ты как думаешь, Чак? — он протягивает руку и большим пальцем оттягивает мою нижнюю губу вниз, наклоняясь ко мне и дыша мне в рот. Мои глаза

полуприкрываются, а сердцебиение учащается. Мне следовало бы оттолкнуть его, но... Я действительно в сложном положении.

Спенсер сокращает расстояние между нами и прижимается ртом к моему, целуя меня с такой страстью, что мои ноги подкашиваются. Сильная рука, обвившаяся вокруг моей талии — единственное, что удерживает меня на ногах, и я обнаруживаю, что у меня перехватывает дыхание, голова кружится, звёзды вспыхивают за моими закрытыми веками.

Это такой поцелуй, о котором вы только читали, такой, который вы никогда не сможете забыть, ни когда пройдёт дюжина лет, ни когда пройдёт столетие.

Оттолкнувшись от Спенсера, я взбегаю на холм, бросаю вещи в папин багажник, а затем надеваю наушники, чтобы заглушить эмоции, которые так отчаянно требуют моего внимания.

После двух пересадок и одному богу известно, сколько часов мы провели в переполненных креслах эконо-класса на каком-то бюджетном самолёте, мы с папой прибываем в международный аэропорт Сан-Хосе. Несмотря на то, что здесь тоже зима, здесь примерно в миллион раз теплее, чем в тупом Натмеге, штате Коннектикут.

Поездка в Санта-Круз мучительна, особенно когда Моника и Коди перестают отвечать на сообщения. Я вся как на иголках, но тихо сижу на пассажирском сиденье нашей взятой напрокат машины и ничего не говорю. Дорога, по которой мы едем — шоссе штата 17 — считается одной из самых опасных во всём штате.

Как только мы въезжаем в сам Санта-Круз, моё сердце чуть не разрывается в груди. Я практически подпрыгиваю вверх-вниз, вцепившись руками в края сиденья и ожидая, когда папа отвезёт меня напрямик в особняк Моника на пляже.

— Что ты будешь делать после того, как высадишь меня? — спрашиваю я, и папа тяжело вздыхает.

— Возвращаюсь в отель на работу. Эта поездка для тебя, Шарлотта, а не для меня. Я оставил всё позади, когда мы переехали, и я счастлив, что всё так и осталось. — Я хмуро смотрю на него, когда он отворачивается. Как он может так небрежно говорить о маме? Как будто она какая-то разбитая ваза, которую нужно выбросить? Это просто выводит меня из себя.

— Неважно, — бормочу я, но моё раздражение быстро проходит, когда мы подъезжаем к огромным парадным ступеням, слева от нас фонтан, а справа — новенький серебристый «Бимер» Моника.

Я выхожу из машины и убегаю ещё до того, как у папы появляется шанс полностью остановиться. Сегодняшний день особенный не только потому, что это каникулы от академии и её дурацкого Студенческого совета, но и потому, что я вернулась домой, и так уж получилось, что сегодня мой семнадцатый день рождения.

Входная дверь открывается ещё до того, как я успеваю к ней подойти, и вот она, тёмные волосы коротко подстрижены, макияж на месте, уголки рта изогнуты в широкой улыбке.

— Добро пожаловать домой, детка! — кричит она, когда я обвиваю руками её шею в крепком объятии. Смеясь, Моника отталкивает меня на шаг назад и держит за плечи, чтобы оглядеть с головы до ног. — Ты бледная, как привидение. — Она протягивает руку и играет с моими волосами. — И эта причёска, девочка, нам нужно отвести тебя к стилисту моей мамы.

Небольшой укол боли пронзает меня насквозь, но я не обращаю на это внимания. На самом деле... Сейчас я просто ищу Коди. Он сказал, что встретит меня здесь.

— Привет, милашка! — зовёт Коди, неторопливо входя из соседней комнаты. Он такой же красивый, как всегда, со своим золотистым загаром, выгоревшими на солнце волосами и сияющей белоснежной улыбкой. Я готовлю себя к появлению бабочек, которые в тысячу раз сильнее тех, что я испытывала, целуя Спенсера.

Только... ничего не происходит, и я остаюсь стоять там, чувствуя себя такой потерянной и одинокой, что меня вроде как тошнит.

Коди с важным видом подходит и обнимает меня, притягивая к себе для крепкого объятия. Он немного оживляется и обхватывает мою задницу, и мы с Моникой обе издаём звук отвращения.

— Ладно, ладно, — смеюсь я, но в этом есть какой-то дискомфорт, которого я не понимаю. Перед отъездом я не могла перестать прикасаться к Коди. Мне нравилось, когда он прикасался ко мне. А теперь... от него пахнет маслом для загара и чем-то сладким, что кажется знакомым, но я не могу точно определить, что именно.

Коди отступает от меня, сжимая мою руку, и тоже оглядывает меня. Он прикусывает нижнюю губу, и по блеску в его бледно-голубых глазах я вижу, что он чертовски рад меня видеть, гораздо больше, чем, кажется, Моника.

Я на мгновение останавливаюсь в прохладном фойе с кондиционером и перевожу взгляд между ними двумя, людьми, которых я знаю ещё с детского сада. И всё же... они оба кажутся чужими. Моника пытается улыбнуться, а Коди ухмыляется, но всё это похоже на притворство.

Дверь позади меня открывается, и появляется папа с моей сумкой и ставит её прямо в комнате.

— Моника, Коди, — говорит он, и его глаза слегка прищуриваются. Ему никогда не нравился Коди, и от этого Коди нравился мне ещё больше. А сейчас не так уж сильно. — Я заеду за тобой в понедельник, без исключений. Ты меня слышишь? — я киваю, и папа уходит, закрывая за собой дверь. Мы уже договорились с родителями Моника, что я останусь здесь. Они не возражают; их дом площадью около десяти тысяч квадратных футов.

— Итак, мы как раз собирались прогуляться по пляжу, — говорит Моника, и я заставляю себя улыбнуться. Как раз собирались отправиться на пляж? Типа, они не ждали, пока я приеду сюда? Я в некотором роде сбита с толку, и всё это возбуждение, которое накапливалось во мне в течение нескольких месяцев, начинает улетучиваться. — Мы подумали, что ты могла бы переодеться, и мы пошли бы все вместе? Там какой-то конкурс купальников, в котором Хизер и Шейла умоляли меня принять участие, так что... мы сделаем это, а потом пообедаем?

Я просто стою там, слушая её речь, и чувствую, как мой желудок наливается свинцом.

«Это просто нервы, Шарлотта», — говорю я себе, стряхивая с себя это и заставляя себя улыбнуться. *«Я уверена, что они не упомянули о твоём дне рождения, потому что ждут подходящего момента»*.

Я не хочу и не нуждаюсь в подарках или чём-то ещё от них, просто... простое поздравление было бы неплохо.

— Тогда я пойду оденусь, — отвечаю я, стараясь оставаться бодрой, беру сумку и направляюсь в гостевое крыло наверху. Да, в доме Питерсов есть целое крыло, предназначенное для гостей. И я останавливалась здесь так много раз, что точно знаю, где находится моя комната.

С тех пор как я уехала, здесь мало что изменилось, и я вздыхаю с облегчением. По

крайней мере, *что-то* осталось таким, каким я это запомнила. Застонав, я опускаюсь на край кровати и закрываю лицо руками.

Моника кажется сдержанной, в то время как Коди, кажется... чрезмерно заинтересован во мне физически. Я не уверена, что со всем этим делать. Опустив руки на колени, я заставляю себя стряхнуть это.

«Моника устроила ту вечеринку-сюрприз на твой шестнадцатый день рождения, помнишь? И весь тот день ты дулась, потому что думала, что никто не знает и им нет до этого дела».

Этого достаточно, чтобы я встала, переоделась в свое розово-белое бикини в горошек, накинула сверху пляжную тунику и спустилась вниз. Когда я добираюсь туда, то нахожу Коди и Моника, отчаянно шепчущихся возле входной двери.

Они оба замирают, когда я добираюсь до нижней ступеньки, и ловлю себя на том, что сдерживаю улыбку. Ага. Она что-то замышляет.

Я избавляюсь от этого странного ощущения в руках и ногах и подхожу, чтобы встать рядом с ними, надевая тёмные очки и выставляя бедро.

— Давай выиграем для тебя этот конкурс купальников, — говорю ей, и Моника улыбается в ответ.

По дороге на пляж Коди садится на переднее сиденье, что странно. Единственная причина, по которой я запрыгнула на заднее сиденье, заключается в том, что я думала, что он будет сидеть рядом со мной. С опущенным верхом в кабриолете слишком громко разговаривать, поэтому мы просто слушаем какую-то поп-песню, которую поёт Моника, совершенно фальшиво.

Как только мы припарковались, и я обнялась с дюжиной разных подруг, которые на самом деле, кажется, больше рады меня видеть, чем моя лучшая подруга или парень, мы приступаем к соревнованиям в купальниках, и Моника с важным видом идёт по набережной.

Приятно вернуться на пляж, где шумит прибой и солнечные блики отражаются от воды. И мне приятно быть одетой в бикини и в то же время не пытаться скрыть какой-то секрет.

«Плюс, я недосыгаема для этих придурков из Студенческого совета».

Мои пальцы сжимаются на груди, и я выдыхаю. Прямо сейчас я должна быть на вершине блаженства, стоя под калифорнийским солнцем и вдыхая аромат морской соли, ириски и свежих корн-догов, наполняющий воздух. Но... Я чувствую себя как рыба, вытащенная из воды. Хуже. Я чувствую себя рыбой, которую только что бросили обратно в пруд, который она когда-то знала, но больше не может там ориентироваться.

Фу.

Я качаю головой и заставляю себя улыбнуться, изображая волнение из-за победы Моника в конкурсе купальников, а затем изо всех сил пытаюсь расслабиться в объятиях Коди, пока мы все сидим в аркаде на набережной (*прим. — аркада — часть архитектурного сооружения — ряд арок, опирающихся на столбы или колонны*) и едим картофель фри с чили и бургеры.

В конце концов, когда мы едем обратно к Монике и она впускает нас в тёмный дом, я понимаю, что никакой вечеринки-сюрприза нас не ждёт. Моника и Коди, мои самые близкие друзья, люди, которые знают меня с тех пор, как нам было по пять лет... забыли о моём дне рождения.

— Что-то не так, милашка? — спрашивает Коди, когда мы останавливаемся в фойе, и я чувствую, как моё сердце замирает и пропускает несколько ударов. Это холодное чувство

овладевает мной, и мне вдруг просто хочется вернуться в Академию Адамсона, чтобы мои волосы были политы кленовым сиропом. Это было бы лучше, чем это. Всё было бы лучше, чем это — чувствовать себя чужаком в единственном месте, которому, как мне казалось, я принадлежала.

Теперь, мне нет места в Коннектикуте... и мне также нет места в Калифорнии.

— Это... — я начинаю, и Моника поднимает на меня одну идеально изогнутую бровь. На языке появляется кислый привкус, и я решаю, что просто не стоит ничего говорить. Какой в этом смысл? Выдыхая, я заставляю себя дышать, преодолевая разочарование, и изображаю на лице улыбку. — Коди. — Я поворачиваюсь к своему парню, в которого была влюблена в детстве в течение многих лет, и всё, что я чувствую, — это грусть. — Могу я позаимствовать твой джип?

— Мой джип? — повторяет он, поглядывая на Моника. Они смотрят друг на друга так, словно между ними происходит какое-то тайное, безмолвное общение. Коди смотрит на меня своим бледно-голубыми взглядом и расплывается в улыбке, которая, по его мнению, должна заставить меня сбросить трусики. Но она больше похожа на подтягивание трусиков. Она просто заставляет меня съёживаться. — Мы подумывали о том, чтобы посмотреть фильм, а потом прыгнуть в бассейн и немного поплавать в полночь. Ты не хочешь присоединиться к нам?

«Присоединиться к нам?» — думаю я, переводя взгляд с одного на другого, и мне не нравится то, что я чувствую, то, что я чувствовала всего через несколько недель после того, как мы с папой переехали.

— Мне просто нужно... навестить тётю, — вру я, чувствуя это потное, зудящее ощущение в ладонях. Всё, чего я хочу — это убраться оттуда к чёртовой матери.

— Ты вернёшься? — спрашивает Коди, передавая мне ключи, но я просто пожимаю плечами. Вернусь ли? Я понятия не имею.

Я поворачиваюсь и направляюсь к входной двери, спускаюсь по ступенькам и запрыгиваю в старый дерьмовый красный джип Коди «Вранглер». Двигатель несколько раз взрывает в ответ, прежде чем, наконец, заводится, и я выезжаю на гравийную дорожку, во все стороны летят камни.

Санта-Круз не совсем большой город, так что допоздна здесь мало что открыто, но я направляюсь к набережной. В аркаде устраивают какое-то специальное ночное соревнование, так что оно открывается на несколько часов позже обычного. Как только я паркую машину и пробираюсь сквозь толпу, то покупаю себе корн-дог и сажусь на одну из лошадок на карусели. Они закрыты на техническое обслуживание, но свет всё ещё горит. Через две лошади, на одной из скамеек целуется парочка. Вскоре после этого они встают и убегают, держась за руки и смеясь, как будто отправляются в более уединённое место.

— Везучие ублюдки, — бормочу я, мои мысли ненадолго возвращаются к Спенсеру. То, как он целуется, это... преступно. Его рот горячий, а руки... Интересно, какими бы они были напористыми, если бы скользнули вверх по моей талии и обхватили грудь. — Не думай о Спенсере, — шепчу я, откусывая огромный кусок своего корн-дога и закрывая глаза. Как только мои ресницы закрываются, я пытаюсь представить себе один из моих страстных моментов с Коди. Вместо этого всё, что я могу увидеть — это то, как неуклюже он лапал меня, и как от него всё время пахнет маслом для загара. — Блядь. — Мои глаза снова открываются, и я обнаруживаю, что смотрю на дом с привидениями. *Коди и Моника трахаются, не так ли?* Я не идиотка, я вижу это ясно, как божий день.

Слёзы щиплют мои глаза, и я прислоняюсь лбом к золотому шесту.

— Почему такое вытянутое лицо? — спрашивают в унисон два голоса, и я подпрыгиваю, разворачиваясь в седле, чтобы увидеть близнецов, стоящих по обе стороны от крупа искусственной лошади. — У тебя сегодня день рождения, не так ли, Чак? — повторяют они, наклоняясь ко мне и ухмыляясь. У каждого из них одна рука на бедре, и они одеты в свободные джинсовые шорты и красные майки, татуировки в виде роз на их плечах яркие и красивые в свете сверкающих огней карусели. Мои глаза наполняются слезами, и, хотя я сильно шмыгаю носом и пытаюсь сдержать их, в конце концов, я плачу. Совсем чуть-чуть.

Близнецы обмениваются взглядами и делают шаг вперёд, по одному с каждой стороны от меня.

— Ты плачешь, Чак? — спрашивает Тобиас, протягивая руку и смахивая слезинку с моей щеки, его зелёные глаза темнеют от беспокойства. Он наклоняется так близко, что, когда моргает, я клянусь, его ресницы касаются моего лба.

— Думаю, моя лучшая подруга трахается с моим парнем, — говорю я, а затем вздыхаю, протягивая руку, чтобы смахнуть слёзы с лица. Тобиас откидывается назад и изучает меня, в то время как Мика скрещивает руки на своей широкой груди. — И они оба забыли о моём дне рождения.

Два парня смотрят друг на друга, и мне внезапно приходит в голову, что... мы не в Коннектикуте. Мы в Калифорнии. Какого чёрта они здесь делают?!

— Эм, что вы двое здесь делаете? — спрашиваю я, и они оба поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

— Наша мама — декан университета, — отвечают они мне, в унисон пожимая плечами. — Она хотела, чтобы мы были здесь на каникулах. — Они оба смотрят на меня большими красивыми глазами, прежде чем склонить головы набок. — Как, по-твоему, твоего отца определили на должность в «Адамсон»?

Чёрт. Слышать, как они произносят одно или два слова в унисон, впечатляет, но целые предложения? Это жутковато... и, может быть, совсем чуточку-чуточку сексуально.

— Они забыли о твоём дне рождения, да? — спрашивает Тобиас, снова нарушая рутину близнецов. — Это довольно хреново. Почему ты думаешь, что они спят вместе? — он запрыгивает на следующую лошадь и обхватывает шест своими длинными руками, в то время как Мика уходит прочь.

— Моника едва может смотреть на меня. А Коди, похоже, заинтересован только в том, чтобы заглянуть мне под рубашку. — Мы с Тобиасом замираем, когда из-под нас доносится скрип, и начинается музыка. Лошадки начинают подпрыгивать, и карусель начинает вращаться.

Мика неторопливо обходит с другой стороны и запрыгивает на золотого единорога с розовыми бантиками на голове, поворачиваясь на сиденье так, что он сидит спиной вперёд, обхватив пальцами край седла. Он смотрит на меня так пристально, что я неловко ёрзаю на месте.

Однако я не могу сдержать улыбку, которая появляется на моих губах.

— Как тебе удалось её запустить? — спрашиваю я, и он одаривает меня мрачной улыбкой, которая делает его совершенно непохожим на брата-близнеца. Именно в этот момент я задаюсь вопросом, как я вообще могла путать их двоих.

— Волшебство, — отвечает он, а затем пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного. — Ты собираешься противостоять им? Иногда такие вещи становятся

уродливыми. — Я резко отворачиваюсь и выдыхаю, этот кислый привкус скручивается у меня в животе. С этим ничего не поделаешь: я должна что-то сказать. И всё же часть меня знает, что как только я это сделаю, пути назад к тому, как всё было, не будет. Моя дружба с Моникой и Коди, жизнь, которая была у меня до того, как мы с папой переехали в Коннектикут — всё это действительно закончится.

— Ты говоришь так, словно знаешь, о чём говоришь? — молвлю я, формулируя это как вопрос. Но когда я оборачиваюсь и смотрю на Мику, он смотрит на океан, его глаза темны и устремлены вдаль.

— Что ты хочешь сделать на свой день рождения? — спрашивает Тобиас у меня за спиной, и я оглядываюсь через плечо, чтобы увидеть озорную улыбку на его полных губах.

— Понятия не имею. Честно говоря, всё, чего я хотела, это — *поздравляем тебя с Днём рождения, Шарлотта*.

Тобиас ухмыляется и спрыгивает с лошади, чтобы подойти и встать рядом со мной, положив одну руку на моё обнажённое бедро. Я чувствую жар его ладони, маленькую огненную линию, идущую от моей ноги прямо к сердцу. Мой пульс начинает учащаться, и мне приходится трижды сглотнуть, чтобы прогнать комок из горла.

— Как насчёт того, чтобы прокатиться на «Ламбо» по побережью, прямо рядом с пляжем? Это был бы забавный подарок на день рождения? Потом мы можем поесть блинчиков, и я куплю тебе какую-нибудь уродливую мальчишескую одежду, чтобы скрыть твою красивую фигуру.

— Извращенец. — Я высовываю язык и ставлю ногу ему на грудь, отодвигая его на несколько дюймов, пока он смеётся. — Но ладно. Всё лучше, чем возвращаться к тому неловкому напряжению между Моникой и Коди.

Тобиас протягивает руку и помогает мне спуститься с лошади. И это хорошо, потому что в нашу сторону направляется охранник.

— Пора сваливать, брат, — говорит Тобиас, и Мика кивает, соскальзывая с лошади и следуя за нами. Мы бежим остаток пути к выходу, и, в конце концов, я оказываюсь у водительской двери канареечно-жёлтого «Ламборгини Авентадор» Тобиаса. Чёрт. Возьми.

Я бы потеряла девственность в этой машине.

Эта мысль заставляет меня покраснеть, когда Тобиас протягивает ключи, глупо улыбаясь мне.

— Ладно, каковы правила этой маленькой вечеринки? Мика? — он бросает взгляд на близнеца, который прислонился к боку такого же жёлтого «Ламбо», скрестив руки на груди, его красно-оранжевые волосы падают ему на лоб. Его глаза всё ещё темные и задумчивые, когда он наблюдает за нами.

— Она едет, пока мы не выедем на подъездную дорогу, чтобы разогреться, но это всё. Затем мы выстраиваемся в очередь у ворот, и вы можете начинать. Побеждает тот, кто первым доберётся до вершины.

— Что получает победитель? — спрашиваю я, и моё сердце бешено колотится. Это серьёзно опасное занятие, то о котором мы говорим. Мне даже не следовало соглашаться на это, но моё сердце бешено колотится, и я внезапно обнаруживаю, что не могу думать ни о чём другом. Я чувствую себя живой так, как не чувствовала с тех пор, как мы переехали.

— Как насчёт того, если я выиграю... — Мика начинает, отталкиваясь от машины и направляясь ко мне. Он берёт меня за подбородок пальцами и ухмыляется, придавая ему эту жестокость, которой я никогда не замечала в его брате. — Я получаю поцелуй. — Мои щёки

вспыхивают ярко-красным, и я шлёпаю его по руке, пока он смеётся. Тем временем Тобиас яростно переводит взгляд с меня на брата. — Чего ты хочешь со своей стороны?

— Ты не получишь поцелуя, — ворчу я, но потом, когда думаю об этом... о том, как Мика прижимает меня к боку своей желтой спортивной машины, запускает пальцы в мои волосы и притягивает меня ближе... звучит не так уж плохо. На самом деле, это звучит как рай. Он ухмыляется мне, явно не впечатлённый моими слабыми протестами. — Ладно, ладно, можешь поцеловать меня, если выиграешь, — *когда ты выигрываешь, вероятнее всего, потому что я ни хрена не смыслю в гоночных автомобилях*, — но, если я выиграю, то хочу знать о Дженике всё. Всё.

Мика и Тобиас переглядываются, но, думаю, они так же, как и я, осведомлены о моих шансах на победу, поэтому оба пожимают плечами, прежде чем повернуться ко мне.

— Договорились, — говорят они, а затем Мика с важным видом возвращается к своей машине, в то время как Тобиас открывает для меня дверцу со стороны водителя.

— Миледи, ваша колесница ждёт, — произносит он, когда я улыбаюсь и опускаюсь на роскошное сиденье из чёрной кожи. Перед тем, как закрыть дверь, он наклоняется, обдавая меня запахом сладкой и терпкой вишни и кедра, и прижимается губами к моему уху. — С днём рождения, Шарлотта.

Тобиас встаёт, закрывает дверь и обходит машину со стороны пассажира, пока я пытаюсь — и безуспешно — снова взять под контроль своё бешено колотящееся сердце.

Это... лучший подарок на день рождения, который у меня когда-либо был.

Дорога, по которой мы мчимся — это старая подъездная дорога к государственному парку. Там запертые ворота, которые Мика без проблем открывает, позволяя им распахнуться со скрипом ржавых петель. Справа от нас раскинулся залив, сверкающий под почти полной луной. Слева — гора, усеянная деревьями и уходящая ввысь, в ночное небо.

Со стороны пляжа есть ограждение, и Тобиас пообещал мне, что мы будем единственным транспортным средством на этой дороге.

— Когда мы с Микой участвуем здесь в гонке, мы ограничиваем скорость до девяноста. Не быстрее, без исключений. — Тобиас прислоняется спиной к дверце со стороны водителя, наблюдая за мной из тени внутри машины. — У тебя есть какие-нибудь вопросы?

Я качаю головой.

— Ты дал мне довольно хороший урок по дороге сюда. К тому же, я умираю от желания просто расслабиться на минутку. — *Папа, блядь, убил бы меня — и был бы прав — если бы узнал, что я делаю.* Я снова перевожу взгляд на дорогу, когда Тобиас опускает стекло.

— Ты готов, братан? — спрашивает он, и его брат кивает, сжимая пальцами руль.

— Давай сделаем это, — рычит он, и напряжённость в его голосе заставляет мою кровь гореть, адреналин бурлит во мне. Мои собственные руки сжимаются на руле, и я провожу языком по нижней губе. О да. Я, по крайней мере, собираюсь дать ему побегать за его наградой.

— Готов, Чак? — спрашивает Тобиас, и я киваю. Он улыбается, и в свете приборной панели его зубы кажутся зелёными. — По моему счету. Раз... два... ВПЕРЁД!

Моя нога нажимает на газ, но я нажимаю слишком сильно, и машину заносит, в то время как Мика вырывается вперёд. Немного ослабив давление, я заставляю нас двигаться вперёд, но едва вижу красный свет его задних фар передо мной, когда он входит в первый поворот так резко, что чуть не царапает машину о камни.

Я слишком осторожна для этого — и, кроме того, это не моя машина — поэтому я разворачиваюсь пошире и ускоряюсь, ветер дует в открытое окно и треплет мои волосы. С океаном с одной стороны и лесом с другой, это волшебный момент.

— Здесь немного притормози, — кричит Тобиас, перекрывая шум ветра, и я киваю, увеличивая скорость ровно настолько, чтобы, когда из ниоткуда появится крутой поворот, я была готова к этому.

Мика всё ещё так далеко впереди меня, что я и мечтать не могу о том, чтобы догнать его, но смеюсь, и определённо не хочу умереть здесь сегодня вечером, поэтому делаю всё медленнее, чем если бы на самом деле пыталась победить его.

Дорога петляет вверх и вокруг, и, в конце концов, океан исчезает, и по обе стороны остаются только деревья. Грунт состоит из плотно утрамбованной грязи и гравия, но шины «Ламбо» цепляются за него, как сильные пальцы, и я не чувствую никакой опасности заноса.

К тому времени, как мы добираемся до старой, потрескавшейся парковки наверху, Мика уже ждёт, сидя на капоте своей машины и глядя на город с его мерцающими огнями.

Он ухмыляется, когда мы подъезжаем, и я заглушаю двигатель.

— Знаешь, он не заставит тебя поцеловать его, если ты не захочешь, — говорит Тобиас, и улыбка на его лице отстранённая и какая-то задумчивая. Мне кажется, что я вижу его настоящего впервые с тех пор, как мы встретились. И он мне вроде как... может быть,

немного нравится.

— Спор есть спор, — отвечаю я, а затем открываю дверцу машины, прежде чем вылезти и запрыгнуть на капот рядом с близнецом Тобиаса. Он садится с другой стороны от меня, и затем мы втроём сидим так некоторое время, двигатель горячий и рычит под нами.

— Тогда, может, нам стоит покончить с этим? — наконец говорит Мика, нарушая тишину. Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, прохладный ветерок ерошит его красно-оранжевые волосы. Его глаза в темноте кажутся чёрными, а изгиб его полных губ отчасти пугающим, а отчасти завораживающим.

Я с трудом сглатываю и снова смотрю в сторону города. Мой телефон в кармане, но я выключила его, как только вышла на прогулку. Я не хочу знать, писали ли мне Моника и Коди... или нет. Думаю, было бы хуже, если бы я узнала, что они даже не потрудились отправить мне сообщение.

— Наверное, нам стоит это сделать, — отвечаю я с долгим вздохом. Внешне я спокойна и хладнокровна. Внутри... я немного напугана. Что, если мне больше понравится целоваться с Микой, чем с Коди? Тогда я *действительно* не смогу притворяться, что ситуация со Спенсером разовая. Если мне понравится целоваться с Микой, то это означает, что моим отношениям с Коди пришёл конец — независимо от того, верны ли мои подозрения насчёт него и Моника.

Прежде чем я успеваю решить, как нам следует поступить, Мика заводит мускулистую руку мне за спину и усаживает к себе на колени. Вот тогда-то я и вспомнила, что близнецы говорили о том, что увлекаются ММА — смешанными боевыми искусствами. Я мало что знаю об этом, за исключением того, что каждая девушка, которую я когда-либо встречала, падает в обморок при упоминании об этом.

— Ну, привет, Чак, — мурлычет Мика, и, клянусь, я чувствую, как Тобиас оцетинивается у меня за спиной. Его близнец проводит пальцем по моей щеке, затем под челюстью, вниз по горлу и по краю майки, надетой поверх купальника. У неё вырез в виде сердечка, который он благоговейно обводит, прежде чем поднять глаза от моей ключицы к лицу. — Кто бы знал, что низкорослый, уродливый парень в школе на самом деле был горячей цыпочкой под всем этим?

— Ты реальный придурок, ты знаешь это? — я огрызаюсь в ответ, протягивая руку, чтобы поправить очки, прежде чем осознаю, что на мне контактные линзы. Мика улыбается и берёт мою руку в свою, поднося её к губам для поцелуя. Он целует каждый сустав по отдельности, а затем переплетает свои пальцы с моими. В этот момент моё сердце колотится так чертовски быстро, что я едва могу дышать, наши взгляды встретились, его тёплое тело подо мной.

Наконец, он наклоняется ко мне и соприкасает наши губы, это едва заметное поддразнивание, которое вызывает у меня такую сильную боль и желание, что мой разум не способен ни на что другое.

А потом этот придурок отстраняется, и я остаюсь моргать от удивления.

— И это всё? — спрашиваю я, и Мика озорно улыбается мне.

— Что? Ты же не думала, что я собираюсь воспользоваться своим преимуществом и попытаться засунуть в тебя свой язык или что-то в этом роде, верно? — он прикасается своими длинными пальцами к груди и хлопает ресницами, глядя на меня. — Я просто не такой парень. — Мика небрежно пожимает плечами и ухмыляется. — Кроме того, я думаю, мой брат начинает немного ревновать.

Оглянувшись через плечо, я замечаю Тобиаса, который смотрит на город, поджав губы, его пальцы отбивают лёгкий ритм по колену. Он ведёт себя беспечно, но я вижу напряжённые мышцы его спины и плеч. Он бросает взгляд в нашу сторону и пожимает плечами.

— Ревновать? Да ну, конечно. — Тобиас поворачивается ко мне и протягивает руку, проводя большим пальцем по моим ноющим губам. В его зелёных глазах мелькает озорство. — Я уже говорил тебе: мы делимся друг с другом. И это не преувеличение, Чак. — Он наклоняется ближе, и, клянусь, моё сердце вот-вот выскочит из груди и запрыгает по жёлтому капоту «Ламборгини».

— О, Тобиас, — мурлычет Мика, протягивая руку и щёлкая брата по лбу. — Я выиграл гонку, а не ты. И я не обязан делиться победой.

Глаза Тобиаса сужаются, и он хмурится, но мне чертовски любопытно... Я наклоняюсь вперёд и целую его, этим жалким, небрежным подростковым поцелуем, который, знаю, я никогда не смогу забыть.

Но, святое дерьмо, это так приятно. Реально. И честно? Так сильно и бесповоротно отличается от Мики.

Моё лицо горит от смущения, когда Тобиас удивлённо моргает, глядя на меня, и я соскальзываю с колен Мики и с края машины, приземляясь ногами на мягкую землю.

— Мне обещали блинчики. — Я поджимаю губы и бросаю взгляд на город и океан за ним, сверкающий серебром под луной. — О, и одежду для мальчиков.

— Уродливую одежду для мальчиков, — лениво растягивая слова, поправляют парни. Я закатываю глаза, но они оба спрыгивают с машины, и момент упущен.

Я уже боюсь снова встретиться лицом к лицу с Коди.

Потому что теперь у меня есть ответ, который мне был нужен.

Поцелуй Мики и то короткое касание губ Тобиаса были лучше, чем с Коди. Бесконечно. И Спенсером. Я просто не могу перестать думать о Спенсере...

Близнецы и я хватаем блинчики в кафе, а затем отправляемся в большой магазин складского типа открытый допоздна. Они оба сидят на скамейке в раздевалке, хаотично меняясь местами, так что каждый раз, когда я выхожу, я должна угадать, кто есть кто.

На самом деле, теперь, когда я провела немного времени с ними, это не так сложно. Конечно, они могут говорить и двигаться в унисон, но у Мики жёсткий взгляд, которому Тобиас противопоставляет сильный, но мягкий.

Они приносят мне кучу одежды для примерки, так много, что в итоге нас выгоняют из магазина уже при закрытии — но только после того, как они тратят на меня почти пятьсот долларов.

— Спасибо, — говорю я им, когда они высаживают меня у машины Коди на стоянке у набережной. Я держу ручки сумки для покупок обеими руками, прикусываю нижнюю губу и изо всех сил стараюсь не покраснеть.

Я вроде терплю неудачу, но неважно.

— Не за что, — отвечают они вместе, обмениваясь взглядами. Тобиас достаёт сумку с заднего сиденья своей машины и протягивает её мне. — Только потому, что ты очень уродливый мальчик, это не значит, что ты не великолепная девочка, — говорит он с ухмылкой, когда я заглядываю в сумку и нахожу красивое жёлто-белое платье. Мои щёки из бледно-розовых становятся розово-красными, и я знаю, что они оба могут заметить, что я краснею, даже в темноте.

— Значит, когда мы вернёмся в Адамсон, вы, ребята, действительно начнёте быть добрыми ко мне? — шепчу я, оглядываясь на них.

Они смотрят друг на друга, прежде чем снова повернуться ко мне с парой одинаковых улыбок Чеширского кота, больших, широченных и полных бессмыслицы.

— Определённо, блядь, *нет*, — говорят они, а затем оба гладят меня по голове и садятся в свои одинаковые спортивные машины.

Я замечаю, что они не выезжают с парковки, пока не убедятся, что я делаю это первой.

Как это по-джентльменски с их стороны.

Когда я возвращаюсь к Моники, они с Коди сидят на диване в медиа-комнате и смотрят фильм. Они оживляются, когда я вхожу, но поскольку спинки сидений такие высокие, я не могу сказать, прижимались они друг к другу или нет.

На данный момент мне даже всё равно.

Я со вздохом плюхаюсь на стул напротив Моники, роняя свои сумки с покупками на пол.

— Ты бросила нас, чтобы отправиться в *Таргет*? — она давится пронзительным смехом, прижимая руку к горлу. — Это... интересный выбор. Шарлотту, которую я знала, не нашли бы даже мёртвой в мусорке дешёвого универмага.

Моя бровь подёргивается от гнева, и я чувствую, как дёргаются мои губы, когда я перевожу взгляд с неё на Коди. Мой взгляд на мгновение задерживается на его расстёгнутой ширинке и раскрасневшемся лице, и когда я снова смотрю на неё, я вижу, что её помада размазана.

Ох.

Не нужно быть гением, чтобы сложить все кусочки воедино.

— Ты только что сосала его член? — спрашиваю я, не заботясь о том, насколько грубо это звучит. Мои глаза встречаются с карими глазами Моники, и её взгляд расширяется от удивления.

— Что за хуйня, серьёзно? — Коди давится вымученным смехом. — Почему ты так говоришь, милашка? — Моники бросает взгляд в его сторону, и он поджимает губы. Она аккуратно заправляет свои тёмные волосы за ухо и оглядывается на меня.

— В чём твоя проблема, Шарлотта? Ты странная с тех пор, как приехала сюда.

— Я? — спрашиваю я, издевательски смеясь и садясь. Пакеты с покупками, которые подарили мне близнецы, укрепляют моё мужество. Я прижимаю ногу к боку одного из них и направляю энергию парней МакКарти. — Вы двое обращались со мной как с незнакомкой с первой секунды, как увидели. — Мои глаза наполняются слезами, и мне приходится закрыть их, чтобы сохранить силу своей убеждённости. Когда я снова открываю их, они оба просто тупо смотрят на меня. — Кто-нибудь из вас вообще помнил, что сегодня мой семнадцатый день рождения? — они оба расширяют глаза от удивления, и я получаю от этого некоторое удовлетворение. — Незнакомцы на долбаном *Facebook* поздравляют меня с днём рождения, а два моих лучших друга не могут блять вспомнить? — мои глаза снова начинают слезиться, и на этот раз я просто позволяю слезам скатываться по моему лицу. Они должны увидеть, как сильно они причиняют мне боль, потому что это не нормально.

— Просто ты пришла сюда с этим высокомерным отношением к Восточному побережью, — язвит Моники, и у меня от удивления отвисает челюсть. — Как будто ты слишком крута для грёбаной школы. — Она встряхивает своими тёмными волосами и бросает взгляд на Коди, словно ища поддержки. — Я думаю, нас это так расстроило, что мы

забыли о твоём дне рождения.

— Ты считаешь, что это моя вина? — шепчу я, мой голос срывается. Моника даже не вздрагивает, просто встречает мой пристальный взгляд в упор.

— Мы с Коди встречаемся, — произносит она, и Коди съёживается, потирая затылок, как будто он слишком труслив, чтобы даже вступить за свою новую девушку. — Вообще-то, мы занимаемся этим с июня прошлого года.

Я сражена наповал. Я серьёзно, чёрт возьми, сбита с толку.

— Что... — я вздрагиваю, переводя взгляд с одного на другого. — Но мы с Коди... ты попросил меня подарить тебе свою девственность, — шепчу я, уставившись на него, как на монстра, которым он и является. Теперь, когда я сижу здесь и размышляю более трезво, это заявление кажется жутким, поскольку всё выходит наружу. Отдать ему свою девственность? Фу, Девственность — это не товар, которым можно торговать. Это на самом деле довольно тревожно, если вдуматься... — Всего за несколько дней до моего отъезда в Коннектикут — в августе.

Моника поворачивается, чтобы посмотреть на Коди, и он поднимает ладони в умиротворяющем жесте.

— Эй, эй, не втягивай меня в свою кошачью перепалку.

— Кошачью перепалку? — Моника сплёвывает. — Ты серьёзно, Коди? Ты сказал, что мы расскажем ей всё вместе! — но Коди — никто иной, как трус, и он уже встаёт и протягивает мне руку.

— Слушай, просто отдай мне мои ключи, и я свалю отсюда, пока вы не разберётесь со своим дерьмом.

— Тут не с чем разбираться, — говорю я ему, вставая и швыряя ключи ему в грудь. Они попадают ему прямо в лицо, что на самом деле довольно забавно, и он ругается на меня, прежде чем наклониться, чтобы поднять их. — Я тоже ухожу. — Вытаскивая сотовый из кармана, я набираю номер Мики. Он украл его из моего кармана и ввёл свой номер, пока мы были в Таргете.

Он отвечает после первого гудка.

— Чего ты хочешь, Чак? — спрашивает он, но его голос звучит достаточно игриво.

Я быстро облизываю губы, когда Коди и Моника пристально смотрят на меня. Вероятно, мне следует смягчить свой вопрос чем-то вроде: *я знаю, что мы не очень хорошо знаем друг друга, но... или извини, что беспокою тебя, правда...* Я не хочу, чтобы Коди и Моника что-либо знали о моих отношениях с близнецами.

— Ты можешь заехать за мной? Когда я пришла сюда, моя теперь уже бывшая лучшая подруга сосала член моего теперь уже бывшего парня. — Я с трудом сглатываю, когда линия замолкает, а затем, через мгновение, Мика хихикает.

— Придурки. Хочешь, чтобы мы побили их для тебя?

— Моника только что пристыдила меня за покупки в Таргет, потому что она думает, что богатство её семьи делает её выше людей, которым приходится покупать одежду с ограниченным бюджетом. Парни, вы не могли бы заехать за мной, чтобы я могла убраться отсюда к чёртовой матери?

— Это намёк на то, чтобы *привезти «Ламбо» и показать этой сучке, насколько она на самом деле не богата?* Потому что, если это так, то я убит горем. — На другом конце провода раздаётся какой-то шум и девичий голос, который заставляет меня сильно нахмуриться. Почему с ними там девушка? Меня внезапно охватывает паника, и я даже не

знаю почему. Может быть, у близнецов есть девушки? Или... *девушка*? Имею в виду, насколько я знаю, могло быть и так. На самом деле я ничего о них не знаю.

— Да, пожалуйста, — шепчу я. — Я пришлю тебе адрес смс. — А потом я вешаю трубку.

— Кто, чёрт возьми, это был? Если это была Андреа, то она не придет за тобой. Ты ведь знаешь это, верно? — Моника встаёт со стула, скрещивает руки на груди и свирепо смотрит на меня. Коди уже направляется к выходу, но как только она это видит, Моника бросается за ним, оставляя меня совершенно одну.

Я даже недостаточно ценна для неё, чтобы за меня бороться.

Шмыгая носом, я беру свои сумки с покупками и оставляю их у входной двери, чтобы подняться наверх и забрать свой багаж. К тому времени, когда я возвращаюсь вниз, они стоят в фойе и орут друг на друга.

— Ты сказал, что любишь меня! — кричит Моника, и мне почти становится жаль её, когда Коди беспечно пожимает плечами и бросает на неё свой холодный взгляд, который так не вязался с его обычной напускной манерой плейбоя. Ему действительно всё равно, так ведь? И на меня, и на неё.

— Ага, ну, это же я сказал Андреа, — говорит он, ухмыляясь. Моника протягивает руку и даёт ему пощёчину как раз перед тем, как открывается входная дверь и оба близнеца МакКарти вальсируют, словно они хозяева этого места. — Кто вы, нахрен, такие?

— Мы? — спрашивают они, указывая друг на друга. Они оба улыбаются, и это некрасивые улыбки. — Просто бойфренды Шарлотты. А кто *ты*, чёрт возьми, такой?

— Что за...? — Коди вздрагивает, выглядя чертовски глупо, когда смотрит на них, разинув рот. — Как? Что?

— Мы ходим в Адамсон, — растягивают они слова, всё ещё одетые в свои красные майки и шорты, демонстрируя свои мускулистые руки и ноги. Моника практически пускает слюни, когда они приближаются к ней, а затем расходятся, идя по обе стороны от неё, пока снова не оказываются вместе передо мной.

— Могу я взять твою сумку? — спрашивает Тобиас, и я киваю. Я не уверена, что смогла бы заговорить, даже если бы захотела.

Он поднимает её, когда Мика поворачивается и рассматривает Коди и Моника.

— Разве ты не та, чьи родители только что попросили банк моего отца продлить выплату по ипотеке? — Мика указывает на Моника и прикусывает нижнюю губу, прежде чем щёлкнуть пальцами. — Верно, так и есть! Сожалею, что вы в таком тяжёлом финансовом положении. Давай выбираться отсюда, Чак.

— Чак? — шепчет Моника, выглядя немного бледной и дрожащей. Сейчас мне даже немного жаль её. Коди, с другой стороны, просто насмехается над близнецами, как будто думает, что мог бы их избить.

Я бы хотела посмотреть, как его обкуренная задница попытается это сделать.

Нет, правда, хотелось бы посмотреть. Ему бы надрали задницу.

— Значит, ты мне тоже изменяла? — Коди сплёвывает, взъерошивая свои обесцвеченные волосы. — Какая ты грёбаная лицемерная шлюха.

Оба близнеца замирают, и их охватывает некая энергия, которая одновременно пугает и возбуждает меня.

— Не называй её шлюхой, — произносят они вместе, и Тобиас роняет мою спортивную сумку с таким видом, словно собирается указать Коди на дверь.

— И почему же? — Коди сплёвывает, хмурясь. — Она не дала мне после двух лет свиданий, а потом отдалась ради пары придурков? Я сказал это однажды, и я скажу это снова: Шарлотта — грёбаная шлюха.

Тобиас двигается так быстро, что я едва успеваю его разглядеть, а затем Коди перелетает через спинку дивана, из его носа хлещет кровь. Он падает на пол, а Моника кричит и подбегает к нему. Тем временем Тобиас вытирает кровь с костяшек пальцев о перед рубашки.

— Лучше бы мне не подхватить венерическое заболевание из-за этого дерьма, — бормочет он, когда Мика ухмыляется, а я в шоке открываю рот. Он хватает меня за руку, другой поднимает мою спортивную сумку и подбородком указывает на пакеты с покупками.

— С тобой всё будет в порядке, неандерталец ты этакий. А теперь подбирай это дерьмо и поши.

— Я звоню в полицию! — Коди кричит, но близнецы просто обмениваются взглядами, пожимают плечами и оглядываются через плечо.

— Продолжай. Посмотрим, не всё ли нам равно.

Мика вытаскивает меня на улицу и поручает Тобиасу загрузить багажник моими вещами.

На подъездной дорожке стоит только одна машина.

Я решаю указать на этот совершенно очевидный факт.

— В этой машине только два сиденья.

— Именно так. — Мика ухмыляется, а затем хватает меня, затаскивая на пассажирское сиденье рядом с собой. Наши лица практически прижаты друг к другу, и я нахожу невозможным отвести взгляд от его сочных губ.

— У этой машины очень, гм, низкая крыша, — говорю я, восхищаясь собственным красноречивым гением.

— Да, это так, — мурлычет Мика, лукаво улыбаясь.

— И она тесная. — Моё сердце колотится, как табун диких лошадей, и между грудей проступает капелька пота.

— Я уверен, что это так. — Он наклоняется и прижимается своим ртом так близко к моему, что, если бы я выдохнула, наши губы соприкоснулись бы. Только... Я не могу дышать. Я перестала дышать в тот момент, когда он притянул меня к себе на колени.

— Блестящий двусмысленный подтекст. — Я уверена, что сейчас я флиртую. Уверена в этом.

Тобиас забирается внутрь, захлопывая дверь под крики моего бывшего, а Коди, спотыкаясь, выходит через парадную дверь и спускается по ступенькам. Когда он бросается под машину, Моника наблюдает с крыльца широко раскрытыми, полными слёз глазами, Тобиас просто заводит двигатель и начинает давить на газ.

Когда Коди цепляется за капот, выкрикивая непристойности, Тобиас опускает стекло со стороны пассажира.

— Тебе лучше пошевеливаться, засранец, пока я не размазал твою лживую тушу по тротуару.

— Ты отправишься в тюрьму за нападение! — Коди рычит, а Тобиас закатывает глаза. Он снова поднимает стекло, бросает взгляд на брата, а затем, по лёгкому кивку Мики, заводит двигатель.

Он срывается с места по гравию, сбрасывая Коди с капота на крышу, откуда тот

кувыркается вниз, на подъездную дорожку. Я разинула рот от шока, но близнецы, похоже, считают это забавным.

По крайней мере, я вижу, как Коди встаёт и снова начинает кричать, прежде чем мы покидаем территорию.

— Ты только что сбил моего бывшего парня-изменщика? — спрашиваю я, всё ещё моргая от шока. Тобиас весело улыбается, крепко держа руки на руле, и бросает на меня взгляд.

— Уверен, что так и сделал. — Он поднимает вверх один палец. — Но не забывай: вначале я его ударил.

Смех вырывается из меня прежде, чем я успеваю его остановить. Я не должна поощрять такой уровень насилия, но... возможно, было немного потрясающе видеть, как Коди получает своё. Я не могу поверить, что он назвал меня шлюхой. Жалкий. Единственной шлюхой в той комнате был он.

Как бы я не злилась на Монику, я увидела боль в её глазах, когда Коди упомянул нашу общую подругу Андреа. Судя по тому, что я слышала из этого разговора, он переспал с ней тоже.

Какой подонок.

— Не могу поверить, что я когда-то встречалась с этим парнем, — шепчу я, морща лоб. Я *очень* стараюсь не думать о тесноте машины или о том, насколько мы с Микой близки. Его член прямо под моей задницей, я его чувствую. Должно быть, он читает мысли или что-то в этом роде, потому что ухмыляется мне и опускает руки на бёдра.

— Это случается с лучшими из нас, — говорит он, и в его голосе есть что-то загадочное, что пробуждает мой интерес, но затем он поворачивается ко мне, и я вспоминаю, как чертовски близко находятся наши лица. — Ты хочешь, чтобы мы тебя где-нибудь высадили?

«Хороший вопрос, Шарлотта. Что теперь?»

Последнее, чего я хочу — это возвращаться в отель к папе. Не сегодня.

— Эм... — я подумываю попросить их подбросить меня до дома моей тёти Элизы, но потом думаю, что она, вероятно, позвонит моему отцу и скажет ему, что два горячих близнеца на дорогой спортивной машине высадили меня посреди ночи. Не самый лучший способ начать зимние каникулы.

— Ты можешь вернуться к нам, — предлагает Тобиас, небрежно пожимая плечами. Хотя в нём есть какое-то напряжение, которое заставляет меня немного нервничать. — У нас намечается вечеринка, которая, вероятно, продлится до восхода солнца, но, если тебя это не беспокоит, есть много комнат вдали от места действия.

— У вас, ребята, вечеринка? — я перевожу взгляд с одного на другого. — Она началась... после того, как вы высадили меня на набережной?

— На самом деле, несколькими часами раньше, — говорит Мика, ухмыляясь, его зелёные глаза блестят. — Мы просто встали и свалили. Там стало скучно.

— Все те же старые идиоты, заискивающие перед нами, выпрашивающие хоть каплю внимания. Это надоедает. Нам гораздо больше нравится в Адамсоне. Там все богатые засранцы, так что пресмыкательств гораздо меньше. — Тобиас включает поворотник, сбавляет скорость и резко сворачивает налево на дорогу, которая проходит вдоль ряда особняков, расположенных прямо на пляже.

— Ого, ничего себе, вот это проблема, — отвечаю я, закатывая глаза. — Все эти поклонения фанатов, должно быть, раздражают.

— Бедный маленький богатый мальчик, верно? — Мика смеётся, когда Тобиас везёт нас по подъездной дорожке, заставленной машинами. Я уже слышу музыку отсюда. — Что он пытается сказать, так это то, что он предпочёл бы мучить тебя во время Кулинарного клуба, чем напиваться и обкуриваться с этими придурками.

Тобиас паркуется, и Мика пинком распахивает дверь, поднимая меня и вытаскивая из машины, отчего у меня кружится голова. Он буквально несёт меня, как будто я ничего не вешу. Когда он, наконец, ставит меня на ноги, я цепляюсь за его мускулистую руку, чтобы удержаться на ногах.

— Пошли, — говорит Тобиас, перекидывая ремень моей сумки через плечо. — Я покажу тебе твою комнату.

Он ведёт внутрь, Мика плетётся следом. Повсюду люди, которые пьют, целуются и курят травку. Они наблюдают за нами, когда мы проходим мимо, но я не обращаю на них внимания. Это всего лишь временное явление. После окончания каникул... Я вернусь в Коннектикут, обратно в мужскую академию Адамсона.

Меня охватывает усталая грусть, и мне требуется всё, что у меня есть, чтобы подняться по огромной изогнутой лестнице на второй этаж и пройти по коридору к причудливым белым двойным дверям в конце.

— Подожди. — Мика хлопает ладонью по одной из них, закрывая её, и смотрит поверх моей головы на своего близнеца. — В этой комнате?

Тобиас свирепо смотрит в ответ.

— Да, в этой комнате. — Между ними нарастает напряжение, которое в одно мгновение возрастает с нуля до ста. Я лихорадочно перевожу взгляд с одного близнеца на другого, но понятия не имею, что происходит.

— Нет.

— Да. — Тобиас идёт открывать другую дверь, а Мика проносится мимо меня, захлопывая её плечом. — Убирайся к чёрту с моей дороги. Это не тебе принимать решение. Ты отказался от этого выбора давным-давно.

Ноздри Мики раздуваются от раздражения, и он отталкивается от двери, проносясь по коридору и сбивая по пути растение с подставки. Ваза разбивается вдребезги, но он не останавливается, направляясь к лестнице и оставляя меня с разинутым ртом стоять у него за спиной.

Тобиас смотрит ему вслед, качает головой, а затем открывает дверь, вводя меня в огромную хозяйскую спальню с балконом с видом на океан.

— Это... — как дворец, — шепчу я и вижу, как его губы растягиваются в улыбке. Мы выходим на крыльцо, и я облакачиваюсь на перила, глядя на воду. — Я думала, вы, ребята, всё делаете вместе? — я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Тобиаса, но его лицо уже застыло.

— Не всё, — отвечает он, а затем натянуто улыбается. — Комната твоя до тех пор, пока ты этого хочешь. Я сообщу своей маме, что ты здесь. Мой папа не появится до понедельника, но если ты захочешь остаться на Рождество...

— Я собираюсь навестить маму, — говорю я, чувствуя головокружение от усталости. Мои глаза, кажется, закрываются сами по себе. Внезапно меня поднимают в воздух, и я тихонько вскрикиваю от удивления, когда Тобиас подхватывает меня на руки. Он укладывает меня на огромную двуспальную кровать, прозрачные занавески развеваются позади него от океанского бриза. — Вы действительно собираетесь продолжать дразнить меня, когда мы

вернёмся в школу?

— Может быть. — Он ухмыляется мне и обходит кровать, останавливаясь в последний раз, чтобы отсалютовать мне. — Спокойной ночи, Чак.

А потом он уходит, тихо прикрыв за собой дверь.

Через несколько минут шум океана убаюкивает меня, и всё, о чём я думаю — это девушка с длинными тёмными волосами и загадочной улыбкой.

Кем она была... и почему никто не хочет говорить о ней?

Океан усыпляет меня, а восход солнца будит в безбожно ранний час. Я вылезаю из огромной кровати (на самом деле она намного больше королевской, определённо нестандартного размера), достаю новое платье, которое купили мне близнецы, надеваю его и расчёсываю волосы. Прежде чем спуститься вниз, я снимаю контактные линзы — спать в контактных линзах нехорошо, совсем нехорошо — и надеваю очки.

Мне так чертовски хочется пить, что я даже не нервничаю из-за того, что нахожусь в особняке МакКарти. Я буду бродить вокруг, пока не найду чего-нибудь выпить, чёрт возьми.

Повсюду, на полу и диванах, люди отсыпаются после выпитого. Мне приходится немного поплутать, но, в конце концов, я добираюсь до кухни и нахожу Мику без рубашки, который ест хлопья из гигантской серебряной тарелки.

— Да ладно тебе, Тоби, — хнычет девушка за стойкой, протягивая руку, чтобы взъерошить его волосы. Он игнорирует её, прислоняясь бедром к кухонному островку и наблюдая за мной, когда я захожу в комнату. *Какого хрена она называет его Тоби? Во-первых, это не Тобиас, это Мика.* Когда я встречаюсь с ним взглядом, во мне нет ни доли секунды сомнения.

Он одаривает меня озорной улыбкой, а затем слизывает молоко со своих губ. Да, определённо Мика.

Девушка поворачивается, чтобы посмотреть на меня, откидывает назад тёмные волосы с зелёными прядями и прищуривает глаза, как будто я враг. Я никогда не пойму этот менталитет, когда девушки противопоставляют себя друг другу. Почти уверена, она думает, что я пришла, чтобы украсть его.

Забавно, учитывая, что я чертовски уверена, что он всё равно будет делать все, что ему заблагорассудится. Ни она, ни я не имеем над ним никакого контроля.

— Доброе утро, Чак, — говорит он, проглатывая звук «к» с резкой улыбкой. — Ты хорошо спала?

— Вообще-то, я отлично выспалась. — Я опускаюсь на табурет рядом с ним, и он пододвигает молоко и коробку хлопьев. Там стопка чистых тарелок, а рядом с ними стопка ложек. Большинство из них не выглядят как тарелки для хлопьев. На самом деле, одна из них похож на форму для пирога, но сойдёт. Я возьму её. — Каким-то образом звук океана заставляет все казаться... лучше.

— Ммм. — Мика не отвечает, запихивая ещё хлопьев в свой большой, глупый рот, в то время как девушка наблюдает за нами.

— Тоби, — снова умоляет она, пытаясь привлечь его внимание. Что-то в её тоне беспокоит меня, и я оборачиваюсь, чтобы свирепо посмотреть на неё.

— Это Мика, а не Тобиас. — Я вижу, как глаза Мики расширяются от этого заявления, и я разворачиваюсь, чтобы насыпать себе хлопьев.

— Ты что, дура? — огрызается она, и взгляд Мики сужается от раздражения. — Ты думаешь, я не знаю, с кем говорю?

— Очевидно, нет, — отвечаю я, пожимая плечами, наливая в тарелку молоко и съедая немного хлопьев в шоколадной глазури. На самом деле это скорее десерт, чем завтрак — мое любимое. — Это Мика.

— Скажи ей, — выплёвывает девушка, но я не утруждаю себя тем, чтобы обернуться и

посмотреть на неё снова. Я знаю, что права. Не знаю как, но... Я просто знаю.

— Она права, — отвечает он, останавливаясь, когда его брат заходит на кухню, выглядя сонным и слегка раздражённым. — Эй, Тоби, Тайная девушка Чак знает, как отличить нас друг от друга. — Тобиас приподнимает бровь и смотрит на меня так, словно я сошла с ума.

— Как? — выпаливает он, но я просто улыбаюсь и продолжаю есть свой завтрак. Этому нет логического объяснения; я просто могу.

— Подожди, ты Мика? — спрашивает девушка за стойкой, указывая на упомянутого близнеца. Она переводит взгляд с одного на другого, а затем качает головой. — Неудивительно, что Эмбер хотела встречаться с вами обоими одновременно; вас невозможно отличить друг от друга.

Мика с грохотом ставит свою металлическую тарелку на стойку, а Тобиас зажмуривается, как будто ему больно.

— Убирайся. — Мика смотрит на девушку с выражением, не терпящим возражений. Он совершенно серьёзен. Если она не уйдёт, похоже, он готов заставить её.

— Что? — спрашивает она, сидя там в футболке безразмерного размера и трусиках. Мне трудно не составить неправильного представления о том, что могло произойти между ней и близнецами прошлой ночью. В моём животе расплзается змея уродливой ревности, и я съедаю огромную порцию хлопьев, чтобы запить их. — О чём ты говоришь? — её нервный смех говорит мне о том, что она просто не понимает этого.

— Убирайся нахрен. — Мика указывает в направлении переднего холла. — Вот дверь. Не позволяй ей ударить тебя по заднице, когда будешь уходить.

— Ты же не серьёзно? Я упоминаю Эмбер, и меня просто выгоняют?

— Вон. Сейчас же. — Мика отталкивается от центрального островка, подходит к ней и хватается за бёдра, стаскивая с кварцевой столешницы. Он ставит девушку на пол, а затем разворачивает её, схватив за плечи. — До свидания, Эмма.

— Я Эмили, — говорит она, но он выталкивает её из кухни.

— Твои друзья могут принести тебе твои вещи, и ты сможешь переодеться в домике у бассейна. Никогда никому не позволяй говорить тебе, что я бессердечный ублюдок.

— Ты грёбаный придурок, и мне даже всё равно, какой ты близнец. Вы оба придурки! — кричит девушка, как только сворачивает за угол, и я больше её не вижу. — Не позволяй им одурачить тебя, они ублюдки.

Звук хлопающей входной двери заставляет меня подпрыгнуть, и я поднимаю брови, снова принимаясь за хлопья и притворяясь, что меня совершенно не интересует Эмбер, или странное поведение Мики в комнате для гостей, или какие бы то ни было возможные отношения братьев МакКарти с этой девушкой Эмили.

Нет.

Меня ничего из этого не волнует, ни капельки.

— Я говорил тебе, что нам следовало выгнать её прошлой ночью, — произносит Мика, возвращаясь на кухню, его обнажённое тело привлекает моё внимание и отказывается отпустить. У него худые и подтянутые мышцы, и на теле парня нет ни грамма жира. Он невероятно высок, и то, как он крадёт, немного напоминает мне лису.

— Ты прав, я слишком милый, — бормочет Тобиас, закатывая глаза, а затем идеально скоординированными сексуальными небрежными движениями близнецы берут по коробке хлопьев, насыпают, добавляют молоко, а затем подносят ложки ко рту в один и тот же момент.

Это красиво, как какой-то перформанс или что-то в этом роде. Я загнипнотизирована.

— Итак, куда же ты сегодня направляешься? — спрашивает Тобиас, снова нарушая их двойной распорядок. Мика бросает на него немного неприязненный взгляд, но я не могу до конца истолковать его значение, поэтому и не пытаюсь.

— Я думаю... если ты сможешь высадить меня на улице рядом с отелем моего отца, я пройду остаток пути пешком, и он никогда не узнает, что я была здесь. Я очень сомневаюсь, что Моника рассказала своим родителям, что я уехала на «Ламборгини» ночью. — Бросив ложку в тарелку, я встаю и направляюсь к раковине, чтобы вымыть её. Мика останавливает меня, положив руку мне на запястье, оттаскивая от стойки.

— Мы платим людям за это, — говорит он, и я хмурюсь. *Да, людям как моя мама.* По сути, она всю жизнь проработала горничной либо в высококлассных отелях, либо в супербогатых семьях. Ей было пятнадцать, когда она начала, юная и хорошенькая, и практически грёбаная несуществующая для богатых мужчин. От этой мысли меня бросает в дрожь, и я стряхиваю руку Мики, включаю кран и мою тарелку. — Тебе *нравится* выполнять чёрную работу? — спрашивает он, и я чувствую, как мои плечи напрягаются от нервов.

Я не хочу говорить с ними о своей матери. Увидеть её будет достаточно тяжело. Около четырёх лет назад она начала исчезать в неурочное время и возвращаться домой совершенно не в себе. Когда её арестовали за хранение метамфетамина, отец выгнал её из дома и развёлся с ней.

С тех пор дела пошли совсем плохо. Она по-прежнему работает горничной, но на этот раз в дешёвых мотелях в худших районах Лос-Анджелеса. Она всё ещё относительно молода — я родилась у неё в девятнадцать лет — но она уже не такая хорошенькая. Наркотики сыграли в этом серьёзную роль. Ну, а также когда ты появляешься на работе только в половину положенного времени, ты больше не нужен шикарным отелям и богатым семьям.

— У меня есть секреты; у вас есть секреты. — Я пожимаю плечами. У каждого мудака есть секреты. Иногда они остаются похороненными. А иногда они выскакивают, как ромашки, и кусают тебя за задницу. — Не мог бы кто-нибудь из вас подвезти меня?

— Мы тебя подвезём, — отвечают они вместе, и когда я оборачиваюсь, то вижу, что Тобиас тоже снял рубашку, и на них обоих одинаковые спортивные штаны.

Слишком плохо для них: я всё ещё могу отличить их друг от друга.

— Мика, — я показываю на брата справа, используя ложку и тарелку Тобиаса. А потом я указываю пальцем на его близнеца. — Тобиас. Извините, но меня не проведёшь.

Они удивлённо моргают, когда я проскальзываю мимо них и поднимаюсь по лестнице, чтобы собрать свои вещи.

Эта отстойная поездка вот-вот станет намного хуже.

Парни снова подвозят меня на той же машине, но на этот раз я сажусь Тобиасу на колени. Напряжение между нами другое, не совсем та ослепляющая горячая страсть, которую я испытывала к Мике, но хрупкая, ломкая потребность, которая заставляет меня подсознательно облизывать губы и ёрзать у него на коленях.

Он ведёт себя так, будто не замечает или ему всё равно, насколько мы близки, и я позволяю этому фарсу продолжаться. Я не собираюсь ничего предлагать, не тогда, когда я *только* вчера рассталась со своим парнем, с которым встречалась два года. И не тогда, когда думаю о Спенсере каждые пятнадцать минут.

— Спасибо вам, ребята... за всё, — говорю я, выдыхая, когда выбираюсь из машины с сумками. Они оба смотрят на меня одинаковыми изумрудными глазами, и я пытаюсь

решить, может быть... просто может быть, мы могли бы теперь стать друзьями?

— Не за что, Чак Микропенис, — говорят они, и тогда Тобиас протягивает руку с этим чёртовым маркером для кожи и быстро рисует член на моей руке, прежде чем я успеваю её отдёргнуть.

— Вы, долбаные придурки! — кричу я, когда они отстраняются, и лихорадочно роюсь в сумке в поисках толстовки. Я не собираюсь объяснять Арчибальду Карсону, директору Академии Адамсон для парней, почему у меня на предплечье нарисован гигантский красный пенис.

Как только я надеваю свитер, захожу внутрь и поднимаюсь на лифте на шестой этаж, стучу в дверь, а затем просматриваю сообщения, ожидая, пока папа ответит.

Нет ни одного сообщения ни от Коди, ни от Моники.

Ни одного.

Они даже не заботятся обо мне настолько, чтобы извиниться.

Вздыхнув, я убираю телефон и заставляю себя улыбнуться, когда папа открывает дверь, приподняв брови.

— Шарлотта, что ты здесь делаешь? — он отодвигается в сторону, пропуская меня, и я проскальзываю мимо него, складывая вещи на идеально застеленную двуспальную кровать слева. Другая сторона помята, и там лежит его костюм, приготовленный на день. Папа всё ещё в пижаме.

— Мы с Коди расстались, — отвечаю я ему, поворачиваясь к нему лицом и засовывая руки в карманы нового платья — ох, разве вы не любите платья с карманами? — и улыбаюсь. — Это было необходимо. Я покончила с этим. Я просто... Моника не очень-то поддерживала меня, и я почувствовала, что предпочла бы быть здесь.

Папа кивает, но, похоже, его это не совсем убеждает.

— Ладно, Шарлотта, — говорит он со вздохом. — Послушай, я как раз собирался позвонить тебе...

Кровь отхлынула от моего лица, и я тяжело присаживаюсь на край кровати. Ни одно предложение, начинающееся словами «Я собирался тебе позвонить», в конце концов, не заканчивается хорошо. Моё сердце начинает бешено колотиться, а руки начинают дрожать.

— Что? Что это? Это ведь не мама, не так ли? — однако то, как папа смотрит на меня, говорит мне, что на самом деле это мама. — Она ведь не мертва?

— Не драматизируй, — отчитывает он, что на самом деле несправедливо с его стороны. Мама употребляет наркотики. Она ставит себя в опасные ситуации. Это было моим страхом в течение многих лет. — Она не умерла, но я забираю её сегодня, чтобы записать на программу реабилитации.

Воздух выходит из меня, и я прикладываю руку к груди, чувствуя себя сдутым воздушным шариком. Слишком много эмоций за слишком короткое время. Сейчас я как бы... оцепенела. Мой план на последние три месяца состоял в том, чтобы взять себя в руки и остаться здесь, вернуться к своей жизни в Калифорнии.

Сейчас всё, чего я хочу — это посидеть в том заброшенном женском общежитии и почитать книгу. Поправляя очки на носу, я приподнимаю бровь.

— Можно мне пойти? — то, как отец хмурится, отвечает на этот вопрос за меня. — Почему нет? Ты сказал, что я могу увидеть её на Рождество, но если она на реабилитации, то я вообще не смогу её увидеть!

— Не будь эгоисткой, Шарлотта. Твоя мать делает сознательный выбор в пользу своего

собственного выздоровления.

— Не понимаю, почему я не могу просто поехать с тобой и отвезти её туда, — начинаю я, чувствуя, как слёзы застилают мне глаза, но папа явно закончил разговор. Он хватает свою одежду с кровати и направляется в ванную. — Это грёбаная хренотень.

— Я начинаю уставать от твоего грубого языка. Он заставляет тебя казаться необразованной. Ты хочешь, чтобы люди воспринимали тебя именно так? Как заведомо невежественную и необразованную? Потому что так, ты не очень далеко продвинешься в жизни, Шарлотта. — Мой рот сжимается в тонкую линию, но спорить с ним нет смысла. Он убедится, что выиграл все до единого. — Кроме того, ты должна уважать желания матери.

— В смысле? — спрашиваю я, следуя за ним на несколько шагов к двери ванной. — Она не хочет меня видеть?

Папа ничего не говорит, но я вижу, что это написано на его лице.

— Она попросила одного меня забрать её, потому что не хочет, чтобы ты видела её такой. Это *потому*, что она любит тебя, Шарлотта, она и не хочет, чтобы ты приезжала. — Он направляется в ванную и закрывает за собой дверь. Тем временем это чувство онемения просто проникает во все пальцы рук и ног и остаётся там, даже когда он выходит за дверь, даже когда возвращается, и оно не отпускает меня всю дорогу до Коннектикута.

Январь на северо-востоке чертовски холодный. То короткое пребывание в Калифорнии лишило меня всякой остаточной стойкости к погодным условиям. Большие каменные коридоры Академии Адамсон кажутся ледяными пещерами, когда я, дрожа от холода, иду с последнего урока на заседание Кулинарного клуба.

— Как долго этот чёртов обогреватель будет отключён? — огрызается Спенсер, ставя несколько кастрюль и сковородок на стол. — Эти придурки работали над этим весь день.

— Учитывая сумму, которую им платит школа, можно подумать, что всё уже сделано, — мягко добавляет Черч, потягивая кофе, когда я, проталкиваясь бёдрами, вхожу в комнату. Его янтарные глаза встречаются с моими, когда я бросаю рюкзак на пол и поплотнее запахиваю новую куртку, которую получила в подарок на Рождество. Это единственное хорошее воспоминание о Рождестве, с которым я вернулась из Калифорнии.

— Вот в чём проблема с вами, любителями сладкого, — говорю я, закрывая кулинарную книгу и притворяясь, что мне всё равно, что Рейнджер наблюдает за мной прищуренными сапфировыми глазами. Близнецы дразнили меня весь день, но это лёгкое поддразнивание, которое на самом деле меня не беспокоит. В какую игру они играют, я не знаю, но это лучше, чем, когда на меня вываливают банку с пауками, так что я соглашаюсь. — Эти люди там, на ледящем холоде, надрывают свои задницы, чтобы починить систему отопления, которая существует с начала века. Сделайте им небольшую поблажку.

— Ух ты, ты точно вернулся с дополнительным куском говна, — огрызается Спенсер, но я продолжаю смотреть на кулинарную книгу передо мной. Я не могу смотреть на него, только не после всех тех грёз наяву о его поцелуях. *Эти бирюзовые глаза, эти серебристо-пепельные волосы, жар его рук.* — Ты, должно быть, хорошо провёл время со своей девушкой, а?

— Они расстались, — объявляют близнецы, когда я с наслаждением распаиваю кухонную дверь. — Мы были свидетелями этого. — Они оба поднимают руки и пожимают плечами в умиротворяющем жесте.

— Вообще-то, Тобиас ударил Коди, парня, с которым спала Моника, — говорю я, листая страницы в поисках какой-нибудь запеканки, которую я могла бы приготовить, чтобы она не остыла. Теперь, когда я знаю, что мы на самом деле зарабатываем дополнительные баллы за этот урок, я стараюсь немного усерднее. Если я правильно разыграю карты, то в этом году больше не попаду в летнюю школу.

— Ты, блядь, серьёзно? — спрашивает Спенсер, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть, как он в замешательстве переводит взгляд с меня на близнецов. — Вы были вместе на каникулах?

Близнецы оба вздыхают и обмениваются взглядами, прежде чем повернуться обратно к Спенсеру. Когда я бросаю на них быстрый взгляд через плечо, я сразу понимаю, что Мика — тот, что слева.

— Наша мать работает в Санта-Крузе. — Они снова указывают друг на друга, и это напоминает мне Траляля и Труляля из «Приключений Алисы в Стране чудес». Очень причудливые. Но затем Мика жестоко ухмыляется и разрушает иллюзию.

— Как, по-твоему, его отец получил эту работу? — затем он указывает на меня, а после подходит и встаёт слева от меня, в то время как Тобиас занимает место справа. Тобиас

переходит к разделу, посвящённому суфле, и постукивает по одному из них пальцем.

— Давай приготовим это.

— Здесь написано, что уровень сложности *сложный*, — говорю я, стараясь не обращать внимания на их сладковато-терпкий запах. Если бы я была поэтичным человеком, я бы сказала, что они пахнут *ненасытностью*. Ням. Я имею в виду... нет. Нет, спасибо.

— Не будь слабаком, — мурлычет Мика, выхватывая у меня книгу, в то время как его брат идёт к холодильнику за ингредиентами. Спенсер смотрит на меня так, словно я с другой планеты, а потом... его рот дёргается, и он позволяет этой похотливой улыбочке появиться на его сочных губах.

— Ты сделал то, о чём я просил? Ты сравнил мой поцелуй с её?

Близнецы оба останавливаются и смотрят на меня. Чёрт, даже Черч поглядывает в мою сторону. Рейнджер просто отворачивается, одетый в бело-голубой клетчатый фартук с оборками, который делает его похожим на Дороти из «Волшебника страны Оз».

— Она изменяла мне с Коди. — И это чистая правда. Они оба в каком-то смысле изменяли мне. И я *рассталась* с Моникой как с подругой, так что технически я не лгу. — Всё остальное, что произошло, не имело значения.

Спенсер хлопает ладонями по стойке и заставляет меня подпрыгнуть, ухмыляясь мне, как волк, который только что почуял добычу.

— Чушь собачья. Если бы тебе не понравилось, как я целовался, ты бы сказал мне. Ты слишком честный для своего же блага придурок, Чак Карсон. — Он выходит из-за кухонной стойки, чертовски красивый в синем блейзере, галстук цвета шампанского и слаксах. Но также... немного пугающий.

Страшно, потому что я так сильно хочу, чтобы он прикоснулся ко мне, что знаю: если он это сделает, у меня будут неприятности. Он прикоснётся ко мне, и я забуду хранить свой секрет, а он будет продолжать прикасаться ко мне, пока не узнает.

Я отступаю и использую остров в качестве рычага, в то время как Черч ошеломлённо наблюдает за происходящим, а близнецы обмениваются парой одинаковых хмурых взглядов.

— Оставь меня в покое, Спенсер, — предупреждаю я, но он, должно быть, что-то чувствует в моём поведении, потому что перепрыгивает через островок и хватает меня за талию, притягивая спиной к себе спереди.

Спенсер притягивает меня ближе, прижимаясь губами к моему уху.

— Я никогда раньше не знал, что мне нравятся парни, пока не встретил тебя.

Я дрожу в его объятиях. Если бы он только знал... Я представляю, что если он когда-нибудь узнает, то разозлится. Теперь, когда мой план погрузиться в тень и прятаться до моего возвращения в Калифорнию сгорел в чудесном, гневном пламени, что я должна делать? Я с трудом смогла скрыть свой секрет от близнецов в течение нескольких месяцев. А теперь я должна пережить остаток этого года *и* весь следующий?

— Отпусти меня, Спенсер, — рычу я, потому что, даже если он действительно верит, что я парень, у него не больше прав прикасаться ко мне без разрешения, чем если бы я была девушкой. Почему-то я думаю, что он отнёсся бы к этой ситуации совсем иначе, если бы знал правду. С другой стороны, он богатый, титулованный мудака, так что я не совсем уверена в этом.

«Но, чёрт возьми, от него вкусно пахнет кедром и иссопом».

— Зачем? Чтобы ты мог продолжать убегать? Давай поговорим об этом. — Я собираюсь ударить его локтем в живот, но он ловит меня за руку. — Ты действительно начинаешь меня

бесить. — Теперь мой голос и тело дрожат. Мне нравится, когда он прикасается ко мне. Слишком. Но мне также не нравится, когда меня хватают и удерживают против моей воли.

Спенсер толкает меня вперёд, и я немного спотыкаюсь, оборачиваюсь и вижу, что он смотрит на меня со смесью разочарования и желания. Он запускает пальцы в свои серебристые волосы, обнажая тёмные корни, и с хмурым видом отворачивается.

Между нами возникает неловкое напряжение, когда я провожу ладонями по передней части пиджака и возвращаюсь к своему стулу. Никто не произносит ни слова, пока Рейнджер не поворачивается и не бросает на меня мрачный, злобный взгляд. Фу, эти молчаливые задумчивые типы так раздражают.

— Если вы оставите суфле в духовке слишком надолго, оно развалится. Не облажайся, Карсон. — Он протягивает мне венчик и миску для смешивания, и я провожу остаток дня, уничтожая не одно, не два, а целых три суфле, пока Студенческий совет, наконец, не выгоняет меня из комнаты... но не раньше, чем оттягивают рубашку и разбиваю сырое яйцо о шею.

— Если ты думаешь, что это заставит тебя мне понравиться, то тебя ждёт разочарование! — кричу я, когда Спенсер уходит по коридору, засунув руки в карманы. Он оборачивается и ухмыляется, всё ещё идя спиной наперёд.

— Я не пытаюсь понравиться тебе, Карсон. Я просто пытаюсь заставить тебя отсосать мой член. — Он снова пожимает плечами и отворачивается, а я стою там с пылающим лицом.

— Тебе бы очень повезло, — самодовольно ухмыляется Росс, отодвигая меня локтем в сторону и исчезая в коридоре вслед за своим хозяином. Держу пари, если бы Спенсер попросил его, он бы в мгновение ока упал на колени.

— Отвратительно.

Я возвращаюсь в общежитие в сопровождении близнецов и со вздохом устраиваюсь в своей комнате. В течение нескольких месяцев я сопротивлялась тому, чтобы придать этому месту какой-либо личный оттенок, потому что предполагала, что вернусь на Западное побережье. Однако теперь... У меня есть пять с половиной месяцев до окончания школы, а потом *целый* новый год, который нужно пережить.

Лучше привыкнуть к этому месту.

Распаковывая кое-какие из своих безделушек, я достаю хрустальный ловец солнца, который подарила мне мама, и с улыбкой перебираю фиолетовые и синие драгоценности. По-видимому, камни аметист и ангелит помогают справиться с тревогой, депрессией и грустью. Подарить его мне на мой шестнадцатый день рождения было милым жестом — на семнадцатый я от неё ничего не получила — но это ещё раз показывает, как мало она меня знает. Я не так сильно борюсь с тревогой или депрессией, это её проблемы. Что касается меня, то у меня проблемы с самооценкой, любовью к себе и приспособленчеством.

Тем не менее, я встаю и иду вешать уловитель солнца на окно (несмотря на то, что солнца определённо нет, бе), когда леска, которая удерживает всё это вместе, цепляется за пуговицу моего блейзера. Один из крошечных кристалликов на дне откалывается и, подпрыгивая, катается по старому деревянному полу, прежде чем упасть в трещину.

— Чёрт.

Я аккуратно откладываю оставшуюся часть ловца солнца в сторону на кровать и опускаюсь на четвереньки, чтобы посмотреть, не смогу ли каким-нибудь образом откопать кристалл. Но он далеко внизу, под этими огромными старыми деревянными досками,

которые покоробились и деформировались с возрастом. Гигантские железные гвозди с квадратными наконечниками выдают возраст этого места, и совершенно очевидно, что прошло много времени с тех пор, как его шлифовали или полировали.

Задумчиво прикусив губу, я встаю и роюсь в вещах, пока не нахожу большую металлическую пилочку для ногтей. Я вставляю её в щель и раскачиваю, и, конечно же, кажется, что половица немного расшаталась. Я ковыряю и поддеваю её, но пилочка ломается задолго до того, как доска поднимается. Она болтается, но не собирается волшебным образом открываться и открывать секретную, потайную комнату.

Сидя на корточках, я пытаюсь убедить себя, что это всего лишь один кристалл из многих, и что в этом нет ничего особенного. Только... для меня это так, потому что мама подарила мне этот ловец солнца, а теперь... она на реабилитации и слишком стыдится того, во что превратилась её жизнь, чтобы даже позволить мне увидеться с ней.

— Я заберу этот чёртов кристалл обратно, — ворчу я, направляясь вниз к кладовке уборщика. Предполагалось, что она заперта, но вот уже день или два то тут, то там уборщик Эдди оставляет болтаться гигантский засов. Я молюсь, чтобы сегодня был один из таких дней, и сжимаю кулаки, как последняя дура, когда вижу, что она открыта.

Однако, когда прохожу мимо пробковой доски, моё внимание привлекает другая заметка, и я внезапно вспоминаю, что в этом кампусе есть придурок, который не только готов воспользоваться ножом, чтобы запугать меня, но и знает мой настоящий пол.

Я срываю листок бумаги с гвоздика и внимательно читаю его.

Дорогая Ева,

Тебе следовало остаться в Калифорнии.

Не высовывайся и веди себя тихо.

Мне не нравятся любопытные сучки.

С любовью, Адам

Озноб пробегает по моему телу, когда я сжимаю листок бумаги с угрожающими словами, нацарапанными фиолетовыми чернилами. Кем бы ни был этот парень по имени «Адам», его записка серьёзно усилила свою агрессию.

— Господи, — стону я, прижимая записку к груди. Я всё равно иду в кладовку уборщика и достаю лом и молоток. В лучшем случае я подниму половицу. В худшем... Я могу использовать оба предмета в качестве оружия.

Я спешу обратно в комнату так быстро, как только могу, и убеждаю себя, что чувство, будто за мной следят — всего лишь моё воображение.

На следующее утро у меня затуманенные глаза, и я истощена, но испытываю удовлетворение от осознания того, что вернула кристалл. Половица не поддалась чисто, легко и красиво. Вместо этого она раскололась на части, и, хотя я вернула её на место, она выглядит не так уж хорошо. Под досками было только грубое дерево основания пола, несколько монеток и множество пыли.

Ничего крутого или таинственного видно не было.

Когда я рассказываю близнецам о записке, они переглядываются и просят меня встретиться с ними после школы.

На уроке английского у мистера Мерфи я пытаюсь отвлечься, разглядывая его, но каждый раз, когда думаю о чём-то приятном в нём — например, о его подтянутой заднице или полных губах — это кажется гораздо менее заманчивым по сравнению со Спенсером. Или близнецами.

Кажется, я никак не могу выкинуть из головы этих задиристых придурков из Студенческого совета.

После окончания занятий близнецы удивляют меня, устраивая пикник, а затем провожают в общежитие для девочек. Я скучала по этому месту, но только идиотка стала бы бродить по лесу одна в темноте, чтобы тусоваться в заброшенном здании с разгуливающим на свободе маньяком.

— Как вы думаете, я должна рассказать отцу о записках? — спрашиваю я, когда они отпирают дверь и впускают нас внутрь. Мне кажется почти неправильным не идти своим обычным путём. — И вообще, где вы взяли эти ключи?

— На какой вопрос ты бы хотела, чтобы мы ответили в первую очередь? — говорят они, отступая назад и протягивая руки, приглашая меня войти.

Я проскальзываю мимо них и устраиваюсь на диване, замечая, что классная фотография Дженики, которую я оставила на столе в прошлый раз, когда была здесь, исчезла.

— Какого чёрта...? — бормочу я, осматривая пол и даже под диваном. Она не вернулась на гвоздь. Она просто... исчезла. — Фотография Дженики пропала.

Близнецы обмениваются взглядами, а затем снова переводят взгляд на меня.

— Ты не брала её? — спрашивают они, и я качаю головой. Казалось неправильным убирать её из этого места, как будто это общежитие для девочек явно было построено для неё, первой студентки Адамсона. Этой фотографии самое место здесь.

— Нет. По крайней мере, у меня всё ещё есть фотография в моём телефоне, хотя... — Я смотрю на них прищуренными глазами. — На *Самсунге*. К счастью, у меня всё настроено на автоматическую выгрузку в облако. Вы могли стоять мне нескольких невосполнимых воспоминаний, вы это знаете?

— Мы должны сохранять лицо, — отвечают парни, пожимая плечами, прежде чем занять по одному из больших, удобных (но довольно пыльных) кресел, которые стоят друг напротив друга.

— Ты никому в академии не нравишься, Чак, — говорит Мика, ухмыляясь мне и скрещивая ноги в коленях. Я замечаю, что когда они не пытаются одурачить всех, заставив думать, что они просто две половинки одного целого, он сидит, скрестив ноги, в то время как его брат ставит обе ступни ровно на пол. — Ты была странным, замкнутым придурком,

который избегал любых предложений дружбы или доброй воли. Ты отказалась помочь Черчу исправить допущенную тобой ошибку, и теперь твоя судьба решена. Ты — постоянный изгой. Просто радуйся, что мы, как сострадательный, добросердечный Студенческий совет, решили взять твоё наказание на себя.

— То есть вы хотите сказать, что если бы вы, ребята, не приставали ко мне, это сделал бы кто-нибудь другой? Довольно дешёвое оправдание, скажу я вам. — Я плюхаюсь обратно на диван и провожу руками по лицу. Мы пришли сюда не для того, чтобы обсуждать меня. Откровенно говоря, это последнее, что я хотела бы обсуждать в этом мире. На самом деле я бы предпочла обсудить записку с угрозами, парня с ножом или пропавшую фотографию. Насколько всё это запутанно? — Так кто же забрал этот снимок?

— Это мог бы сделать Рейнджер, — размышляет Тобиас, разглядывая красивые детали на потолочных плитках. Я думаю, они оловянные. — С другой стороны, он знал, что фотография была здесь в течение многих лет, и не прикасался к ней.

— Тогда, может быть, тот подонок, который оставлял мне эти записки? — я наблюдаю, как Тобиас наклоняется и расстёгивает блейзер медленным движением пальцев, его зелёные глаза сосредоточены на мне, когда он снимает его с мучительной точностью, призванной вывести из себя все мои девчачьи прелести.

«Мудак», — думаю я, с трудом сплывая и пытаюсь сосредоточиться на том, что он сейчас достаёт из корзины для пикника. Он протягивает мне пиво, и я беру его.

— Здесь больше не работают камеры. — Мика указывает на угол, где на нас смотрит тихий чёрный глаз камеры слежения. — Раньше работала, но сейчас в этом здании нет электричества.

— Итак... все знают, что это должно было быть общежитие для девочек? — спрашиваю я, и Мика поднимает брови. — Я так понимаю, это значит «нет»?

— Нам сказали, что они хотят расширить школу. Никто никогда ничего не говорил о женском общежитии. — Мика хмурится и наклоняется вперёд, чтобы принять пиво от брата. — Кто тебе это сказал?

— Папа, — отвечаю я, пожимая плечами. — А что?

— Большинство людей ничего не знают о Дженике. Даже мы не знали, что это должно было быть общежитие для девочек. — Мика откидывается на спинку стула и откручивает крышку со своего пива, отхлёбывая изрядную порцию, прежде чем поставить его на бедро и медленно начать вращать по кругу.

— Ребята, может вы перестанете говорить загадками и расскажете о Дженике? Почему Рейнджер думает, что она была убита, когда все остальные верят, что она совершила самоубийство? — я снимаю куртку и делаю глоток пива. У него почти... послевкусие корицы. На самом деле, лучше, чем большинство сортов пива. Я приятно удивлена.

Близнецы обмениваются взглядами, и Тобиас вздыхает, протягивая руку, чтобы провести пальцами по своим песочно-оранжевым волосам. Он поджимает губы и бросает на меня долгий, томительный взгляд.

— Как только я понял это, я начал беспокоиться о тебе. — Тобиас встаёт и пересаживается на противоположный от меня конец дивана, делая глоток своего пива. — Единственная девушка, которая когда-либо посещала Адамсон, и она была убита.

— Но почему все думают, что это было самоубийство? — повторяю я, начиная расстраиваться. Близнецы обмениваются ещё одним взглядом, а затем Мика усмехается, как будто он раздражён на своего брата.

— Она была найдена повешенной в петле в лесу за пределами школы, босиком и в ночной рубашке. — Мика вытягивает руку, указывая на заднюю часть общежития. — Это здание как раз готовилось к официальному открытию, когда она умерла. Они отвели ей первую комнату, ту, что на верхнем этаже, чтобы у неё было немного уединения. Дженика перевезла вещи в ночь перед смертью, вроде?

— Двумя днями ранее, — поправляет Тобиас, допивая пиво и доставая ещё одно. — Конечно, это всё слухи. Рейнджеру тогда было восемь лет. Никто из нас ни хрена не знает о том, что здесь на самом деле произошло. — Он снова вздыхает, и Мика закатывает глаза.

— Но мы *точно* знаем, что перед смертью она была замешана в куче дел. Там был дневник... ну, в нём не хватает страниц, но, судя по тому, что мы видели, Дженика писала о каком-то довольно хреновом дерьме.

— Дневник у Рейнджера?

— Ага. Почти уверен, что он прочитал его уже сотню раз. Он позволил нам просмотреть несколько страниц тут и там, но я думаю, он хочет защитить то, что осталось от памяти о его сестре. — Тобиас смотрит прямо перед собой, на маленькие капельки красного воска на кофейном столике. — Не могу его винить, я бы сделал то же самое. — Его голос странно срывается, и, клянусь, напряжение в Мике возрастает во сто крат. И снова между ними происходит что-то, чего я не понимаю. Я решаю оставить всё как есть. Близнецы — болтуны: если бы они хотели мне сказать, они бы это сделали.

— Она наткнулась на брата Спенсера, продававшего наркотики в лесу, — добавляет Мика. — Мы это знаем. Какое-то время Рейнджер размышлял, не мог ли он или кто-то из его дружков убить её.

— Наркотики? — спрашиваю я, скептически приподнимая бровь. — Вроде травки, которую продаёт Спенсер?

Тобиас поднимает голову, чтобы взглянуть на меня.

— Нет, вовсе нет. Я имею в виду жесткое дерьмо. *Хардкор*. Спенсер отличный парень, но его брат — придурок. Он бы уже сидел в тюрьме, если бы их семья не продолжала платить полиции. — Он пожимает плечами, делает ещё глоток пива, а затем отводит взгляд в сторону, к стене с заколоченными окнами. — Хотя нет смысла говорить ему об этом. Он слишком сильно любит этого парня, чтобы видеть его истинные недостатки.

— Ты пытаешься сделать из этого какой-то вывод? — огрызается Мика, снова становясь раздражительным. — Потому что, если это так, то просто признайся и, блядь, скажи это. Я устал ходить вокруг да около проблемы Эмбер.

О-о-о. Мои глаза расширяются, и я смотрю прямо перед собой, прихлёбывая из коричневой бутылки, которую держу в руке, и притворяясь, что меня не очень интересует направление, в котором развивается этот разговор.

— Я упоминал Эмбер? — Тобиас рычит, поворачиваясь и свирепо глядя на своего брата. — Нет. Ты вчитываешься в дерьмо, которого там нет. Перестань вываливать всё на меня.

Мика усмехается и встаёт, глядя на своего брата сверху-вниз прищуренными глазами.

— Ты ведь никогда не оставишь это в покое, да? Сколько раз я могу извиняться, прежде чем ты прекратишь делать такое дерьмо, как запихивать хорошеньких девушек в её комнату, просто чтобы подразнить меня?

Оу. Оу, оу, оу. Комната, в которой я останавливалась, принадлежала Эмбер? Во-первых, почему у неё была комната в доме близнецов? И... Мика только что сказал «симпатичная

девушка» по отношению ко мне? Тобиас игнорирует его, приводя Мику в полный раздраз. Он швыряет пивную бутылку в стену и вылетает вон, хлопнув за собой дверью с такой силой, что с потолка оседает пыль.

— Если я спрошу об Эмбер... — я вздрагиваю, когда Тобиас поворачивается в мою сторону.

— То ты не получишь ответов, извини. — Он пытается улыбнуться, но выражение его глаз не соответствует. Напоминает мне о Черче. Тобиас вздыхает, и некоторое время мы сидим в тишине. Я не могу перестать задаваться вопросом, кто мог забрать фото Дженики, и не тот ли это человек, который оставлял мне все записки. *Не забывай: как они вообще узнали твой секрет?* Вероятно, прячась в кустах возле папиного дома, вот как. Я дрожу от одной только мысли об этом.

— Есть ещё что-нибудь, что мне следует знать о Дженике? — спрашиваю я, и Тобиас, наконец, оглядывается на меня, прежде чем встать.

— Кроме того факта, что полиции всё равно, администрации всё равно, и даже её собственная мать отвернулась от неё? Да, больше ничего особенного. Это всего лишь одна большая грёбаная тайна. — Он делает ещё глоток пива, бросает бутылку в корзину для пикника и тянется к моей руке. Когда я беру её, меня охватывает лёгкий трепет, и Тобиас притягивает меня к себе.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, чувствуя, как горят мои щёки, и он кладёт руки по обе стороны от моей талии. Моё сердце бешено колотится, когда я кладу ладони ему на грудь. Он смотрит на меня сверху-вниз тёмно-зелёными глазами, за которыми танцуют тени, намекающие на миллион скрытых эмоций. — Предполагается, что мы здесь должны беспокоиться о Дженике.

— Я беспокоюсь о Дженике только потому, что её ситуация касается тебя. — Тобиас делает паузу и слегка наклоняет голову набок, слабая улыбка появляется на его губах. На этот раз я действительно встречаюсь с ним взглядом. — Знаешь, с тех пор как мой брат поцеловал тебя, я умираю от любопытства.

Мой румянец усиливается, и я облизываю нижнюю губу, отводя глаза в сторону, потому что прямо сейчас смотреть на него слишком тяжело.

— Я поцеловала тебя, — неуверенно добавляю я, и он смеётся, крепче сжимая мою талию.

— Если ты считаешь это настоящим поцелуем, Чак Карсон, тогда есть пара вещей, которым я мог бы тебя научить. — Тобиас протягивает руку и берёт меня пальцем за подбородок, приподнимая моё лицо, чтобы я посмотрела на него. Он вообще почти не оказывает давления; если бы я захотела, я могла бы сопротивляться. — Хочешь небольшой урок?

Поскольку я внезапно обнаруживаю, что не могу говорить, вместо этого я киваю, и Тобиас улыбается.

— Хорошо, тайная девушка, давай посмотрим, на что ты способна. — Он кладёт одну руку мне на затылок, нежно обхватывая его, и прижимается своими губами к моим, обжигая меня жаром. Я издаю тихий звук, даже не осознавая этого, это настойчивое, отчаянное хныканье, которое побуждает Тобиаса притянуть меня ближе. Его язык обводит край моей нижней губы, прежде чем проскользнуть в них. Я ловлю себя на том, что растворяюсь в нём, хотя изо всех сил стараюсь сопротивляться.

Но связь с одним близнецом означает связь с обоими, не так ли? Они говорили что-то о

совместном использовании, но... Я и близко не так опытна, как они. И не уверена, готова ли ко всей этой интенсивности и страсти.

И всё же я не могу перестать целовать Тобиаса.

Нет, он слишком хорош на вкус, слишком приятен на ощупь, и за моими веками вспыхивают фейерверки.

Поцелуи с Коди никогда не были такими, как сейчас.

Когда я прижимаюсь к нему сильнее, Тобиас смеётся и отстраняется, одаривая меня самоуверенной улыбкой, которая творит всякие странные вещи с моими трусиками. А именно, она их расплавляет.

— Нет, я так не думаю, Чак. Это было всего лишь пособие. Ты ещё не готова к полному курсу.

Я набираю пригоршню сухих листьев и бросаю их в него, отчего они разлетаются в воздухе, как коричневые снежинки.

— Ты серьёзно рулон-туалетной-бумаги, ты это знаешь?

Он запрокидывает голову и смеётся надо мной, как будто это самая глупая вещь, которую он когда-либо слышал в своей жизни.

— Оу, жжёшь, Чак, жжёшь. — Тобиас подмигивает мне, а затем указывает подбородком на дверь. — Давай сваливать отсюда, пока не появился убийца, хорошо? Я не могу умереть, пока не надеру задницу Мике во время драг-рейсинга. Ублюдок всегда выигрывает.

— Против тебя?! — спрашиваю я, выходя вслед за ним на прохладный вечерний воздух. — И ты всё равно позволил мне участвовать с ним в гонках? — Тобиас просто смеётся и продолжает идти, а я бегу трусцой, чтобы не отставать от его длинных шагов. Где-то недалеко от тропинки ухает одна из этих дурацких сов.

И где-то там... есть тайна смерти Дженики, которая только и ждёт, чтобы её раскрыли.

В четверг Черч рассылает групповое сообщение об отмене собрания Кулинарного клуба. Я с удивлением обнаруживаю, что, на самом деле, немного разочарована. Какое-то время я пытаюсь развлечь себя в комнате, но ощущаю себя взаперти и встревожена после всего, что рассказали мне близнецы.

Блядь. Из-за этого секрета в Академии Адамсон меня, скорее всего, убьют.

— Я сдаюсь, — бормочу я, отправляя сообщение папе, чтобы убедиться, что он дома. Если это так, я собираюсь подняться туда и рассказать ему о записках и тёмной фигуре в ночь Хэллоуина. Даже если он запрет меня дома до конца моей школьной жизни, прекрасно. Это лучше, чем закончить жизнь в петле в лесу.

Но, конечно, папа пишет мне, что он на встрече, поэтому я спускаюсь вниз и следую за группой парней обратно в главное здание. Таким образом, я не одинока на дорожках, но у меня есть чёткий и безопасный путь на кухню. У меня есть ключ, поэтому, несмотря на то, что дверь заперта, а на окне опущена шторка, я вхожу сама.

Я не ожидаю увидеть Рейнджера Вудрафа в бело-розовом клетчатом фартуке с кружевами и оборками... и больше ни в чём. Типа, я вхожу в комнату и вижу его идеальную задницу прямо там, у всех на виду.

Он оборачивается с лопаткой в руке, его сапфировые глаза расширяются от шока.

— Убирайся отсюда на хрен! — рычит он, но дверь за мной уже захлопывается. Прижимаюсь спиной к двери зажимаю рот рукой, чтобы подавить рвущийся наружу визгливый смех. — Клянусь богом, Чак Карсон, если ты не повернёшься и не покинешь эту комнату...

Но мне уже пришло в голову, что, возможно, у меня есть способ покончить с издевательствами раз и навсегда. Ну, по крайней мере, со стороны Рейнджера. Черч и Спенсер — это совершенно разные истории. А близнецы... Я на самом деле не уверена, что и думать о близнецах.

— Почему ты голый? — выдыхаю я, выхватывая телефон из кармана и используя серийную съёмку, чтобы сделать около миллиона снимков одновременно. Рейнджер роняет лопатку и подходит ко мне. Он так быстр, что я едва успеваю обернуться, прежде чем он хватает меня за талию и оттаскивает назад. — Они уже загружаются в облако! — кричу я, когда он пытается выхватить у меня телефон. — Уже слишком поздно. Ты не сможешь забрать у меня эти фотографии, пока не войдёшь в мой аккаунт.

— Ты войдёшь в учётную запись за меня и позаботишься об этом, — рычит он, его тело ужасно тесно прижимается к моему. — Или я засуну твою грёбаную голову в засорившийся унитаз в уборной дальше по коридору и посмотрю, как долго ты сможешь давиться дерьмом, прежде чем сдашься.

Я топаю ногой по стопе Рейнджера, и он рычит от боли. Однако его хватка не ослабевает. Нисколько. На самом деле, всё, что делает это движение — заставляет его сжимать меня сильнее.

Он наклоняется вперёд, и ожерелье падает ему на плечо, соблазнительно покачиваясь передо мной. Это серебряный ключ с одним концом в форме сердца. Я протягиваю руку и хватаю его, разрывая цепочку, а затем со всей силы швыряю в стену над раковиной. Он отскакивает и со звоном влетает прямо в канализацию.

— Чёрт возьми! — Рейнджер огрызается, отпуская меня и позволяя упасть на колени на пол. Он подбегает и суёт руку в водосток, ругаясь, а затем пинает дверную панель своим большим чёрным армейским ботинком. — Если я потеряю это ожерелье, Чак, помоги мне господи, я сверну твою чёртову шею.

Он опускается на колени и открывает шкаф, отвинчивая предохранитель и заливая пол большим количеством воды. Ключ тоже выпадает, и Рейнджер поднимает его, со вздохом прижимая к груди.

С того места, где я стою на коленях, мне видна его задница и... все остальное. Ну, знаете, например, его яйца. Они просто как бы висят там. Мои щёки вспыхивают, и я отвожу взгляд, опираясь на стену, чтобы подняться на ноги.

— Я не собираюсь ничего делать с фотографиями, — говорю я ему, чувствуя, как колотится моё сердце, когда он встаёт и бросает через плечо самый мрачный, блядь, взгляд. Мои мысли возвращаются к нашему занятию выпечкой, к тому, как его сильные руки обхватывали меня за талию и удерживали, пока мы смешивали ингредиенты. — Если ты перестанешь издеваться надо мной и обращаться со мной как с дерьмом. Это всё, чего я хочу.

Рейнджер встаёт и снова вешает ключ на шею, подходя проверить, что запекается в духовке. Он натягивает рукавицу и с проклятием вытаскивает её, ставя форму для торта на стойку.

— Ты полностью испортил мой немецкий шоколад, Карсон. — Он поднимает на меня взгляд, но я слишком сосредоточена на татуировке Дженики у него на груди. — Глаза сюда, придурок. Я знаю, что ты би, но даже если бы я был пылающим радужным единорогом, я бы не стал встречаться с твоей задницей. Ты жалкий, надутый неудачник.

— А ты хулиган! — возражаю я, пересекая кухню и хлопая ладонями по столешнице. Я поднимаю один палец и поправляю очки на носу. — И вообще, почему ты так помешан на выпечке?

Рейнджер просто смотрит на меня в ответ, но не утруждается ответом.

— Ты знаешь, что семья моей матери владеет «Капкейки Хост Холлоу», верно? — спрашивает он, и у меня отвисает челюсть. Хост Холлоу — это не просто бренд капкейков, это целый конгломерат закулочных стоимостью более полутора миллиардов долларов. — Выпечка у меня в крови. Мои бабушка и дедушка основали эту компанию в тысяча девятьсот шестидесятом году. — Он переворачивает форму для кекса и с грохотом ставит её на столешницу. Слегка подгоревшее тесто вываливается наружу. Хотя в ответе Рейнджера есть что-то такое, что кажется неправильным, как будто он что-то скрывает. Я не настаиваю; у меня есть другие вопросы, на которые я хочу получить ответы.

Кроме того... когда я думаю о нём в возрасте восьми лет, когда он узнал, что его старшую сестру нашли повешенной на дереве... всё, что я чувствую — это жалость к нему.

— Пожалуйста, скажи мне, почему ты готовишь гольшом в фартуке с оборками? — спрашиваю я, и Рейнджер поджимает губы. Он отводит от меня взгляд с хмурым выражением на лице, а затем поворачивается, демонстрируя идеальную мускулистую задницу.

Он распахивает одно из окон, усаживает эту симпатичную задницу на подоконник и достаёт пачку сигарет из чёрного рюкзака, который лежит на полу у его ног. Парень закуривает и курит в окно, а я подхожу и встаю рядом с ним.

— Убирайся отсюда к чёрту, Карсон, пока я не решил надрать тебе задницу. — Он

указывает на меня зажжённой сигаретой, голубые глаза темнеют от гнева и разочарования. — И, если ты покажешь эти фотографии кому-нибудь, это не только *не* помешает мне придирааться к тебе: я *уничтожу* тебя. На самом деле, — Рейнджер встаёт, возвышаясь надо мной и пахнувший кожей и сахаром, — я позабочусь о том, чтобы твой отец потерял работу, а вас двоих отправили обратно на Западное побережье.

— Если это стоит того, чтобы вся школа увидела тебя... вот таким. — Я показываю на его обнажённое тело, и Рейнджер хватается за руку, сильно сжимая. Меня обдаёт жаром, и я издаю тихий задыхающийся звук, который заставляет его удивлённо приподнять брови.

«*Он всё поймёт*», — предупреждаю я себя, убирая руку с его. Рейнджер отпускает меня, но это угрожающее выражение на его лице остаётся.

— Да поможет мне Бог, Карсон. — Он откидывает волосы со лба и указывает на дверь. — Убирайся отсюда *нахуй* и держи свой чёртов рот на замке.

— Почему ты готовишь голым? — я повторяю, а он просто смотрит мне прямо в лицо, нисколько не стыдясь этого.

— Потому что мне нравится готовить голышом. Ну и что? Это моё дело, а не твоё.

— Но насколько это гигиенично? Я имею в виду, некоторые люди могут подумать, что это немного отвратительно.

— Я готовлю только для себя, а потом убираю на кухне. Приди в себя, Карсон. — Рейнджер возвращается к стойке и выбрасывает остатки своего торта в мусорное ведро.

— Тогда зачем фартук? — спрашиваю я, и клянусь, у него из спины вырастают колючки, а глаза сверкают яростью, когда он оборачивается, чтобы посмотреть через плечо. Он похож на дракона, готового оторвать голову ничего не подозревающему крестьянину.

— Ты всегда задаёшь так много личных вопросов, которые, чёрт возьми, тебя не касаются? Убирайся отсюда и катись к чёрту.

— И почему всегда такие красивые фартучки с оборками? — я давлю, зная, что он мало что может сделать со мной, когда голый. Всё, что мне нужно сделать, это выскользнуть за дверь и убежать; он не будет преследовать меня. Я имею в виду, по крайней мере, не думаю, что он стал бы... Хотя он такой озлобленный ублюдок, что я бы не стала полностью сбрасывать такой шанс со счетов.

Рейнджер с грохотом ставит миску в раковину и поворачивается, чтобы свирепо посмотреть на меня, грудь его вздымается от разочарования.

— Они принадлежали моей бабушке, — выдавливают он, и я поднимаю брови.

— Ты готовишь голышом в бабушкиных фартуках? Ты хоть понимаешь, как странно это звучит?

— **УБИРАЙСЯ!** — рычит он, и я бросаюсь к двери, приоткрывая её, в то время как он скрещивает руки на груди и смотрит на меня.

— Эй, эм, — начинаю я, чувствуя, как моё сердце странно трепещет в груди, когда я встречаюсь взглядом с его голубыми глазами. — Я просто шучу. Думаю, это круто, что у тебя есть бабушкины фартуки, и... знаешь, готовить голышом — это необычно. Просто... не оставляй в раковине никаких лобковых волос. — Рейнджер берёт набор металлических мерных стаканчиков и бросает их в меня.

Мне удаётся выскочить из комнаты как раз вовремя, чтобы не быть проткнутой ими.

— И ты только сейчас рассказываешь мне об этом? — говорит папа, переводя взгляд с одной записки на другую, прежде чем поднять голубые глаза на моё лицо. Он явно в ярости; костяшки его пальцев, сжимающих бумагу, побелели.

— В первый раз, я... — *Думала, я вернусь в Калифорнию и останусь там. Не думала, что это важно, ясно?* — Я думала это шутка. Но...

— Это нелепо, — бормочет папа, вздыхая и поворачиваясь, чтобы бросить записки на стол. — Ты возвращаешься сюда. Не знаю, почему я вообще позволил тебе вернуться в общежитие.

— Я не хочу здесь жить! — я огрызаюсь, и есть это недосказанное *с тобой*, что, я думаю, мы оба слышим. Теперь я тяжело дышу, а папа просто смотрит на меня так, словно больше не знает, кто я такая. С тех пор как ушла мама, между нами всё было непросто. Я имею в виду, я люблю этого мужчину и всё такое, но иногда он просто выводит меня из себя. Почти уверена, что это чувство взаимно. — Я хочу остаться в общежитии.

— Сначала ты придумываешь эту историю о мужчине с ножом, а теперь вот это. — Папа указывает на записки. — Либо ты говоришь правду, и в этом случае я не подвергну единственную дочь опасности. Или же ты лжёшь, потому что думаешь, что я отправлю тебя обратно к тёте — чего, кстати, не произойдёт.

— Последнее место в мире, где я хотела бы оказаться — это Калифорния — огрызаюсь я, с отвращением прикусывая губу. — И я не лгу. Я почти не рассказывала тебе о том, что происходит, *потому что* не хотела, чтобы меня заставляли жить здесь с тобой. Мне семнадцать, мне нужно личное пространство.

— Нам нужно устроить собрание, — бормочет папа, больше себе, чем мне. Он больше почти не смотрит на меня, переключаясь в режим учителя. Он был таким всю мою жизнь — учитель, администратор, консультант для трудных детей. Иногда я просто хочу, чтобы он стал моим отцом хотя бы на две секунды. — Мы объявим программу для девочек, и...

— Нет! — огрызаюсь я, и папа замолкает, поворачиваясь и глядя на меня так, словно я сошла с ума. *И теперь я вспоминаю, почему я не хотела рассказывать собственному отцу о парне с долбаным ножом. Из-за этой ерунды.* — Это мой выбор, который я должна сделать. Я не собираюсь быть твоим подопытным кроликом, чтобы ты мог хорошо выглядеть перед всеми богатыми засранцами в школьном совете.

— Это для твоей же безопасности, Шарлотта. Если мы дадим знать студентам, что ты здесь, тогда...

— Нет. — Я смотрю ему прямо в лицо, мои очки сползают с носа, вьющиеся волосы падают на глаза. — Я не собираюсь подвергать себя такому пристальному вниманию. Ты мужчина, ты не понимаешь. Быть единственной девушкой во всей академии, полной парней-подростков — это не то, что меня интересует. Кроме того, твоим словам грош цена. — Папины кустистые брови поднимаются, и его лицо начинает приобретать этот забавный пурпурно-красный цвет. — Ты сказал мне, что понятия не имел, что здесь когда-либо была другая студентка. Но Дженика Вудрафф позволила школьному совету использовать её для эксперимента, и посмотри, что произошло: в итоге она повесилась в петле в лесу.

— Откуда у тебя такая информация? — папа огрызается, но я не отступаю. Если я могу противостоять Рейнджеру Вудраффу в его бело-розовом фартуке, то уж точно смогу противостоять Арчи. — Это конфиденциальная информация, и она была опечатана судом.

— Ну, я все об этом знаю. Я знаю, что Дженика не совершала самоубийства, что она была убита...

— Это чепуха, — огрызается папа, но я ещё не закончила.

— И я знаю, что она жила в женском общежитии, что переехала всего за два дня до того, как...

— С меня хватит, — говорит Арчи, беря свой телефон. — Я звоню Натану, и тебя проводят обратно в комнату. Если ты хочешь остаться там, прекрасно, но не думай, что я не буду постоянно за тобой присматривать.

— Ты серьёзно собираешься проигнорировать всё, что я только что сказала? — я усмехаюсь, качая головой. — Я не собираюсь ждать Натана. Ни за что.

— Не смей выходить за эту дверь, юная леди! — папа зовёт меня, но уже слишком поздно. Я уже поворачиваюсь и выбегаю за дверь по дорожке. Останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, на первом повороте тропинки, всё ещё в поле зрения дома, но ещё не в лесу.

— Тебе нужен эскорт? — спрашивает Спенсер, сидя на той же скамейке, на которой я нашла его в тот день, когда уезжала в Калифорнию. Он бесстрастно смотрит на меня бирюзовыми глазами, но я киваю. Почти уверена, что Спенсер обычный придурок, торгующий травкой. Конечно, он продаёт наркотики в лесу, и, может быть, а может и не быть, немного одержим своей новой гейской влюблённостью в меня, но я не думаю, что он тот парень в толстовке с капюшоном и с ножом.

— Спасибо. — Он встаёт, и мы начинаем спускаться с холма к общежитию для парней, мимо главного здания. — Ты же не попытаешься засунуть свой язык мне в глотку, а?

Спенсер усмехается и достаёт сигарету, ведя себя так, словно его совсем не волнует, что его поймут. Может быть, так и есть? Он — сержант по вооружению прославленного Студенческого совета. Ну и я точно знаю, что его мама входит в школьный совет. Она какой-то супербогатый юрист по авторским правам в Вашингтоне или что-то в этом роде.

— Ты чувствуешь это притяжение между нами, не лги. — Он смотрит на меня сверху вниз и морщит нос. Это превращает его красивое волчье лицо в карикатуру. Например, он буквально приходит в ужас при виде меня, стоящей там в мешковатой униформе, в огромных очках, без макияжа и с растрёпанными, спутанными волосами. Ха. Он должен был увидеть меня разодетой. Эта сучка хорошо наводит марафет. — Хоть убей, я не понимаю. Ты самый низкорослый, худощавый, жалкий парень, которого я когда-либо видел. По крайней мере, твой ужасный искусственный загар сходит... — я смотрю на него, разинув рот, и прикасаюсь к щекам. Я усердно трудилась, чтобы получить этот загар... — Твои очки, эти волосы... Но на самом деле, хуже всего проблема с твоим отношением. Ты ходишь вокруг так, словно считаешь себя лучше всех остальных.

У меня отвисает челюсть.

— В академии супербогатых придурков проблема во мне?! Я тот, кто ходит вокруг да около, как будто я лучше всех остальных?!

— Да, вообще-то, так и есть. — Мы со Спенсером останавливаемся у входной двери общежития для парней, пока он докуривает сигарету. Его бирюзовые глаза прикованы ко мне, и я чувствую себя бабочкой, припильенной к месту и извивающейся. — Ты пришёл в эту школу, *желая* не вписываться в неё. Это был твой выбор, чувак.

— Я... — я поджимаю губы и отвожу взгляд. Он полный придурок, но, может быть, он хоть немного прав. *Хотя на самом деле он ничего не понимает.* Я поднимаю взгляд и встречаюсь с его глазами, тёмными от замешательства, когда он оглядывает меня с прищуренным лицом.

— Меня никогда не привлекал никто, похожий на тебя, — повторяет он, убирая свои серебристые волосы со лба. — Обычно мне нравятся... ну, девочки.

Смех срывается с моих губ, но я не знаю, что ещё можно сказать.

— Мне нужно идти, — говорю я ему, отходя и направляясь в здание.

Натан, охранник, как раз бежит трусцой по дорожке, но я поднимаюсь по лестнице и запираюсь в комнате прежде, чем он успевает меня догнать.

В пятницу у меня репетиторство с Черчем, но он не появляется в библиотеке, поэтому я развлекаю себя тем, что роюсь в старых ежегодниках и пытаюсь проникнуться глубокой историей академии. В одном из них я нахожу несколько нацарапанных заметок о секретных туннелях под школой.

Ха.

Не уверена, верю я этой записке или нет. В любом случае, я бы отказалась, даже если бы мне заплатили за то, чтобы отправиться на их поиски. Я ненавижу закрытые, тёмные помещения.

Я ухожу примерно через тридцать минут, мистер Дэйв бросает на меня свирепый взгляд. Вернувшись в общежитие, я устраиваюсь в своей комнате с книгой под названием «Сломанные крылья», свернувшись калачиком на кровати, пока небо за моим окном не заволакивает темнота.

Я всегда стараюсь принимать душ около полуночи, достаточно поздно, чтобы в ванной обычно никого не было, но достаточно рано, чтобы утром я не превращалась в зомби.

На этот раз я уношу обратно всё лишнее мыло и шампуни, которые ukrала раньше. Теперь я чувствую себя полной идиоткой, когда ставлю их обратно на полки и вздыхаю. Я действительно взяла их с собой в Калифорнию, но Моника так и не дала мне возможности предложить их ей. Моё сердце болезненно сжимается, и я вздыхаю, прижимаясь лбом к одной из полок.

Я скучаю по своей лучшей подруге больше, чем по парню. Со мной что-то не так? Нет. Нет, это действительно имеет смысл. Коди просто был рядом, красивый, знакомый, непринуждённый.

Оттолкнувшись от стены, я направляюсь в одну из личных кабинок, снимаю одежду и расстёгиваю ремни, позволяя белой повязке свернуться на полу у моих ног.

Вода в душе горячая, и по ощущениям чертовски приятная, она стекает по моей коже и уносит с собой все тревоги и страхи, когда стекает в канализацию. Отделанная мрамором ванная комната такая роскошная и уютная, и без смеха парней здесь чувствуешь себя уединённо и комфортно.

Я пользуюсь любимым шампунем, сиренево-розмариновым, который мне так нравится, и который, как я также обнаружила, является любимым ароматом Черча. Что касается ароматов, то на полках не так уж много вариантов, но интересно, что мы оба остановились на одном и том же.

Когда выключаю душ, я слышу дребезжащий звук, как будто кто-то пытается проникнуть в мою кабинку. Какого чёрта?

— Эта кабинка занята! — кричу я, оборачивая вокруг себя полотенце и направляясь к телефону. Если я прямо сейчас напишу отцу и скажу, что нервничаю, он прикуёт меня цепью к кровати в комнате для гостей. Так что, хотя я и не собираюсь слишком остро реагировать, я готова.

Кто бы ни был по ту сторону двери, он останавливается, и я вздыхаю с облегчением.

Но мгновение спустя дверь распаивается, когда Черч пинает её ногой, его фальшивая улыбка исчезает, его жестокое, холодное лицо приковано к моему, когда он поднимает ко мне свой телефон.

— Я же *сказал* тебе оставить эту историю с Дженикой в покое, — говорит он, направляясь ко мне, когда я возвращаюсь в душевую, прижимаясь спиной к белой плитке, всё ещё тёплой от воды. — Ты пожалеешь, что не послушал меня, когда у каждого парня в школе будет фотография твоего микропениса.

— Пожалуйста, не надо, — шепчу я, плотнее закутываясь в полотенце. Мне сейчас так страшно, что я, чёрт возьми, дрожу. — Ты не понимаешь, что делаешь.

— Мои угрозы — это обещания, ублюдок. — Черч протягивает руку и хватается за полотенце, отдергивая его с такой силой, что, хотя я пытаюсь удержать его, оно отлетает, проносясь между нами и создавая временный щит.

Когда полотенце падает на пол рядом со мной, а вспышка телефона Черча гаснет, я вижу, как его янтарные глаза расширяются от шока.

Между нами воцаряется тишина, единственный звук — кап-кап-кап из насадки для душа.

— Что за... что...? — Черч отступает так резко и быстро, что, в конце концов, спотыкается о душевую кабинку, приземляясь задницей на мраморный пол, с такими широко раскрытыми глазами, что, кажется, они вот-вот вылезут у него из орбит. — Ты... ты... ты... — сейчас он не похож на психопата, скорее на растерянного подростка.

Медленно я наклоняюсь и беру полотенце, плотно поджимая губы, и осторожно оборачиваю его вокруг тела, пока парень сидит на полу и таращится на меня.

— Пожалуйста, удали это фото, — шепчу я, но мой голос твёрд и свиреп.

Однако он не двигается, просто сидит и таращится на меня, пока я наклоняюсь, беру у него из рук телефон и удаляю фотографию, прежде чем вернуть его.

— А теперь убирайся.

— Ты... ты...

Дверь открывается, и близнецы врываются внутрь, тяжело дыша, когда протискиваются в маленькую комнату, переводя взгляд с меня на Черча.

— Чёрт возьми, Черч, — говорят они в унисон, когда Тобиас подходит, чтобы снять с крючка мой халат.

— Ты такой идиот, — говорит ему Мика, когда Тобиас предлагает халат, и я надеваю его, завязывая пояс на талии. — Я же *сказал* тебе: Шарлотта ни в чём не виновата. Мы рассказали ей о Дженике.

— Шарлотта... — шепчет Черч, протягивая руку, чтобы убрать прядь своих светлых волос с лица. — Шарлотта.

— Да, Шарлотта, — говорю я, вызываясь вздёргивая подбородок. — Теперь ты счастлив? Ты был прав: у меня *действительно* микропенис. Это называется клитор, и в нём в десять раз больше нервных окончаний, чем в твоём крошечном члене. А теперь *убирайся*.

Близнецы хватают своего президента под мышки и выволакивают из кабинки, пинком закрывая за собой дверь, чтобы я могла одеться. Ситуация и так достаточно неловкая, поэтому я надеваю униформу вместо пижамы, прежде чем выйти и встретиться лицом к лицу с белокурым придурком перед рядом пустых раковин на пьедесталах.

— Ты девушка, — снова произносит Черч, скрестив руки на груди. Он прищуривается на меня. — Как? Почему? Что ты вообще здесь делаешь?

— Если ты не заметил, тупица, мой папа — директор школы, — плюю я ему в ответ. — И школьный совет теперь хочет, чтобы в школе был смешанный коллектив. Они хотели использовать меня в качестве экспериментальной ученицы, и я сказала «нет». Тебе

достаточно объяснения? Попробуй быть девчонкой-подростком в школе, полной супербогатых придурков. Как ты думаешь, насколько хорошо это пройдет? — я перевожу взгляд с близнецов на их сверкающие зелёные глаза, прежде чем снова посмотреть на Черча. — Особенно после того, что случилось с Дженикой.

Черч хмурится и стонет, подпирая голову рукой, локоть одной руки покоится на ладони другой.

— Господи Иисусе. Кто ещё знает?

— Только мы, — хором отвечает близнецы, засовывая противоположные руки в карманы, так что они становятся зеркальным отражением друг друга. — Ну, и кто бы это ни был, тот кто оставлял ей записки.

— Записки? — спрашивает Черч, поднимая лицо, чтобы посмотреть на меня. Он выглядит... встревоженным. — Какого рода записки?

— Шарлотта, — растягивая слова, произносят близнецы, протягивая ко мне руки, и я вздыхаю.

— Я отдала их отцу. Они были оставлены на пробковой доске, адресованные Еве от Адама. Кто-то ещё знает. — Черч просто смотрит на меня, а потом ругается себе под нос.

— Что ещё там было сказано? — спрашивает он, и я думаю, мы не собираемся говорить о том факте, что он видел меня голой. Хорошо. Потому что я не хочу говорить об этом. Никогда.

— Эм, убирайся? Мы не хотим, чтобы ты была здесь? В основном... — я замолкаю и скрещиваю руки на груди. Глаза Черча следят за моим движением, и, клянусь, мне кажется, что он смотрит на изгиб моей груди. Я вдруг очень сильно скучаю по своим повязкам. — Вероятно, это тот же самый парень, который гнался за мной с ножом.

Черч бросает взгляд на Мику, а затем на Тобиаса. Совершенно очевидно, что здесь они делятся какими-то молчаливыми секретами.

— Нам следует прислать сюда какую-нибудь частную охрану, — говорит он, и мои брови поднимаются вверх. Эм, что? Он хочет нанять частную охрану... для меня?

— Уже пробовали, — хором говорят близнецы, и Тобиас вздыхает.

— Мы попросили нашего папу прислать нескольких, но школьный совет отклонил нашу просьбу. Они думают, что всё это было розыгрышем, и что старый толстый Натан достаточно хороший охранник. Кроме того, никто, кроме нас, не верит, что Дженику убили.

Черч издаёт насмешливый звук и оглядывается на меня.

— Я тоже поговорю со своими родителями, — произносит он, внимательно наблюдая за мной. — Но Рейнджер *ничего* не узнает об этом. Это понятно?

— Да, да, господин президент, — хором говорят близнецы, а затем все оборачиваются, чтобы посмотреть на меня.

— Что? Я не подчиняюсь твоим приказам, — бормочу я, и Черч усмехается.

— Ради всего святого, Карсон. Ты такая же глупая девочка, как и мальчик. Поверь мне, когда я говорю, что ты не хочешь, чтобы твой секрет стал достоянием общественности. Здесь есть «старые деньги», и им не понравится идея о женщине в их мужском клубе.

— Ни хрена себе, — бормочу я, напрягаясь, когда он подходит и встаёт рядом со мной, глядя вниз; его лицо словно холодная и безразличная маска. — Ты же не думаешь, что я настолько глупа, чтобы выдать свой собственный секрет? Мне не нужно, чтобы ты приказывал мне оберегать себя.

Черч протягивает руку и пытается дотронуться до моей щеки, но я отталкиваю его руку.

— Такая же дерзкая, как всегда, — бормочет он, качая головой и оглядываясь на близнецов. — Один из нас должен всё время оставаться с ней.

— Мне не нужно, чтобы вы, ребята, ходили за мной повсюду, — стону я, но опять же, я едва убежала от сумасшедшего с ножом. — Ты итак держал меня на достаточно коротком поводке, со всеми твоими задержаниями и дерьмом из Кулинарного клуба. Почему бы тебе просто не вывалить на меня ещё одну банку с пауками?

Черч просто смотрит на меня своим невероятно красивым лицом, а затем качает головой, прикладывая два пальца к виску.

— У меня болит голова. Мне нужна чашка кофе.

— Ты зависим от кофеина, — бормочу я, но он просто отмахивается от меня, загибая один из двух своих пальцев. — Где ты собрался выпить кофе в двенадцать тридцать ночи?

Черч поднимает на меня взгляд и ухмыляется.

— О, у меня свои способы.

В итоге мы оказываемся в «Щелкунчике», который, как оказалось, открыт, и занимаем место в углу, когда женщина в бирюзовой униформе и белом фартуке подходит принять наш заказ.

— Черч, тебе не следует так поздно бодрствовать, — отчитывает она, ставя кружку кофе перед Черчем и кладя передо мной меню. Больше никто такого не получает, так что я предполагаю, что она довольно хорошо знает парней. — А кто эта великолепная девушка рядом с тобой? — она подмигивает мне, и я разеваю рот. Прежде чем мы ушли, я снова надела бинты. На мне так же униформа и очки. — Меня не проведёшь, милашка, — говорит она, и я краснею.

— Она наша девушка, Шарлотта, — говорят близнецы, ухмыляясь, когда я пинаю их обоих под столом. Официантка кивает, как будто совсем не удивлена, что они встречаются с одной и той же девушкой, а затем гладит Черча по голове.

Никогда не думала, что увижу, как кого-то вроде Черча Монтегю, наследника одной из богатейших частных корпораций в мире, поглядят по головке, но это на мгновение делает его человеком, и я ценю это.

— Ну, я не могу сказать, что мне нравится, что вы все не спите так поздно ночью, но если вы здесь, то могли бы ещё и поесть. — Она улыбается и кивает мне подбородком, её тёмные кудри рассыпаются пеной вокруг лица. На её бейджике написано «*Меринда*», что, должно быть, означает, что это та самая девушка, о которой мне рассказывали близнецы. Я только хотела бы, чтобы она действительно владела этим рестораном, а не семья Монтегю. — Приятно познакомиться с тобой, Шарлотта. Крикни, когда будешь готова.

— Вы, ребята, часто сюда приходите? — спрашиваю я, и Черч пожимает плечами.

— У нас здесь каждую вторую пятницу проходят заседания Студенческого совета. — Он поднимает кружку, чтобы отхлебнуть чёрной жидкости, и стонет так, словно испытывает оргазм. Этот парень серьёзно зависим. Я вижу, как он всё время таскает с собой термосы с кофе, бутылки мокко со льдом и ещё много чего, чёрт возьми.

Я смотрю на меню и решаю, что раз уж я здесь, то могу с таким же успехом заказать омлет и полить его кетчупом. В прошлый раз, когда я делала это в кафетерии академии, на меня недобро посмотрели, по крайней мере, три разных случайных парня. Слишком плохо. Я слишком сильно люблю это, чтобы остановиться.

— Почему ты не хочешь, чтобы Рейнджер знал обо мне? — спрашиваю я, думая о его голой заднице на кухне. И какая это прекрасная, великолепная задница. Фу. Мне нужно

перестать грезить наяву о таких придурках, как Спенсер и Рейнджер. Одна мысль о том, что они узнают, наполняет меня тревогой. Я не могу точно сказать, почему именно сейчас, но это так.

— Потому что он потеряет всё самообладание, — ухмыляется Мика, откидываясь на спинку сиденья, в то время как Тобиас переводит взгляд с нас двоих на него, заставляя себя натянуто улыбнуться.

— Он станет... чрезмерно заботливым, — объясняет он, и я приподнимаю бровь.

— Он ненавидит меня, — говорю я, и близнецы обмениваются загадочными взглядами, прежде чем перевести их на меня. — Что? Не думайте, что я не видела этого взгляда. — Я указываю на них двоих, когда Черч переводит взгляд своих янтарных глаз на меня, осторожно подтягивая напиток двумя руками с длинными пальцами.

— Да, но, если он узнает, что ты девушка, он просто превратит тебя в Дженику и сойдёт с ума. Поверь нам, мы знаем. — Тобиас вздыхает и открывает моё меню. — А теперь выбери что-нибудь из еды, чтобы мы могли сделать заказ.

— Я знаю, чего хочу, — заявляю я, вздёргивая подбородок. — Яичница-болтунья с кетчупом, — все трое парней съёживаются и стонут, а Черч даже расплёскивает немного драгоценного кофе на стол, — плюс апельсиновый сок и несколько французских тостов с острым соусом.

— Ты странная личность, Шарлотта Карсон, — бормочет он, и на его губах появляется едва заметная улыбка. Он похож на картину, этот парень. — Меринда, мы готовы сделать заказ, — говорит он, даже не повышая голоса, но она слышит его с другого конца закуской. Вот как легко он привлекает внимание.

Это немного... пугает?

Меринда возвращается, и мы заказываем еду. Мой сок подаётся сразу же, с многоцветной соломинкой, которую я хватаю губами и болтаю без умолку.

— Если вы все верите, что Дженику убили, — бормочу я, потягивая сладкое лакомство, — тогда кто, по-вашему, её убил?

Все парни обмениваются взглядами, прежде чем опустить взгляд на меня.

— У нас есть свои теории, — отвечает Черч, внимательно наблюдая за мной, — но реальных ответов нет. — Он вздыхает и ставит кофе на стол. — Просто... никому не доверяй.

— Даже тебе? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

Медленно, очень медленно Черч поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и все эмоции сходят с его лица, превращая его в красивую, но пугающую статую.

— Особенно мне, — говорит он, и я вздрагиваю, возвращаясь к своему апельсиновому соку.

Не уверена, было ли это... пугающим или сексуальным.

Совершенно определённо не должно было быть и того, и другого.

Должно быть, со мной что-то неправильно.

Это ещё более неправильно, чем просто намазать яйца кетчупом.

Может быть, не так неправильно, как нераскрытое убийство...

Кулинарный клуб вызвался — против моей воли — организовать ежегодную вечеринку по случаю Дня святого Валентина, которая проводится в соседнем летнем лагере. Группа коттеджей расположена в самом центре между нашей школой и Академией Эверли для девочек, ещё одной престижной школой, находящейся примерно в десяти часах езды от Натмега в городке под названием Нортпойнт, штат Мэн.

На кухонных столах громоздятся слоёные пирожные, печенье, кексы, тщательно завернутая карамель и трюфели в причудливых коробочках. Я рассматриваю их, протягиваю руку и провожу ею по вспотевшему лбу, размазывая повсюду муку. Мои очки уже заляпаны ей.

Последние несколько недель были на удивление тихими: больше никаких записок, никаких фигур в тени, никаких парней с оружием, преследующих меня в темноте.

— Эта вечеринка похожа на ад, — бормочу я, покрывая верхушку ванильно-лавандового кекса нежной вересково-фиолетовой глазурью, из-за которой Рейнджер чуть не убил меня. Я добавила в неё слишком много капель его органического, полностью натурального пищевого красителя, и она стала фиолетовой, как телепузик. Он выглядел так, словно планировал свернуть мне шею. Однако немного дополнительной белой глазури придало ей приятный вид.

— Ад тусоваться с кучей сексуальных девчонок в коротких юбках? Ты уверен, что ты би? Потому что прозвучало довольно по-гейски. — Рейнджер достаёт из духовки ещё один противень с кексами, когда Росс бросает на него неодобрительный взгляд. Обычно он жеманничает с парнями и преклоняется перед ними. — Что? — спрашивает Рейнджер, глядя на него в ответ. — Я не говорил, что это плохо, просто это было супер по-гейски. Какой чистокровный жеребец *не захочет* потусоваться с кучей изголодавшихся по сексу девчонок?

— Изголодавшихся по сексу, умоляю, — усмехаюсь я, чувствуя этот странный маленький узел в животе, который я не могу объяснить. На вкус это похоже на ревность. Которая, по-видимому, на вкус напоминает смородину и апельсиновую цедру, потому что именно это я ощущаю на кончике языка. Может, всё-таки это был кекс, который я стащила в углу? — Как будто они набрасываются на вас, парни? Для меня это звучит как куча бреда.

— На этой вечеринке происходит так много перепихонов, — произносит Спенсер, прислонившись к стене с расстёгнутой рубашкой и свободно свисающим галстуком. Он тоже весь в шоколаде, отпечатки больших пальцев точно показывают, где он потянулся, чтобы бессознательно поправить галстук.

Он подходит к двери, выглядывает наружу, а затем закрывает её на замок, чтобы они с Рейнджером могли тайком выкурить сигареты в окно.

— Это практически вакханалия, — говорит Черч, усаживаясь у ряда идеальных мокко-шоколадных кексов с кофейными зёрнами, покрытыми шоколадом, сверху. Он также потягивает мокко с белым шоколадом, которое приготовил ему Рейнджер. — Захвати дополнительные презервативы для своего микропениса, Карсон.

— А они вообще делают их очень-очень маленькими? — спрашивают близнецы, обмениваясь взглядами и хихикая. Я игнорирую их и использую маленькие щипчики, которые дал мне Рейнджер, чтобы нанести помадку и сахарный цветок с блестками на верхушку моего кекса.

— Уморительно. — Я закатываю глаза, когда Рейнджер подходит и встаёт рядом со мной, жар его тела заполняет пространство между нами и заставляет меня нервничать. Я только что без проблем наклеила больше дюжины маленьких цветочков на кексы, и теперь у меня трясутся руки. В конце концов, я ломаю один из лепестков.

— Боже милостивый, Карсон, — фыркает Рейнджер, подходя ко мне сзади и протягивая руку, чтобы направить меня. Он обхватывает пальцами моё запястье, и меня пронзает волна энергии. Мои губы приоткрываются, когда он моими пальцами берёт крошечную кисточку, обмакивает её в прозрачную глазурь и делает клей, чтобы закрепить лепесток. — Беспомощный придурок.

Он отпускает меня, и я стараюсь не вдыхать его запах, этот запах ванили и кожи, от которого мне хочется поёрзать на стуле. Всё моё тело становится горячим, когда он подходит на расстояние запаха. Я что, полная чудачка? Ага. Да, определённо чудачка.

— Я, возможно, даже не пойду на вечеринку, — произношу я, и все шестеро парней в комнате поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Росс упирает руку в бедро и ухмыляется.

— Поверь мне, девочка, — говорит он, и я испытываю небольшой шок, прежде чем вспоминаю, что он называет буквально всех *девочками*, — там много сплетен и веселья, которые понравятся даже такому единорогу, как я.

— Единорогу? — спрашиваю я, и он ухмыляется мне.

— Редкий и красивый маленький мальчик-гей, — говорит он, слегка покачиваясь, что заставляет меня рассмеяться. Фу. Я не хочу смеяться. Я хочу возненавидеть этого маленького засранца. Он был таким придурком по отношению ко мне. С другой стороны, всё это было делом рук его наставников из Студенческого совета, так что, может быть, мне следует простить его?

— Росс только что завёл онлайн-отношения с каким-то парнем из Калифорнии. Он на седьмом небе от счастья, какает радугами и всем таким дерьмом, — произносит Спенсер, подходя и становясь рядом со мной. Росс бросает на него взгляд и вздыхает.

— Не пытайся быть геем, Спенсер, тебе это не идёт.

— Я не гей, — рычит Спенсер, впиваясь в Росса своими красивыми глазами, похожими на драгоценные камни. — Я долбаный би.

— Ты когда-нибудь прикасался к чужому пенису, кроме своего собственного? — спрашивает Росс, и Спенсер морщит нос.

— Нет, но я бы с удовольствием. И я бы тоже был чертовски хорош в этом. — Он ухмыляется, и Росс закатывает свои карие глаза.

— Мать Мария, помоги мне. Ты не бисексуал. Ты просто сбитый с толку натурал.

Спенсер смотрит на меня сверху вниз, и я оглядываюсь в ответ, встречаясь с ним взглядом. Он прищуривает их на мне, и я смущённо улыбаюсь.

— Наверное, он прав, — говорю я ему, протягивая руку, чтобы поправить очки на переносице. — Ты должен просто оставить меня в покое и найти на вечеринке милую девушку.

— У меня было много *милых девушек*, — отвечает он таким тоном, что я ощетиливаюсь, как дикобраз. — Не говоря уже о непослушных крошках. Я хочу попробовать... — он делает паузу и на секунду давится своими словами. — Вместо этого встречаться с мальчиками-интровертами-ботаниками.

— Из любви к кексам, — бормочет Росс, когда Рейнджер берёт один и бросает его через

прилавок, ударяя клубнично-лимонной глазурью прямо в лицо Спенсера.

Он хватает его, когда тот падает, и откусывает огромный кусок, протягивая его Рейнджеру, как оружие.

— Братан, продолжай швыряться в меня пирожными, и я не буду продавать тебе травку до конца года.

— Ты бы не посмел, — рычит Рейнджер ему в ответ, и я счастлива видеть, что я не единственная, на кого он смотрит так, словно собирается убить. — Принеси на вечеринку несколько косяков, и мы снова накуримся у озера.

— В прошлом году ты был под таким кайфом, что у тебя даже не смог подняться ради той симпатичной блондинки, — ухмыляется Спенсер, упирая руку в бедро и откусывая ещё кусочек от кекса. — Поговорим о позоре. После того, как ты заблокировал их всех в социальных сетях, девушки месяцами присылали мне мемы с вялым членом.

Рейнджер игнорирует его, суется над какими-то причудливыми слоёными изделиями с кремом, в то время как Черч встаёт и подходит, чтобы присоединиться к остальным возле острова. Близнецы ссорятся из-за последнего печенья M&M; они уже съели всё остальное.

— Ты должен повеселиться с нами, — говорит мне Черч, его взгляд такой напряжённый, что я чувствую, что должна бежать и никогда не оглядываться назад. — Знаешь, просто на случай, если твой поклонник, владеющий ножом, присоединится к нам.

Рейнджер, Спенсер и Росс смеются, но близнецы и Черч смотрят на меня так, словно не примут «нет» за ответ. Мне хочется сказать «нет», просто чтобы позлить его, но я также вроде как не хочу умирать, так что просто смирюсь.

— Да, конечно. До тех пор, пока ты снова не вывалишь на меня пауков, — повторяю я, и Черч ухмыляется.

— Ничего не обещаю, — говорит он, но мне не стоило беспокоиться о нём.

Гораздо худшее ждало меня на вечеринке в честь Дня святого Валентина.

Адамсон обеспечивает нам транспортировку на вечеринку, это парк блестящих лимузинов, от которого у меня отвисает челюсть, когда я приближаюсь к ожидающей толпе в безопасном пузыре Студенческого совета. Проходя мимо студентов, я задаюсь вопросом, не является ли кто-нибудь из них виновником. С другой стороны, если близнецы и Черч правы, и нападавший на меня имеет какое-то отношение к давнему убийству Дженики, то это, скорее всего, не студент, учитывая, что все они были детьми, когда она умерла.

— Это безумие, — шепчу я, и несколько парней поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Я одета в джинсы и огромную мешковатую чёрную толстовку с капюшоном, которая совершенно не подходит к моему бледному цвету лица. Я выгляжу как привидение. С огромными очками, растрёпанными волосами и уродливыми кроссовками, я уверена, что создаю не самую красивую картинку.

— Господи, — бормочет Спенсер, и Рейнджер смотрит на него так, словно он сумасшедший.

— У тебя только что встал, чувак? Из-за него? — Рейнджер указывает на меня, и мои щёки краснеют, но Спенсер отказывается отвечать ему, отворачиваясь и пробираясь сквозь толпу. Они расступаются, как Красное море, и близнецы хватают меня за руки с обеих сторон, таща за собой.

Другие студенты даже не жалуются, когда Совет берёт первую попавшуюся машину.

— Вау, королевское обращение, — бормочу я, когда мы устраиваемся для долгой поездки. Пять часов в салоне, всего с двумя запланированными перерывами. Гостям

предоставляются закуски и даже подушки и одеяла. Мы выезжаем рано днём, так что доберёмся туда около пяти вечера. Остановимся в домиках и утром отправимся обратно в Адамсон. — Это так старомодно. Напоминает мне оригинальную «Ловушку для родителей», когда мальчики приезжают в лагерь для девочек на вечеринку, как в каком-нибудь отстойнике 1960-х или что-то в этом роде.

— «Ловушка для родителей»? — Рейнджер усмехается, бросает на меня взгляд и ставит свой гигантский чёрный армейский ботинок на полку напротив нас. — Ты смотришь это дерьмо? Неудивительно, что ты такой странный.

— Я странный, это ты тот, кто печёт гольшом на кухне академии?! — я немного съёживаюсь, когда понимаю, что только что рассказала его секрет всей машине. Но Рейнджеру, похоже, всё равно, когда близнецы хихикают. Никто не выглядит удивлённым.

— Это время моей медитации, окей? Одежда ограничивает мою художественную целостность. — Он ухмыляется мне, постукивая ботинком по дальней стенке салона, его чёрная футболка задрана достаточно высоко, чтобы я могла разглядеть его татуировки. Рейнджер протягивает руку и вытаскивает затычки из ушей, наблюдая за мной прищуренными сапфировыми глазами. — Я же не врываюсь в твоё личное пространство и не насмехаюсь над тобой, пока ты дрочишь свой микропенис.

— У меня нет микропениса, — выдавливаю я из себя, хотя недавно сказала Черчу, что он у меня есть. Потому что, я имею в виду, у меня есть клитор. Тем не менее, это задевает меня за живое, и Рейнджер это видит. Ему нравится мучить меня. — И вообще, пошёл ты.

Я показываю ему средний палец, но он только смеётся, и я настраиваюсь на долгий путь, на целых пять часов, когда меня дразнят и тыкают пальцем. Всего через десять минут один из близнецов — я не вижу, кто именно — бросает мне за шиворот кубик льда, и я начинаю выть и молотить руками, пытаясь вытащить его из одежды.

Придурки.

В конце концов, я засыпаю, пропуская первый перерыв в туалет. Когда я всё-таки просыпаюсь, мне кажется, что я сейчас описаюсь, я смотрю в окно и снова и снова считаю до ста, чтобы сохранить хладнокровие. Когда мы всё-таки останавливаемся, я выскакиваю и бегу в уборную.

— Это женский туалет, придурок, — говорит Спенсер, хватая меня за руку в последнюю минуту и увлекая на мужскую сторону. Мои щёки горят ещё *до того*, как мы входим, и я вижу весь Студенческий совет с членами в руках, писающих в писсуары.

О, нет. О, боже, нет.

В Адамсоне тоже есть писсуары, но есть и множество частных кабинок. Я просто запираюсь в ванной комнате для инвалидов, у которой есть дверь и замок, и всё получается просто отлично.

Прямо сейчас я в панике.

Моим глазам предстаёт гораздо больше пенисов, чем я когда-либо хотела увидеть, и я вырываю руку из хватки Спенсер, мчусь к единственной кабинке в комнате и запираюсь там.

— Ух ты, Карсон, к чему такая спешка? — Спенсер кричит, но мне всё равно. Я действительно не хочу видеть, как парни писают, и мне действительно, в самом деле нужно сходить самой. Надеюсь, они просто подумают, что я, знаете ли, сижу на корточках по другим причинам.

Я вздыхаю с облегчением, заканчиваю и направляюсь к выходу, чтобы обнаружить Рейнджера, смотрящего на меня со странным, настороженным выражением лица. Я делаю

паузу, и мы оба просто стоим в тишине, глядя друг на друга. Близнецы переводят взгляд с нас на Черча, который сильно хмурится.

— Ты только что... — начинает Рейнджер, но его лучший друг уже хватается за руку и тянет к двери.

— Давай не будем торчать в вонючем туалете для отдыха дольше, чем это необходимо. — Он ведёт Рейнджера к двери, но темноволосый придурок поворачивает голову и смотрит на меня, пока дверь за ним не закрывается. Спенсер давно ушёл, так что теперь остались только я и близнецы.

— Это было близко, — молвлю я, облегчённо выдыхая и прикладывая руку к груди. Братья обмениваются взглядами, а затем снова поворачиваются ко мне.

— Он раскусил тебя, — говорят они, указывая на меня.

— Это не так. — Я встаю и вальсирую к раковине, чтобы вымыть руки. Близнецы следуют за мной, прикрывая меня с обеих сторон.

— Да, это так, — говорит мне Тобиас, моргая своими большими зелёными глазами. — Будь осторожна, Шарлотта. Как только он заикливается на чём-то, он становится похож на долбаного аллигатора. Он будет грызть и держаться изо всех сил.

— Я его не боюсь, — отвечаю я, и Мика вздыхает, ведя нас обратно к лимузину.

Оставшуюся часть поездки Рейнджер просто смотрит на меня, слегка нахмутив брови, как будто он чем-то озадачен.

— Чак, — наконец произносит он, пробуя это слово на вкус. — Это что, сокращение от чего-то, Карсон? — я смотрю прямо на него в ответ, напряжение в лимузине растёт с каждой проеденной милей.

— Это сокращение от Чарли, — отвечаю я, и он приподнимает идеально изогнутую чёрную бровь, глядя на меня.

— Ага. Понятно. — Снова тишина. — Ты единственный сын своего отца?

— Его единственный ребёнок, — соглашаюсь я с улыбкой, мои очки сползают с лица. Я позволяю им висеть там и кутаюсь в толстовку, желая, чтобы Рейнджер смотрел куда угодно, только не на меня. Близнецы и Черч продолжают пытаться отвлечь его, но он заиклен.

Росс и Спенсер совсем не обращают внимания.

К тому времени, как мы добираемся до домиков — этого живописного места посреди леса, называемого Сумеречным ночным лагерем — я выскакиваю за эту чёртову дверь, подальше от Рейнджера и его нервирующего взгляда.

Близнецы догоняют меня, и всю нашу группу пропускают в здание первыми, чтобы проверить, что там с едой. Всё было доставлено и красиво расставлено, декорации в комнате словно из сказки. На этих гигантских деревянных подставках стоят большие букеты роз, перевязанные огромными бантами из широких сверкающих лент. Над головой — огромные балки из грубого дерева, задрапированные живыми гирляндами, с потолка свисают пышные цветы.

— О, — бормочу я, останавливаясь и поднимая взгляд на гигантскую люстру, освещённую настоящими свечами и придающую комнате мягкое сияние. Им помогает в этом высокий камин на стене рядом со столиками с едой и напитками. Он такой высокий, что я могла бы стоять внутри него, если бы не ревущее пламя. — Здесь так красиво.

— Правда? — спрашивает Рейнджер, и я подпрыгиваю. Близнецы переглядываются, а затем обходят меня с обеих сторон, оттаскивая подальше от мудака-вице-президента Студенческого совета.

— Я же говорил, что он тебя раскусил, — шепчет Тобиас, когда они отводят меня в сторону, позволяя толпе просачиваться через парадную дверь. Рейнджер, похоже, полон решимости последовать за нами. То есть до тех пор, пока не открывается задняя дверь и не начинают просачиваться девушки.

И не *просто* девушки, а как целое стадо супермоделей.

У меня отвисает челюсть, а глаза расширяются.

Святое. Дерьмо.

Мой отец стоит возле задней двери, болтая с пожилой женщиной, которая, как я предполагаю, может быть директрисой Академии Эверли. Он не замечает меня здесь, стоящую в тени, одетую в огромную мешковатую толстовку с капюшоном, джинсы и кроссовки. А кто бы это заметил? Я внезапно чувствую себя ущербной и немного нервничаю. Мой взгляд мечется между двумя близнецами, возвышающимися надо мной, почти как стражи. Мне это нравится. Но я также не питаю никаких иллюзий, что они — или любой другой член Студенческого совета Адамсона — будут проводить со мной много времени, когда все эти великолепные девушки будут хлопать ресницами, глядя на них.

— Привет. — Чей-то голос привлекает моё внимание, и я оказываюсь лицом к лицу с соблазнительной рыжеволосой девушкой, её карие глаза прикованы ко мне. — Я Астер. Я не помню, чтобы видела тебя здесь в прошлом году...? — она замолкает и лукаво улыбается мне, протягивая руку, чтобы поиграть с прядью вьющихся волос у меня на лбу.

— Я только в этом году начал учиться в Адамсоне. Я учусь на третьем курсе, младшекурсник, называй это как хочешь. — Я улыбаюсь, и её щеки заливаются румянцем. Оба близнеца ухмыляются и обмениваются взглядами поверх моей головы.

— Чак холост, — говорят они оба, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Астер. — Только что расстался с девушкой.

— О, правда? — Астер щебечет, заметно оживляясь. О-о-о. О нет. Нет, нет, нет.

— На самом деле я не ищу... — начинаю я, но она всё равно протягивает руку и хватается за руку, увлекая за собой на танцпол. Она много хихикает, затаскивая нас в толпу, которая только что образовалась между камином и зоной отдыха. Музыка громко гремит из динамиков, и Астер начинает кружиться вокруг меня.

— Я люблю занудных парней, — говорит она мне, улыбаясь, кладёт руки мне на плечи и переплетает пальцы у меня на шее. Я решаю просто смириться с этим — что в этом плохого? — и, кроме того, может быть, это отвлечёт Рейнджера от меня.

После пары танцев Черч манит меня от задней двери скрюченным пальцем, и я следую за ним по дорожке, мимо лодочного сарая, к причалу, который тянется в неподвижную чёрноту небольшого озера. Близнецы уже там, вместе с Рейнджером и Спенсером.

Там ещё есть несколько девушек.

Мой рот сжимается в тонкую линию, когда мы направляемся туда, где они сидят, и присоединяемся к ним на расстеленных одеялах. По кругу ходит бутылка алкоголя, а также косяк.

Я сажусь между близнецами и замечаю, что все три девочки, сидящие напротив меня, пристально смотрят на меня.

— Ты ходишь в Эверли? — спрашивает одна из них, склонив голову набок. — Я никогда не видела тебя раньше.

Теперь Рейнджер действительно смотрит на меня, и я чувствую, что у меня перехватывает дыхание. Чтобы отвлечь его, я наклоняюсь вперёд, проползаю между его

вытянутых ног и выхватываю бутылку виски из его руки. Он пристально смотрит на меня, усиленно моргая, а затем наблюдает, как я откидываюсь назад и отхлёбываю немного алкоголя. Он обжигает, и я почти задыхаюсь.

— Он ходит с нами в школу, — отвечает Спенсер, глубоко затягиваясь косяком, кончик которого светится довольно ярким оранжевым цветом. — Конечно, он женоподобен и уродлив, но ты не должна заходить так далеко.

Девушки обмениваются взглядами, а затем эта высокая блондинка откидывает назад свои медовые волосы и бросает на него холодный взгляд.

— Значит, сказать, что твой друг-парень выглядит как девушка, — это оскорбление? Как насчёт того, чтобы ты катился ко всем чертям, Спенсер Харгроув? — она шмыгает носом и поворачивается ко мне, одаривая улыбкой. — Кстати, я Селена. — Она протягивает мне руку, но я знаю, что она не предлагает пожать её — она хочет виски. Я передаю его ей, и она улыбается, прежде чем сделать большой глоток. Девушка с волосами цвета электрик справа от неё наклоняется к Рейнджеру, прижимаясь грудью к его руке.

Внутри меня возникает странное чувство дискомфорта, которое я не могу определить, как будто я пытаюсь уцепиться за все эти веревки, но они продолжают выскользывать у меня из рук.

«*Это потому, что ты не хочешь, чтобы кто-нибудь из парней из Студенческого совета трахался сегодня вечером, да?*» Как только я идентифицирую эмоцию, мне становится не по себе.

Но ведь так оно и есть, да? Я имею в виду, правда, у меня паранойя что парни, найдут девушек, чтобы... сделать с ними что угодно сегодня вечером. И мне даже не *нравится* ни один из них. Что, чёрт возьми, со мной не так?

— Я Чак, — наконец говорю я ей, после того как она возвращает мне виски. Я отпиваю ещё немного, а затем передаю её Тобиасу.

— Эй передавай пых-пых, ты, пятно от дерьма, — говорит Спенсер Рейнджеру, когда тот слишком долго затягивается косяком. Они свирепо смотрят друг на друга, но, в конце концов, травка попадает ко мне, и я делаю огромную затяжку, драматично кашляя и задаваясь вопросом, не сошла ли я, чёрт возьми, с ума.

Если мой отец застанет нас здесь, мне крышка. То есть смертельно облажаюсь. Он вполне может вырыть мне могилу и похоронить в ней.

— Ты милашка, Чак, — произносит девушка посередине, откидываясь назад, её длинные тёмные волосы опускаются в озерную воду. Она, кажется, не обращает на это внимания и тычет в мою ногу своей. — Мне нравятся женственные мальчики.

Рейнджер издаёт странный звук себе под нос, но я притворяюсь, что не замечаю.

— Мы уже третий год продолжаем эту традицию, — говорит Черч, мило улыбаясь. Он даже щурит глаза, но я вижу его насквозь. Держу пари, он мог бы стать ниндзя и свернуть кому-нибудь шею прежде, чем кто-нибудь даже заметит. — Сидим здесь, на берегу озера, курим травку...

— И каждый год мы приглашаем одного нового человека присоединиться к нам, — говорит Рейнджер, ухмыляясь и глядя на меня. — Наш новый любимый человек, Чак Карсон.

— Может быть, на этот раз нам стоит отказаться от этой традиции? — вставляет Тобиас, небрежно пожимая плечами, но Рейнджер сейчас сосредоточен на мне.

— Да ладно тебе, Чак — крутой парень. Он справится с этим.

— Справлюсь с чем? — спрашиваю я, но тут Рейнджер и Спенсер оба ухмыляются и

прыгают на меня.

— Эй, да пошли вы, ребята, — рычит Мика, но Черч хватает его и удерживает на месте. Не успеваю я опомниться, как меня сталкивают с причала в ледяную воду.

Крик, который пытается вырваться из меня, заглушается, когда я на мгновение погружаюсь, ударяюсь ногами о дно и выныриваю на поверхность, задыхаясь и ругаясь.

— Вы ублюдки! — кричу я, подплывая к берегу и вылезая в своей промокшей одежде. Спенсер, Рейнджер и обе девушки — синеволосая и черноволосая — воют от дикого смеха, в то время как Тобиас насмеяется над ними, а Мика наблюдает за мной с напряжённым выражением лица. Черча, как обычно, невозможно прочитать, но Селена выглядит так, словно ей меня жаль.

— Вы, ребята, придурки, — огрызается она, вставая и хватая одно из одеял с причала. Она набрасывает его мне на плечи, а мои зубы стучат как сумасшедшие. — Пойдём. Мы найдём тебе какую-нибудь сухую одежду.

— У нас есть немного в сумке! — кричит Спенсер, указывая на спортивную сумку, на которую он опирался и которую я раньше не заметила. — Вернись сюда, Чак. Мы все прошли через это испытание. В этом нет ничего особенного.

Но Селена отталкивает меня и ведёт вверх по небольшому склону к ярко светящимся окнам хижины. Она впускает меня, и я краснею, когда вижу нескольких девушек в лифчиках и трусиках, делающих макияж и переодевающихся в платья.

— Меня не должно здесь быть, — говорю я, но тут Селена бросает на меня взгляд.

— Я знаю, кто ты такая. Стоило мне только взглянуть на тебя, и я поняла, что ты не мальчик. — Она протягивает руку, чтобы обхватить ладонями моё лицо, карие глаза сверкают. — Ты слишком хорошенькая. И, кроме того, моя мать входит в совет директоров Адамсона. Мой брат учится там, и она сказала мне, что они пытаются интегрировать кампус. Она сказала, что Шарлотта, дочь директора Карсона, должна была стать первой.

— За исключением Дженики, — молвлю я, и лицо Селены бледнеет. Она резко отворачивается и подходит к чемодану, роется внутри и достаёт стопку одежды. Она передаёт вещи мне и заставляет себя улыбнуться. Судя по её реакции, я думаю, она тоже не собирается говорить со мной о Дженике.

— Ты не хочешь ополоснуться? Я могу показать тебе душевые.

— Нет, спасибо, — отвечаю я ей, снимая одежду. Там есть пара трусиков, на которых всё ещё сохранились бирки, красивое платье и бюстгальтер, который, похоже, примерно моего размера. Очевидно, у нас с Селеной одинаковый размер сисек. — Но я не могу надеть ничего из этого. — Я пытаюсь вернуть одежду, и она бросает на меня взгляд.

— Почему нет?

— Потому что я инкогнито. Я не *хочу* быть девочкой в школе для мальчиков. Звучит как ад, созданный сам по себе. — Я даже не упоминаю о том факте, что кто-то, возможно, пытается, ну, знаете, убить меня или что-то в этом роде.

— Надень это, мы немного накрасимся и наденем парик, и никто даже не заметит. Они всё равно будут пьяны и обкурены к тому времени, как мы вернёмся на вечеринку. — Она поднимает брови, глядя на меня, но я настроена скептически. И на то есть веская причина. Если я войду в эту комнату и хотя бы один парень узнает меня, слухи могут распространиться по школе ... — О, да ладно тебе! — Селена дёргает меня вперёд, подтаскивает к одному из зеркальных комодов, стоящих вдоль стены, и заставляет сесть на стул.

— Где мы, по-твоему, возьмём парик? — спрашиваю я, но она уже лезет в коробку на полу и достаёт пару голов из пенопласта с париками на них. У одной длинные ниспадающие рыжие кудри, а у другой короткая тёмная причёска с прямой чёлкой.

— На театральном факультете их десятки, — говорит Селена, протягивая их мне, как будто я должна выбрать между ними. — Мы всегда берём с собой парочку на случай серьёзной проблемы с волосами. — Она закатывает глаза, и я улыбаюсь. Мне не хватало, чтобы рядом была девушка, с которой можно было бы поговорить. Моё сердце сжимается, когда я думаю о Монике, но я стряхиваю с себя эти мысли. Дело было не только в том, что она изменяла с Коди (хотя это в некотором роде важно), но и в том, как она относилась ко мне.

Она забыла о моём дне рождения, она даже не захотела выкроить минутку из своего дня, чтобы поговорить со мной, а потом, когда я всё-таки расспросила их об их романе, она повела себя так, словно это была моя вина. Я бы хотела, чтобы она позвонила и извинилась, и я бы просто простила её, и мы могли бы двигаться дальше.

Но этого никогда не случится, не так ли? Жизнь никогда не складывается так хорошо и прелестно, да?

— Однажды, — продолжает Селена, когда я беру рыжий парик, и она наклоняется, чтобы убрать другой, — у моей подруги Бетани загорелись волосы во время празднования четвёртого июля, и, ну, с одной стороны была опалённая лысина... — она замолкает, хватая чистое полотенце из стопки на нижней полке ближайшей кровати. Селена вытирает мои волосы полотенцем, а затем надевает сетку, чтобы убрать спутанные пряди с моего лица.

Я ожидаю, что парик будет выглядеть как, ну, в общем, парик. Но это не дешёвая находка в магазине на Хэллоуин; думаю, он может быть сделан из натуральных волос. Немного жутковато, если подумать об этом, но... когда она надевает его, осторожно поправляя маленькие тонкие локоны спереди, он выглядит так хорошо, что у меня перехватывает дыхание.

— Говорила же тебе, — мурлычет Селена с лёгкой усмешкой. — Ты выглядишь как долбаная Джессика Рэббит. — Она укладывает длинные рыжие пряди мне на плечи, а затем тянется за тональным кремом. Цвет намного бледнее, чем я привыкла, но, думаю, у меня уже не так много загара. — Итак, в кого из этих красивых парней из Студенческого совета ты втрескалась?

Мои щёки краснеют, когда она прикрывает несколько маленьких глупых прыщиков, а затем наносит сверкающие серебристые тени, чёрную подводку и тушь для ресниц.

— Ни в одного из них, — отвечаю я, что является абсолютной ложью. — Во всех, — наконец добавляю я со вздохом, неловко ёрзая на сиденье. — Я не знаю. Большинство из них всё ещё думают, что я парень... — я замолкаю и смотрю на неё, пока девушка перебирает серию карандашей для губ, выбирая для меня гораздо более тёмный цвет, чем обычно выбираю я. — Эм, насчет того, что я девушка и всё такое...

— Я не раскрою тебя, — говорит Селена, улыбаясь мне в зеркале своими красными-пребольшими губами. — У всех нас есть свои секреты.

Она заканчивает мой макияж, а затем ведёт меня в ванную переодеться. Платье, которое она мне подарила, чертовски великолепно, похожее на то, что я бы нашла в шкафу Моника. Спереди глубокий V-образный вырез, демонстрирующий грудь, которую я так чертовски усердно пыталась скрыть. Оно доходит мне примерно до середины бедра, отчего мои короткие ноги кажутся длинными и стройными.

Платье сшито из матово-чёрного материала, который идеально сочетается со сверкающим чёрным поясом, который Селена оборачивает вокруг моей талии.

— Как ты себя чувствуешь на каблуках? — спрашивает она, предлагая мне эти восхитительные туфли на шпильке с маленькой застёжкой-молнией спереди и серебряным сердечком-брелоком, который напоминает мне ключ Рейнджера.

— Я бы сказала, что я немного... ну, не уровень мисс Джей, — признаю я, имея в виду потрясающего консультанта по подиуму в *Топ Модель По Американски*, этого великолепного парня, который ходит на каблуках лучше, чем любая женщина, которую я когда-либо видела. — Но я как студент продвинутого уровня. Вполне могу с ними справиться.

— Идеально. — Селена передаёт мне туфли, а затем даёт мне какие-то украшения, чтобы я их надела. Закончив, девушка склоняет голову набок, улыбается и кивает. — О да, мисс Шарлотта, я думаю, вы готовы.

— Не совсем, — говорю я, залезая в передний карман своей толстовки и вытаскивая запасные очки. Линзы немного поцарапаны, но тонкая серебряная оправа с маленькими розовыми деталями по углам поможет мне замаскироваться. Я всегда ношу с собой запасную пару, на всякий случай. Неспособность видеть — это самое худшее.

Селена протягивает мне руку, и я беру её, позволяя ей повести меня обратно на танцы.

Я могу только молиться, чтобы не наткнуться на Студенческий совет... а если и наткнусь, то чтобы они меня не узнали.

Звучит как маловероятный вариант, но... Я устала одеваться в уродливые толстовки и кроссовки. Впервые за долгое время я чувствую себя красивой, и это не имеет никакого отношения к макияжу или одежде. Может быть, ко мне действительно начинает возвращаться уверенность в себе?

Можно только надеяться.

Когда мы входим в дверь, свет приглушён, музыка тихая, а администраторы грызут ногти, пытаюсь удержать пары от танцев слишком близко или поцелуев в тёмных углах. Почти уверена, что на улице есть пары, которые занимаются вещами и похуже, но это то, что есть. Забавно наблюдать, как взрослые пытаются остановить поток подростковых гормонов.

Ребята, это проигранная битва. Будем честны, обучать и обеспечивать безопасное место для разговора. Это всё, что вы можете сделать. Перестаньте стыдить нас: если вы дадите нам инструменты и безусловную любовь, мы сможем разобраться с остальным.

Папа не замечает меня, когда я прохожу мимо. Ну, возможно, он бы узнал меня, если бы у нас был полноценный разговор, но это немного повышает мою уверенность в себе, зная, что никто не сможет сразу выделить меня из толпы.

Я подхожу к столу с закусками, беру лавандовый кекс с одним из цветочков из помадки на нём. Мои брови поднимаются, когда я понимаю, что это тот, у которого сломан лепесток. Это буквально последний из кексов, оставшихся на подносе. Что это за совпадение такое?

— Домашнего приготовления, — произносит язвительный голос у меня за спиной, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть Росса, который смотрит на меня, уперев одну руку в бедро и прищурился. Я сразу понимаю, что он узнал меня с другого конца комнаты. Что, чёрт возьми, на самом деле происходит? — Привет, Чак.

— Ты что, волшебник или что-то в этом роде? — бормочу я, наклоняясь к нему поближе и молясь, чтобы он не убежал с целью, лаем предупредить своих хозяев. Меня уже преследует один сумасшедший псих. Целая школа, полная потенциальных чудаков на моей заднице? Нет, спасибо. — Как ты узнал, что это я?

Росс вздыхает и откидывает волосы назад особым, лёгким движением.

— Я вроде как понял это с самого начала. Честно говоря, они ещё не заметили этого только потому, что никто этого не ожидает. Я гей, Шарлотта. Мне нравятся мальчики. А ты, — он поводит указательным пальцем вверх-вниз в моём направлении, — не мальчик.

— Ты всем расскажешь? — спрашиваю я, потому что знаю, что он ненавидит меня. У него это было с первого момента.

Росс вздыхает и качает головой, протягивая руку и забирая кекс из моих пальцев.

— Я не был готов к разоблачению, когда мой брат сделал это за меня. Я бы не поступил так с тобой. Но если ты хочешь сохранить свой секрет, держись подальше от Рейнджера. Он не дурак.

— Почти уверена, что он уже начинает подозревать, — бормочу я, замечая, как его темноволосая голова пробирается к нам сквозь толпу. — Мне пора. — Я уйду, проталкиваясь между медленно танцующими парами к входной двери, где толпа немного поредела.

К сожалению, Спенсер был там, прислонившись к стене и медленно покачиваясь в такт музыке с закрытыми глазами. Как раз в тот момент, когда я собираюсь убежать, он распаивает их и смотрит на меня своими бирюзовыми глазами.

— Я тебя знаю? — спрашивает он мечтательным и далёким голосом. *«Они всё равно будут пьяны и обкурены к тому времени, как мы вернёмся на вечеринку».* Слова Селены звучат у меня в голове, и я делаю паузу, натягивая страстную улыбку. Почти уверена, что я никогда так не улыбалась в Адамсоне; это поможет мне замаскироваться.

— Нет, но знаешь моего двоюродного брата, — отвечаю я, делая шаг к нему. Он засунул руки в карманы джинсов, его мускулистое тело привалилось к стене. Он косится на меня, но я стою так, словно мне нечего скрывать, выпятив грудь и вздёрнув подбородок. — Возможно, ты его знаешь? Чак Карсон?

Глаза Спенсера становятся ещё шире, и он отталкивается от стены, чтобы подойти ко мне.

Он, действительно красив, его волосы цвета древесного угля отливают серебром при слабом освещении, бирюзовые глаза сверкают сине-зелёным блеском, от которого у меня перехватывает дыхание.

— Ты знаешь, где Чак? Я собирался пригласить его на танец. — Спенсер вытягивает руку, указывая на комнату, и я улыбаюсь, когда он снова фокусируется на мне, яростно моргая. Почти уверена, что сейчас он немного под кайфом. Меня это устраивает. Может быть, это объясняет, почему он слишком глуп, чтобы узнать меня? Я имею в виду, что я разыгрываю здесь серьёзную сцену с Кларком Кентом и Суперменом, и это работает.

— Нет, но... мы могли бы потанцевать вместо этого? — выпаливаю я прежде, чем успеваю остановиться.

«Ты идиотка, заberi это дерьмо обратно!» — я ругаю себя, но уже слишком поздно. Он уже улыбается мне, и это выражение отражается на всём его лице.

«Боже, этот парень великолепен», — думаю я, стараясь не вздохнуть, когда он протягивает мне руку.

— Я бы хотел этого, — говорит он мне, а затем его пальцы обхватывают мои, и тепло исходит от кончиков моих пальцев, направляясь прямо к сердцу. Оно начинает мчаться, кувыркаясь само с собой в диком спринте, от которого мои губы приоткрываются, горло сжимается, голова идёт кругом. Химическое притяжение, вот, должно быть, что это такое. Я имею в виду... Мне даже не нравится этот парень. И всё же... Нравится.

Спенсер выводит меня в центр танцпола, прямо под люстру, где я танцевала с Астер. Я вижу её отсюда, пытающуюся приударить за Россом, когда он сверкает одним из своих радужных браслетов и пытается объяснить свои сексуальные предпочтения. Она всё равно хватает его за руки и втягивает в битву.

Одна моя рука ложится на плечо Спенсера, в то время как другая крепко сжимается в его руке. Когда он кладёт другую руку мне на талию, я вздыхаю, а он смеётся, этот страстный, но игривый звук, который, кажется, каким-то образом приглашает меня прижаться к нему.

— Я не расслышал твоего имени? — спрашивает он, ухмыляясь так, что обещает, что как только я скажу ему, и он его произнесёт, это прозвучит как чистый грех, слетающий с его губ.

— Шарлотта, — признаюсь я, задаваясь вопросом, не заходит ли это слишком далеко, не выдаст ли это слишком многое. Спенсер, кажется, не улавливает связи, но на всякий случай... — Нашего дедушку звали Чарли, так что... Чак, Шарлотта... Оба имени даны в честь него. — По крайней мере, всё это не ложь.

— Шарлотта, — выдыхает Спенсер, и я вздрагиваю, когда он притягивает меня ближе. Играет «Never Say Never» группы The Fray, и это самая идеальная песня для романтического танца. Фу. Я чувствую, что прямо сейчас тону в эмоциях. — Я Спенсер.

— Знаю, — говорю я, и он морщит лоб, но это выражение длится всего минуту, поскольку я обнаруживаю, что прижимаюсь к нему ещё ближе. Моя голова оказывается у

него на груди, мои глаза закрываются, когда я слушаю, как бешено бьётся его сердце подо мной. Это ускоряет темп, когда я прижимаюсь к нему, и я удовлетворённо улыбаюсь, зная, что влияю на него так же сильно, как и он на меня.

Песня набирает в конце крещендо повторяющихся слов, от которых меня бросает в дрожь. «Не отпускай меня» повторяется снова и снова, и я понимаю, что боюсь конца, потому что не хочу расставаться со Спенсером.

«Тогда не надо», — говорю я себе, цепляясь за его рубашку, когда он обнимает меня.

Но потом я вижу, что Рейнджер направляется к нам, и меня охватывает паника. Песня подходит к концу, и я отталкиваюсь от груди Спенсер, создавая между нами пространство, которое внезапно становится холодным. Дрожь охватывает меня, когда я начинаю отодвигаться.

— Куда ты направляешься? — спрашивает он, выглядя таким одурманенным, милым и влюблённым. — У нас впереди вся ночь.

Технически, да, это правда, но...

— Мне просто нужно очень быстро заскочить в уборную. Я вернусь. Подожди меня у камина. — А затем я ныряю в толпу окружающих меня пар, пробираюсь к задней двери и выхожу на прохладный воздух.

Внутри тоже есть ваннные комнаты, но мне просто нужно подышать свежим воздухом.

Снаружи деревья шелестят на прохладном ветерке, а озеро плещется у кромки берега.

— Чёрт возьми, — бормочу я, удивляясь, почему я так сопротивляюсь своему влечению к Спенсеру. Может быть, потому, что он полный придурок, который продаёт травку богатым придуркам просто ради забавы? Я имею в виду, что семья этого парня стоит миллиарды. Я поискала их в Интернете. Семья его отца владеет крупной фармацевтической компанией, так что это явно не ради денег.

Яркий комок на земле привлекает моё внимание, и я отталкиваюсь от стены, на мгновение удаляясь от света и музыки, чтобы посмотреть, что это такое.

Это девушка, лежащая без сознания на земле и тяжело дышащая. Я опускаюсь на колени, чтобы проверить её, полагая, что она, вероятно, слишком много выпила или что-то в этом роде, и размышляя, стоит ли мне позвать администратора. Я не хочу, чтобы у неё были неприятности, но... это может быть алкогольное отравление или что-то в этом роде, верно?

— Эй, — шепчу я, слегка встряхивая её. Она стонет, когда я протягиваю руку, чтобы убрать прядь этих ярко-синих волос с её лица. Это одна из девушек, которая тусовалась с нами на причале ранее. Напомните, как её звали? Я даже не могу вспомнить, говорила ли она мне когда-нибудь.

Когда я отдёргиваю пальцы, то чувствую что-то горячее и липкое и, посмотрев вниз, вижу ярко-красную кровь.

— Что за хрень? — я поднимаю голову на звук скрипящей двери и вижу фигуру, выходящую из лодочного сарая. Мои глаза расширяются, когда я смотрю на мужчину, одетого в чёрную толстовку с капюшоном, которая в сочетании с тёмными ночными тенями полностью скрывает его лицо. Я не хочу оставлять девушку, но мой первый инстинкт — бежать. — Кто ты, чёрт возьми, такой? — спрашиваю я, поднимаясь на ноги и стараясь быть храброй. Моя кожа покрывается мурашками, когда я смотрю на этого придурка и пытаюсь убедить себя, что нахожусь всего в сотне футов от задней двери танцевального зала.

Мне потребовалась бы всего секунда, чтобы забраться туда и сбежать в безопасное место.

Звук шелеста кустов привлекает моё внимание, и я вижу приближающуюся *вторую* фигуру в чёрной толстовке с капюшоном.

Что... за...

Вторая фигура устремляется ко мне, и мои инстинкты срабатывают. Мои ноги начинают двигаться ещё до того, как я успеваю отдать им сознательную команду. Проклятые каблуки, которые я ношу, утопают во влажной земле, и я сбрасываю их на ходу, карабкаюсь вверх по небольшому холму к огням хижины.

Один из моих преследователей хватается за меня сзади, обхватывает рукой за талию и оттаскивает назад, в то время как чья-то рука зажимает мне рот. Теперь я брыкаюсь, пинаю засранца в голени, впиваясь ногтями в плотную ткань рукавов толстовки в поисках опоры.

Меня тащат прочь от безопасного танцевального зала в сторону леса слева от задней двери, другой мудака в толстовке с капюшоном движется вперёд, чтобы помочь удержать меня.

Моё сердце бешено колотится, и я холодею от страха, внезапно думая о Дженике Вудрафф и задаваясь вопросом, была ли она так напугана, боролась ли она так упорно... потому что, если это так, то, думаю, это не имеет значения, потому что я всё равно умру здесь сегодня ночью.

В конце концов, мы оказываемся в настоящей темноте леса, густая листва не даёт лунному свету проникнуть в землистую черноту.

Я всё ещё борюсь, но это тяжело. Двое людей, держащих меня, сильны, а я не совсем опытный мастер боевых искусств. Они насильно тащат меня через подлесок, пока я не вижу её там в маленьком луче серебристого лунного света.

Верёвка.

Она свисает с толстой ветки над нашими головами, слегка покачиваясь на ветру.

«Нет, нет, нет, нет! Парни были правы: Дженика не совершила самоубийства. Нет, она была убита».

Моя борьба усиливается, подпитываемая адреналином, и, в конце концов, я так сильно бью нападающего сзади по рёбрам, что он кряхтит и ненадолго ослабляет хватку. Я думаю, это ворчание не было похоже на мужское, но, с другой стороны, я здесь борюсь за свою жизнь, так что у меня точно нет времени анализировать это прямо сейчас.

Из кустов снова доносится шорох, и моё сердце замирает. Я не смогу отбиться от третьего долбаного нападающего! Но тут Рейнджер выходит из кустов, и во мне ярко вспыхивает надежда.

Он даже не колеблется, просто бросается на парня передо мной, повалив ублюдка на землю. С новым приливом энергии мне удаётся освободиться от человека, держащего меня, и развернуться, чтобы мне было легче защищаться.

Мы сцепляемся и оказываемся на лесной подстилке, катаясь по листьям, пока я изо всех сил пытаюсь помешать тому, кто бы это ни был, снова крепко схватить меня. Ворчание и проклятия эхом доносятся с противоположной стороны поляны, верёвка угрожающе раскачивается в центре всего этого.

Наконец, мне удаётся ударить ногой в живот придурка, сидящего на мне сверху, толкая так сильно, как только могу, и отправляя его в полёт назад. Он сильно ударился о землю, его сообщник схватил его за руку, с его лица капала кровь. Он поднимает другого человека — я почти уверена, что это женщина — с земли, и они вдвоём убегают в лес.

Рейнджер встаёт, ругаясь и истекая кровью из глубокой раны поперёк груди. На

мгновение я забываю о своей тайной личности и бросаюсь к нему, оставляя парик на земле позади себя.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, тяжело дыша и дрожа так яростно, что мне кажется, я вот-вот тресну по швам и упаду в обморок. Мои руки касаются кровавой раны на груди Рейнджера, но он, кажется, меньше озабочен этим и больше беспокоится обо мне.

Его рука поднимается, и он крепко сжимает мой подбородок, переводя мой взгляд с его груди на его лицо. Его глаза расширяются, и он снова начинает ругаться.

— Я так и знал! Я, чёрт возьми, так и знал! — он отпускает меня, и моё лицо краснеет. — Чёрт побери, Карсон, что, чёрт возьми, с тобой не так? — Рейнджер отворачивается от меня, замирая, когда видит раскачивающуюся там верёвку. Я не уверена, что он вообще замечал её раньше. Горячий румянец с его щёк сходит, оставляя его белым, как привидение. — Господи, что, чёрт возьми, всё это значит?

— Я не знаю, — шепчу я, сердце бешено колотится. От меня не ускользнуло, что Рейнджер Вудрафф, возможно, только что спас мне жизнь. — Я вышла на улицу подышать свежим воздухом и увидела девушку, истекающую кровью на земле ... Чёрт! — схватив Рейнджера за руку, я тащу его обратно через лес и нахожу синеволосую цыпочку, всё ещё лежащую там, где я её оставила. — Найди учителя, — рявкаю я, и Рейнджер замолкает, просто уставившись на меня сверху вниз, словно не может поверить в то, что видит.

— Ты хочешь, чтобы все узнали? — спрашивает он, указывая на меня, всё ещё тяжело дыша. — Может быть, тебе сначала стоит переодеться?

Мы пристально смотрим друг на друга, и я киваю, вставая и замирая на секунду.

— Я... спасибо тебе, Рейнджер...

— Просто уходи, — говорит он, тяжело дыша, когда я направляюсь внутрь, толкаю дверь и хватаю свою брошенную толстовку в ванной. Я надеваю её и джинсы поверх короткого платья, подтягивая его так, чтобы оно было скрыто под тяжёлыми складками толстовки.

Быстро смываю макияж средством для снятия макияжа, а затем надеваю кроссовки, снимаю очки и возвращаюсь на улицу. Рейнджер прямо там, ждёт меня у подножия лестницы, и я понимаю, что он поставил мою безопасность выше безопасности девушки.

Я не совсем уверена, что и думать по этому поводу.

— Давай найдём твоего папу, — говорит он, когда я крепко хватаю его за руку, чувствуя, как напрягаются твёрдые мышцы под моими пальцами. Он смотрит на меня сверху вниз своими сапфировыми глазами, и у меня перехватывает дыхание. Я даже не уверена, что, чёрт возьми, я собиралась сказать с самого начала.

— Хорошо. — Это единственное, что выходит наружу. Я чувствую оцепенение, когда мы возвращаемся через весь лагерь, только чтобы обнаружить, что синеволосая девушка исчезла. Мы с Рейнджером обмениваемся взглядами, а затем оба бросаемся бежать обратно через лес к поляне.

Верёвки больше нет.

— Что за хрень? — огрызается он, запуская пальцы в свои тёмные волосы и поворачиваясь ко мне лицом. — Скажи мне, что я не схожу с ума. Всего несколько минут назад здесь была верёвка, верно?

— Была, — начинаю я, но не знаю, что сказать. Грудь Рейнджера всё ещё кровоточит, но, похоже, всё не так уж плохо. Это единственное реальное доказательство того, что сегодня здесь действительно что-то произошло. Мы оба так тяжело дышим, и в воздухе

витает этот заряд, притяжение, рождённое опасностью. — Тогда нам действительно нужно найти моего отца.

Рейнджер кивает, снова глядя на меня, его лицо напряжено. Я предполагаю, что позже у нас, вероятно, будет долгий разговор. На данный момент опасность слишком реальна, вид этой верёвки резок и ужасен перед нашими мысленными взорами.

На обратном пути Рейнджер останавливается у своей хижины и берёт толстовку с капюшоном, чтобы скрыть свою рану. Я не уверена, почему. Может быть, он просто не хочет никого пугать?

Затем мы направляемся в танцевальный зал, и она там, девушка с голубыми волосами, сидит на одном из стульев с бокалом в руке и разговаривает со своими друзьями. Мы с Рейнджером обмениваемся взглядами, прежде чем подойти и встать рядом с ней.

— Кеша, — говорит он твёрдым голосом, но с лёгким намёком на дрожь. Она бросает на него взгляд через плечо, слегка морщась и протягивая руку, чтобы коснуться пальцами своей головы сбоку. — Что случилось? — он небрежно указывает на неё. — У тебя кровь на волосах. — Я замечаю, что он не упоминает, что мы видели её лежащей там на траве. Умный ход.

— Я правда не знаю. Думаю, я споткнулась или что-то в этом роде и ударилась головой. — Селена протягивает руку и сжимает руку своей подруги.

— Я пойду принесу тебе ещё воды. — Она берёт чашку, прежде чем взглянуть на меня, приподняв бровь. Я слегка качаю головой, и Селена уходит, развевая золотисто-медовые волосы.

— Ты споткнулась и ударилась головой? — повторяет Рейнджер, и Кеша бросает на него странный взгляд.

— Разве это не то, что я только что сказала? Я ценю твою заботу, но мы переспали только один раз, Рейнджер. Приди в себя. — Она поворачивается обратно к своим друзьям, в то время как мои щёки вспыхивают, и я очень стараюсь не думать о том, что она только что сказала.

— Пошли. — Он хватает меня за запястье и тащит сквозь толпу.

— Ты думаешь, она говорит правду? — спрашиваю я, отказываясь позволять себе гадать о том, когда, где и как произошла сексуальная встреча Рейнджера с Кешей. Должно быть, это было в прошлом году, верно?

«Почему тебя это вообще волнует, Шарлотта?! Есть вещи поважнее, о которых стоит беспокоиться; забудь об этом!»

— Понятия не имею. Может быть. — Он подводит меня к моему отцу и вежливо останавливается рядом с ним, пока тот заканчивает какой-то разговор с директрисой Эверли.

— Мистер Вудрафф, — говорит папа, переводя взгляд с нас двоих на то место, где пальцы Рейнджера обхватывают моё запястье. Слово почувствовав приближение беды, Рейнджер резко отпускает меня. — Чем мы можем вам помочь?

— Не могли бы мы минутку поговорить с вами снаружи? — спрашивает Рейнджер, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. Что касается меня, то я чувствую, что у меня заплетается язык. Я даже не уверена, как говорить о том, что только что произошло. Часть меня задаётся вопросом, реально ли это вообще.

Папа кивает, и мы выходим на улицу, чуть левее двери, и тишина накрывает меня волной.

Сегодня вечером на меня напали два человека в толстовках с капюшонами. Там была петля, свисавшая с дерева. Часть меня хочет верить, что всё это было какой-то тщательно продуманной шуткой, но... остальная часть меня задаётся вопросом, не ускользнула ли я просто сквозь пальцы смерти.

— О чём вы хотели со мной поговорить? — спрашивает папа, и мы с Рейнджером обмениваемся долгим взглядом. Как будто он чувствует, насколько я сейчас косноязычна, он поворачивается к моему отцу и рассказывает свою версию истории.

— Я знаю, это звучит безумно, — добавляет Рейнджер после того, как заканчивает, поглядывая на меня, когда задирает рубашку и показывает моему отцу рану на груди. — Но я думаю, что то же самое, что случилось с моей сестрой, происходит и с вашей дочерью.

— Моей дочерью? — папа вздрагивает, глядя на меня. Я съёживаюсь ижимаю плечами, засовывая пальцы в карманы своих мешковатых штанов. Возможно, у него сложилось неправильное представление, но мне безразлично. Сегодняшний вечер был... ужасен. Просто ужасен.

— Да, ну, возможно, мой секрет немного раскрылся... — начинаю я, и Арчи вздыхает, потирая переносицу. У него большой, величественный римский нос. Я унаследовала от него кое-что, а именно его упрямство, но большинство черт лица я определённо унаследовала от мамы. — Но разве это действительно имеет значение? Ты слушал, о чём мы говорили? Какие-то психи пытались подвесить меня на дереве.

— Мистер Вудрафф, — говорит папа, убирая руку от лица и вздыхая. — Не могли бы вы, пожалуйста, отойти на минутку, чтобы я мог поговорить с Шарлоттой наедине? — глаза Рейнджера сужаются, но он быстро кивает и отворачивается, врываясь обратно в здание в своих гигантских армейских ботинках и пропитанном кровью свитере. Моё сердце странно сжимается, когда я смотрю вслед его удаляющейся спине, медленно поворачиваясь лицом к отцу. Всё, чего я сейчас хочу — это чтобы он меня обнял. На самом деле, любой человек бы подошёл. Но Арчибальд Карсон — последний человек в мире, который когда-либо предложил бы мне это. Он просто не из чувствительных. — Я разговаривал с Мэй Эмиль директрисой академии Эверли.

Мои глаза расширяются, а губы приоткрываются.

— Ты отсылаешь меня прочь? — выдыхаю я, понимая, что, вероятно, веду себя иррационально. Папа смотрит на меня именно так, что в этом нет никаких сомнений. То есть в моей иррациональности. Лучше бы ему не относиться серьёзно ко всему остальному.

— Она готова взять тебя в середине года. Я уже поговорил с правлением, и, основываясь на предыдущих инцидентах, они готовы передать грант за обучение, который прилагается к моей должности, от Адамсон в Эверли.

— Мама ушла, а теперь и ты тоже хочешь бросить меня? — спрашиваю я, чувствуя, как по моей коже разливается это горячее, зудящее ощущение. — Я потеряла всех своих друзей, когда мы переехали. — Сейчас на глаза наворачиваются слёзы, но я знаю, что они вызваны не только этим разговором. То, что произошло сегодня вечером, было полным отстоем. Могло ли это быть просто жестокой шуткой? Конечно. Но Дженика умерла на конце такой верёвки, так ведь? Моя смерть смотрит мне прямо в лицо, и мне не нравится, как она смотрит. — Друзья, которые были у меня всю мою жизнь. Ты высадил меня посреди какого-то тёмного леса в Коннектикуте и бросил на съедение волкам.

— Шарлотта, — начинает папа, и в его голосе нет сочувствия, только чистое разочарование. — Судя по тому, что ты рассказала мне сегодня вечером, в Адамсоне для

тебя небезопасно. Отправить тебя в другое место — это само собой разумеющееся.

— Одним из нападавших на меня сегодня вечером была женщиной! — я огрызаюсь в ответ, вскидывая руки вверх. Я покончила с этим разговором. Наверное, я в некотором роде ожидала, что папа обнимет меня, скажет, что он просто рад, что со мной всё в порядке, вызовет полицию. Но не этого. — Мы в лагере, у чёрта на куличках. Может быть, это не только дело Адамсона? Я бы предпочла не уходить, большое тебе спасибо.

«Кроме того, я только начала дружить с близнецами. И... может быть, они меня немного привлекают. Или Спенсер. Или даже... ну, определённо не Черч. Ни за что».

— Это не повод для спора, Шарлотта, — говорит мне папа, когда я таращусь на него.

— Я не собираюсь начинать всё сначала, — выпаливаю я, потирая лицо руками. — Кроме того, если это дерьмо может следовать за мной до середины леса, кто сказал, что оно не последует за мной до Эверли?

— Я услышал всё, что ты хотела сказать, но окончательное решение приму я, — произносит Арчи, глядя вверх и на другой берег озера. — Заходи внутрь и не выходи из здания без меня или другого учителя рядом с тобой. Я поговорю с мисс Эмиль и службой безопасности кампуса.

— Кто-то только что пытался *повесить* меня на ветке дерева! — кричу я, но папа остаётся бесстрастным, хватая меня за локоть и втаскивает внутрь. Он усаживает меня на стул в углу, и я просто слишком расстроена, чтобы сказать что-нибудь ещё. У меня трясутся руки, и я киплю от злости.

— Ты в порядке? — спрашивает Рейнджер, появляясь рядом со мной и опускаясь на колени, его армейские ботинки скрипят по блестящему деревянному полу. Музыка, играющая прямо сейчас, медленная и мягкая, но всё, что мне хочется слушать — это злой рок.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, его тёмно-синие глаза, полные теней, смотрят прямо в мои.

— Папа хочет отправить меня в Эверли, чтобы я была в безопасности, — шепчу я, и глаза Рейнджера расширяются. Он резко качает головой, уголок его губ приподнимается в усмешке.

— Ты не можешь поехать в Эверли; Дженика училась в Эверли.

— Что? — я задыхаюсь, внезапно садясь и случайно накрывая его руку своей. Искра поднимается от моих пальцев к груди, словно выброс адреналина в сердце. Он быстро отдёргивает руку, заставляя меня задуматься, почувствовали ли мы это оба. — Подожди, когда?

— Единственная причина, по которой моя мать подала прошение о зачислении её в Адамсон, в первую очередь заключалась в том, что её пытали в Эверли. Над ней безжалостно издевались, вплоть до того, что мама подумала, что она в серьёзной опасности. — Он поднимает руку и проводит ею по лицу, как будто внезапно почувствовал усталость. — Поскольку папа был членом школьного совета Академии Адамсона, было разумнее всего отправить её туда... — Рейнджер поднимается на ноги, и я следую за ним.

Я не хочу, чтобы меня сейчас оставляли одну.

На самом деле, всё, чего я всё ещё хочу — это объятий.

Я перевожу взгляд на него, когда он смотрит на меня.

— Я не могу поверить, что ты девушка, — шепчет он, протягивая руку, чтобы коснуться своего затылка. — Не то чтобы это имело значение, потому что ты мне всё ещё не

нрависься. — Мои губы изгибаются в лёгкой улыбке. — Ты всё ещё мудак, понимаешь? Независимо от того, что у тебя под одеждой.

— Поскольку этот конкретный мудак чуть не умер сегодня ночью... — я вздрагиваю, слегка шмыгаю носом и протягиваю руку, чтобы поправить очки. — Может быть, его можно обнять? — челюсть Рейнджера плотно сжимается, и я начинаю отступать. — Ха-ха, не бери в голову. Просто шучу.

Но затем его большие, сильные руки подхватывают меня, и он прижимает меня к своей груди.

За всю свою жизнь я никогда не чувствовала себя такой тёплой и защищённой.

А я даже не знаю этого парня.

Мои пальцы вцепляются в его толстовку, и я прижимаюсь головой к его груди.

«У него всё ещё идёт кровь; нам нужно наложить швы».

Рейнджер крепко сжимает меня, по-настоящему, как полагается, а затем отпускает...

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как Спенсер смотрит на нас широко раскрытыми глазами.

— Ты сукин сын, — рычит он, сжимая руки в кулаки по бокам.

Это первый раз, когда я вижу настоящую ревность между парнями, и это почти забавно, потому что на самом деле я для них никто. Они для меня ничто. Мы едва знаем друг друга.

Но это не продлится долго...

Первые несколько дней после нашего возвращения всё тихо. Следующее заседание Кулинарного клуба отменяется, поскольку мы всю прошлую неделю готовили что-то вкусненькое для вечеринки в честь Дня святого Валентина.

Папа приставляет Натана к моей заднице в качестве охраны, но, честно говоря, этот парень меня немного пугает. Он всегда пялится, ест и почти не разговаривает. Почти уверена, что ему всего под тридцать, но из-за бороды и пивного пуза он больше похож на сорокалетнего или пятидесятилетнего.

Близнецы и Черч пытались занять его место, но это не имеет значения. К пятнице у меня на пробковой доске обнаруживается ещё одна записка от «Адама».

На этот раз Рейнджер рядом, чтобы прочитать её вместе с нами.

— *«Дорогая Ева»*, — читает он, его челюсть сжимается, ноздри раздуваются. На прошлой неделе, когда мы вернулись с мероприятия в честь дня Победы, я рассказала ему всё о других записках, о теневой фигуре на Хэллоуин, о жутких звуках, которые я слышала в кустах. Я никогда в жизни не видела человека более разъярённого или решительного.

Он думает, что поймает убийцу своей сестры.

А я собираюсь помочь ему.

Даже если это означает, что я должна быть приманкой.

— *«Ты меня не слушаешь. Мне не нравится, когда меня игнорируют. И даже не думай об Эверли; она дружит с Адамом»*. — Рейнджер замолкает и поднимает глаза, явно взбешённый. — Кем, чёрт возьми, этот парень себя возомнил, и чего он от тебя хочет?

— Похоже, он хочет, чтобы она вернулась в Калифорнию, — размышляет Черч, прислонившись к стене с мокко из белого шоколада в руке. Я обнаружила, что Меринда готовит их специально для него в «Щелкунчике». У неё в подсобке есть эспрессо-машина, но если какой-нибудь другой клиент заказывает необычный кофе, она с грохотом ставит на стол кружку с отбитым чёрным кофе и говорит, что если они хотят сливок и сахара, то могут попросить. На самом деле за этим довольно забавно наблюдать. — Но почему?

— Хороший вопрос, — говорят близнецы в унисон, а затем Тобиас вздыхает и убирает с лица красно-оранжевые волосы, в то время как Мика прислоняется к стене, засунув руки в карманы своих тёмно-синих брюк. — Сначала я подумал, что этот псих просто хотел, чтобы Шарлотта убралась отсюда, потому что, знаете ли, у неё есть вагина.

Мои щёки вспыхивают, когда я выхватываю записку из рук Рейнджера.

— Пожалуйста, не говори *вагина*, — шепчу я, и близнецы обмениваются взглядами, прежде чем ухмыльнуться.

— Вагина, вагина, вагина, — игриво тянут они, и я закатываю глаза. У меня нет проблем с этим словом, но... что-то в том, как они это произносят, заставляет это казаться менее медицинским и более... эм, сексуальным? Фу. Эти придурки из Студенческого совета доведут меня до смерти.

— Хотя, серьёзно, — говорит Мика, выступая вперёд и отталкиваясь от стены. Он хватает со стола большой пластиковый контейнер M&M's и зачерпывает огромную пригоршню. Тобиас идёт за ними следом, и братья устраивают мини-потасовку из-за шоколада, которая заканчивается тем, что яркие шарики разлетаются по всему полу. — Почему этому придурочному самородку не всё равно, ходит Шарлотта сюда или в Эверли? В

чём его проблема?

— Придурочный самородок, — хихикаю я, ухмыляясь. Однако это выражение длится всего секунду, потому что я вижу, как Черч и Рейнджер обмениваются долгим молчаливым взглядом. Выражения их лиц серьёзны. Это не сулит мне ничего хорошего.

— Ты думаешь, они охотятся за ней из-за Дженики? — Черч размышляет, и Рейнджер резко кивает один раз. Он забирает у меня записку, комкает её и кладёт к себе в карман.

— А что ещё это могло быть? Но я годами копался в этом дерьме, и со мной никогда ничего не случилось. — Рейнджер вздыхает и закрывает глаза. Он наложил совсем чуть-чуть теней на веки, как какая-нибудь рок-звезда старой школы или что-то в этом роде.

— Должно быть, она близка к тому, чтобы найти что-то, что мы упустили, — добавляет Черч, его медовые волосы блестят на солнце. Это такой насыщенный, тёплый блонд. Заставляет меня задуматься, каково было бы провести по ним пальцами...

— Должно быть, — размышляет Рейнджер, переводя свой пронзительный сапфировый взгляд на меня. — Ты уже заглядывала в комнату Дженики?

Мои брови поднимаются, и я качаю головой.

— Я не знала, которая из них была её. Кроме того, многие двери заперты, а у меня никогда не было инструментов, чтобы взломать их. — Я думаю о ломе, который я подняла на днях.

— Давай, — говорит Рейнджер, выдыхая и засовывая записку в карман. — Мы тебе покажем. — Он выходит из общежития для парней, и я следую за ним, Черч и близнецы плетутся за мной.

Здесь, рядом с ними, гораздо менее страшно. Я чувствую себя как бы... защищённой. Они могут вывалить на меня пауков и полить мёдом мои волосы, но, эй, я не позволю, чтобы меня убил парень с ножом!

«Что за жизнь я веду», — думаю я, стараясь не позволять себе думать о лёгком выходе.

Я могла бы просто вернуться в Калифорнию. Кажется, папа действительно согласился бы в этот момент. Он не упоминал о моём переводе в Эверли с тех пор, как мы вернулись, но я готовлюсь снова встретиться с ним лицом к лицу.

Рейнджер идёт, чтобы открыть незакреплённую доску, когда я размахиваю перед ним ключами, которые украли близнецы.

— Ваша прославленная команда из Студенческого совета не совсем состоит из ангелов, — говорю я, бросая на близнецов взгляд, на который они отвечают парой лучезарных улыбок.

— Больше похоже, что он состоит из дьяволов, — ворчит Рейнджер, когда я открываю дверь, и мы все заходим внутрь, Рейнджер поднимает свой телефон в качестве фонарика. На улице ещё не совсем темно, но все окна заколочены, так что здесь довольно мрачно. Света из открытой входной двери просто недостаточно, чтобы проникнуть в такое большое здание.

Мы поднимаемся по *семи* лестничным пролётам на верхний этаж. Похоже, здесь должен был быть установлен лифт, но всё, что тут сейчас есть — это пустая шахта. Однажды я заглянула в неё, но, похоже, она ведёт прямо в подвал, и я не могу найти другого способа спуститься туда. Так жутко.

— У твоей сестры был номер в пентхаусе, да? — спрашиваю я, пока мы поднимаемся, поднимаемся, поднимаемся. Лестницы извилистые и декоративные, перила покрыты тонким слоем пыли. Наши шаги кажутся чересчур громкими, отдаваясь эхом на лестничной клетке, когда мы поднимаемся к небу.

— Она была первым и единственным человеком, который когда-либо жил здесь, — наконец произносит Рейнджер. Он даже отдалённо не похож на запыхавшегося, но я тяжело дышу и отдуваюсь, как сумасшедшая. Может быть, это не так уж и хорошо, что я пропускаю физкультуру, а? Я действительно чертовски скучаю по серфингу.

Мы поднимаемся на верхний этаж и направляемся прямо к двери. Рейнджер достаёт из-за пазухи цепочку с ключами и отпирает дверь, распахивая её, чтобы впустить нас в залитую светом комнату с прозрачными занавесками, свежеприготовленной кроватью и свободными от пыли выступами.

Он заботился об этом месте, Рейнджер заботился.

— Ты часто здесь зависаешь? — спрашиваю я, думая о звуках, которые слышала наверху. Он кивает, и я улыбаюсь. — Я прохлаждалась в общей зоне. Удивлена, что наши пути никогда не пересекались.

— Ну, я полагаю, ты была осторожна, чтобы тебя не поймали? — спрашивает он, бросая взгляд через плечо, приподняв бровь. — Я тоже. — Он поворачивается и идёт в спальню, со вздохом садится на край кровати и проводит своими большими руками по лицу.

— Где ты взял ключ? — спрашиваю я, и Рейнджер поднимает голову, его ноздри раздуваются от гнева.

— Он висел у неё на шее — вместе с петлёй. — Он морщит лицо, как будто знает, что должен был бы рассказать мне всё это, но не хочет.

— Неужели она... — я вздрагиваю, прикусывая нижнюю губу, когда близнецы занимают места на подоконнике, а Черч прислоняется к стене рядом со мной. Здесь пахнет нафталином и кедром, как будто этой комнатой не пользовались очень, очень давно.

— Оставила записку? Да. — Рейнджер взъерошивает свои тёмные волосы и бросает взгляд на Черча. Президент Студенческого совета поворачивается ко мне и встречается с моими глазами своим медовым взглядом. Сейчас он не улыбается и не холоден как лёд, как будто, возможно, это и есть его истинная сущность. Я вижу это в первый раз в жизни.

— *«Дорогой ДжР, я думаю, они знают о нас. Я мало что еще могу сделать. Если ты захочешь встретиться со мной, ты знаешь, где меня найти. Я буду ждать вместе с ангелами. С любовью, Джей».* — Черч делает паузу и скрещивает руки на груди. — Судя по тому, как она подписалась *Джей*, это должна была быть она сама.

— Подожди, ждёт вместе с ангелами? — спрашиваю я, и Рейнджер издаёт разочарованный звук, не обязательно обращённый ко мне, но как будто ему приходилось объяснять это сто раз сотне разных людей.

— Раньше в лесу стояла пара статуй ангелов. Именно там она встретила со своим парнем. Я продолжаю говорить людям это; я говорю им это с тех пор, как мне было чёртовых восемь лет, и никто не хочет слушать. — Рейнджер протягивает руку и кладет её на металлический столбик кровати, вращая пальцами маленький декоративный металлический шарик на конце.

— Откуда тебе об этом знать? — спрашиваю я, и он поднимает на меня взгляд, прежде чем пожать плечами.

— Брат Спенсера. Раньше он руководил этой школой. У него были карты всего, как какое-нибудь дерьмо в стиле Гарри Поттера. Никаких волшебных следов, но все вещи безумно детализированы. В любом случае, он обычно брал нас со Спенсером поиграть в прятки и всякое такое дерьмо. Статуи ангелов, которые стояли там годами, исчезли в тот же день, когда умерла Дженика.

У меня голова идёт кругом от возможных вариантов, и я тяжело присаживаюсь на край кровати, пока близнецы обмениваются M&M's. Очевидно, Тобиасу больше нравится зелёный, а Мика предпочитает синий. Видите, я же говорила вам, что их легко отличить друг от друга.

— Кажется, ты уже так много знаешь, — начинаю я, пытаюсь понять, что именно во мне не так, что представляет угрозу. Есть только одна вещь, о которой я могу думать. — Должно быть, это как-то связано с моим полом. — Я поднимаю взгляд. — Вот причина, по которой эти люди охотятся за мной.

— Но что в этом такого, что делает угрозой тебя, а не меня? — спрашивает Рейнджер, глядя в мою сторону.

Но я понятия не имею, что ему ответить.

Ни единой грёбаной зацепки.

Позже тем же вечером, когда сижу в своей комнате в пижаме, я оглядываюсь и замечаю декоративные металлические шарики на концах столбиков моей кровати. Когда я подхожу к одному из них и начинаю крутить его так, как это делал Рейнджер, то замечаю, что он сразу отваливается. Внутри него ничего нет, но есть пустое пространство, где что-то могло бы быть.

Просто ради интереса я проверяю оба крайних места, верхний правый... а затем верхний левый. Внутри него я нахожу золото.

На одном конце есть ключ с наконечником в форме сердца, на другом — толстые коренастые зубы скелета, а по центру обмотана маленькая розовая ленточка. Он даже висит на тонком розовом шнурке.

Я позволяю ему болтаться у меня перед лицом.

Он выглядит *точно так же*, как ключ на шее Рейнджера, за исключением того, что он золотой, а не серебряный. У него даже есть такая же деталь из ленты и такой же шнурок.

— Святое. Долбанное. Дерьмо.

Я соскакиваю с края кровати и выбегаю за дверь, мчусь по коридору, по ступенькам и пересекаю лестничную площадку, пока не добираюсь до комнаты Рейнджера. Я видела, как он выходил из этой комнаты достаточно много раз, чтобы знать, что я в нужном месте.

Мой кулак стучит по дереву всего мгновение, прежде чем он открывает её... и я обнаруживаю, что Спенсер смотрит прямо на меня.

О-о-о.

Всё его лицо вытягивается, когда он видит меня, и я понимаю, что нам удалось продержаться целую неделю, не обсуждая то объятие.

Кроме того, на мне супер мешковатая пижама с длинными рукавами, но... Я чувствую себя немного беззащитной без своих лент, без обуви, без нижнего белья. Я имею в виду, я знаю, что Спенсер не может *видеть*, что на мне нет трусиков, но я знаю, что на мне нет трусиков, и это всё, что имеет значение.

— Устраиваешь полуночный секс со своим любовником, да? — выплёвывает он, насмехаясь надо мной.

— Чувак, я же говорил тебе: я чёртов натурал. А теперь иди и принеси те закуски, которые я просил. Теперь твоя очередь прибраться на кухне. — Рейнджер выталкивает Спенсера в коридор и бросает на меня взгляд. Должно быть, он что-то увидел на моём лице, потому что отступил назад, чтобы впустить. — Мы не трахаемся. Мы просто... Я не знаю, заводим дружбу или что-то в этом роде.

— Да, как скажешь, — рычит Спенсер, срываясь с места и показывая нам средний палец через плечо. — Если вы собираетесь это сделать, сделайте это быстро, потому что я уйду ненадолго. — Я смотрю ему вслед, пока Рейнджер полностью не закрывает дверь, закрывая мне обзор.

Оглянувшись через плечо, я вижу пару кроватей в противоположных концах комнаты. Если бы они не были королевских размеров и не были украшены огромными кожаными изголовьями, это могло бы выглядеть как любая другая комната в общежитии. В изножье каждой кровати стоят письменные столы, напротив кроватей — шкафы, а посередине — огромный плюшевый ковёр из искусственного меха.

— У вас, ребята, есть долбаный камин? — сухо спрашиваю я, указывая на стену между двумя кроватями, где висит каминная топка. В камине потрескивает пламя, отчего комната выглядит такой уютной. Над каждой кроватью есть окна, занавески раздвинуты, открывая вид на мерцающие звёзды снаружи.

Когда я впервые пришла в эту школу, все остальные ученики смотрели на меня как на полного придурка за то, что я получила комнату на верхнем этаже. Теперь я вижу, что комната на верхнем этаже — самая отстойная.

— Да, и что? — Рейнджер кладёт ладонь на стену над моей головой и наклоняется, так близко, что я чувствую его запах кожи и сахара, эту дихотомическую смесь твёрдого и мягкого, от которой у меня поджимаются пальцы ног на каменном полу. — Что ты здесь делаешь... *Шарлотта*? — он срывает моё имя с кончика своего языка таким образом, что это звучит одновременно как обещание... и предупреждение. — У Спенсера уже сложилось неверное представление, и всё такое. Кстати, когда ты собираешься ему сказать? Он продолжает обвинять меня в том, что я пытаюсь заставить тебя отсосать мой член.

— Эй, эй, почему он решил, что это я сосу член? Может быть, *это ты сосёшь мой член*?

Рейнджер ухмыляется мне и наклоняется так близко, что наши губы почти соприкасаются.

— О, Чак, не обманывай себя: никто так не думает. — Он хихикает, и этот звук заставляет меня вздрогнуть так сильно, что я чуть не сползаю по стене в лужу. Рейнджер протягивает руку и трогает пальцами отворот моей пижамной рубашки. — Ты пассив, это точно. Я понял это в первую же секунду, как увидел тебя. Что касается меня, то я — актив. — Он отталкивается от стены и прислоняется спиной к противоположной стене, его огромное тело заполняет узкое пространство коридора.

— Я не пассив, — бормочу я, но потом вспоминаю, зачем я вообще бежала сюда, и достаю ключ из кармана, позволяя ему болтаться в воздухе между нами. Рейнджер бросается вперёд, его руки накрывают мои и наполняют меня этим странным теплом.

— Где ты это нашла?! — спрашивает он сдавленным голосом. — Я тщательно обыскал весь этот кампус. — Я позволяю ему взять ключ, наблюдая, как он вытаскивает один из-за пазухи и соединяет их вместе. Они практически идентичны, за исключением цвета и небольшого различия в зубьях.

— Он был в моей кровати, — говорю я ему, — внутри одного из этих декоративных металлических шаров на концах столбиков. — Рейнджер смотрит на ключи, а затем поднимает на меня горящие сапфировые глаза.

— Нам нужно пойти проверить те, что на кровати Дженики, — произносит он, поворачиваясь, чтобы направиться к двери. Я останавливаю его, протягивая руку и обхватывая пальцами его руку, изо всех сил стараясь не слишком волноваться из-за его

мускулов.

— Не сегодня, — говорю я ему, желчь подступает к горлу при вспышке воспоминаний о прошлой ночи. — Это слишком опасно. Давай сходим утром перед школой.

Рейнджер напрягается, а затем со вздохом замолкает, проводя пальцами по волосам.

— Наверное, ты права, — неохотно признаёт он. — Я уверен, что теперь и я у них на радаре. Вероятно, следующей будет моя задница, висящая на том же ужасном дереве. — Он сжимает в кулаке пару ключей, стискивая их так сильно, что у него белеют костяшки пальцев. — Хотя я не такой уж жаворонок. Заранее прошу прощения, если буду вести себя как капризный придурок. — Он засовывает ключи в карман, а затем смотрит на меня. — И тебе нужно придумать способ, как рассказать Спенсеру свой секрет.

— А кто сказал, что я хочу ему рассказывать? — выпаливаю я, и Рейнджер бросает на меня долгий, прямой взгляд.

— У вас двоих такие серьёзные, чёрт возьми, отношения, что меня от этого тошнит. Скажи ему, и просто трахните друг друга, покончи с этим. Тогда мы сможем прекратить всё это томление, нытьё и хандру, которыми он занимается.

— Он хандрит по мне? — спрашиваю я, стараясь не выдать интереса. Потому что это не так. Мне даже всё равно. Серьёзно. Рейнджер закатывает глаза, но наш разговор приостанавливается, когда Спенсер открывает дверь и вваливается с пакетом, полным вкусностей, которые он стащил внизу.

Он бросает на меня прищуренный взгляд своих бирюзовых глаз, и я вздрагиваю.

— Что вы, два засранца, здесь делаете? — говорит он, протискиваясь мимо меня и направляясь к своей кровати, чтобы плюхнуться на неё и высыпать все угощения. Я отчетливо вижу в смеси один из моих батончиков гранолы.

— Ты хрен! — рявкаю я, направляясь туда и хватая батончик с кровати. — Я знал, что кто-то крадёт мои батончики гранолы. Я думал, это Натан, жуткий охранник, но, конечно же, это был ты.

— Это Натан, жуткий охранник, — отвечает он, не потрудившись поднять на меня глаза. — Я только что поймал его с поличным. Потом я подумал, что если он собирается сбежать с ними, то я с таким же успехом могу взять их с собой.

— Я называю это чушью собачьей, — фыркаю я, засовывая батончик гранолы в карман. — Похититель еды. — Я торжествующе вздёргиваю подбородок, и Спенсер поднимает голову, чтобы посмеяться надо мной.

— Мудило, — бормочет он.

— Лицо в гондоне. — Это единственное, что я могу придумать, и мои щёки вспыхивают. Спенсер просто ухмыляется, как будто это вызов, который он с радостью принимает.

— Пожиратель пенисов.

— Слизняк.

— Ершик для унитаза.

— Пятно от дерьма.

— Онанист.

— Свинья в заднице, — выпаливаю я, и Спенсер приподнимает одну из своих тёмных бровей.

— Ладно, это было немного странно даже для меня. Ты победил. Хотя лицо в гондоне было довольно креативным. Я мог бы позаимствовать его, чтобы оскорбить близнецов. —

Спенсер останавливается, чтобы стянуть рубашку через голову, отбрасывая её в сторону и оставляя меня изумлённо пялиться на красивые, ровные очертания его груди. Он замечает, что я смотрю, и бросает взгляд в мою сторону, его веки опускаются, и он смотрит на меня из-под тяжёлых век, с похотливым взглядом. Уголок его рта приподнимается в ухмылке, когда он наклоняет голову набок. — Нравится то, что видишь? — спрашивает он, когда Рейнджер издаёт разочарованный звук, закрывает мне глаза ладонями, а затем поворачивает меня к двери.

— Хватит таращиться. Позволь мне проводить тебя обратно в твою комнату. — Спенсер смотрит нам вслед, его глаза сужаются, когда он усмехается и отворачивается. — Ты знаешь, что рано или поздно тебе придётся ему рассказать, — добавляет Рейнджер, когда мы поднимаемся обратно по лестнице. Я бросаю на него взгляд, но он просто отвечает мне пристальным взглядом. Его взгляд не терпит возражений. — Если мы собираемся разгадать эту тайну вместе, он нам нужен. Он знает этот кампус лучше, чем кто-либо другой. Ну, или, может быть, тебе просто *стоит* вернуться в Калифорнию.

— Нет ничего, что могло бы заставить меня вернуться туда, — выпаливаю я, мои щёки краснеют. Я никогда не чувствовала себя как рыба, вытасченная из воды, чем тогда, когда вернулась туда, где *должно быть* моё место, и почувствовала себя не более чем изгоем. Кроме того, мама на реабилитации. И моя тётя милая, но... несмотря на то, что она предложила мне пожить у неё, думаю, я всегда знала, что на самом деле она не хотела бы этого. Ей всего двадцать восемь, и она не хочет, чтобы какой-то подросток оставался в её доме и портил настроение. — Кроме того, твоя сестра заслуживает того, чтобы её имя было очищено.

Мы останавливаемся возле двери моей спальни, когда Рейнджер снова достаёт ключи и изучает их. Он наклоняется и пробует золотую кнопку на моей двери, но она не подходит. Серебряный ключ, однако, подходит к двери Дженики. Интересно.

— Ну, и для чего, чёрт возьми, это всё? — бормочет он, потирая лицо двумя пальцами. — Дженика, что, чёрт возьми, ты задумала? — его глаза смотрят вдаль и печальны, и мне интересно, на что похожи его воспоминания о старшей сестре. Ему, должно быть, было, сколько, семь или восемь, когда она умерла? Бедный ребёнок. Я даже представить себе не могу такую боль. Я думаю, это похоже на то, что я чувствовала, когда моя мать бросила нас с папой. С другой стороны, если я действительно хочу её увидеть, то, по крайней мере, знаю, что она всё ещё где-то там. — Кстати, у меня есть её дневник. Во всяком случае, часть его. Когда я приеду домой на весенние каникулы, я сделаю несколько фотографий и отправлю их тебе, если ты захочешь его прочитать. — Рейнджер выглядит таким ужасно смущённым, что я наклоняюсь и быстро чмокаю его в щеку.

— Спасибо, что поделился этим со мной, — говорю я ему, и он коротко кивает. Хотя то, как он смотрит на меня... по выражению его лица ничего невозможно прочесть.

— Конечно. Я имею в виду, что вся твоя безопасность связана с этим дерьмом. Держи дверь запертой. У тебя есть оружие?

— У меня есть лом и молоток, — весело отвечаю я, и он ухмыляется.

— На сегодняшний вечер этого хватит. Может быть, завтра мы купим тебе что-нибудь получше. Я попрошу Черча прислать тебе мой номер; позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

— Спокойной ночи, — молвлю я ему, заходя внутрь.

— Спокойной ночи, — тихо говорит он в ответ, его голос хриплый и далёкий. Более чем

вероятно, что он погружён в мрачные мысли о сестре. Не могу сказать, что я его виню. Рейнджер ждёт, пока я закрою и запру дверь, проверяя ручку, прежде чем я услышу его удаляющиеся шаги по коридору.

Я чувствую себя немного лучше, зная, что он на моей стороне.

Сейчас... Я просто должна убедить отца в том же.

Я уверена, что это будет весело.

На следующее утро Рейнджер, Черч и я возвращаемся в общежитие для девочек, пока близнецы отвлекают Спенсера. В металлических шарах на кровати Дженики ничего нет, и, насколько мы можем судить, ключ ничего не открывает в здании.

После этого Рейнджер уходит и исчезает, оставляя меня наедине с загадочным Черчем. Единственное, что я знаю о нём, это то, что он любитель кофеина. Сегодня у него мокко из немецкого шоколада со льдом, который, по-видимому, на самом деле просто мокко с добавлением кокоса.

— Весь этот сахар тебе вреден, — говорю я ему, но он просто кладёт соломинку в рот и весело улыбается, как будто он действительно золотой мальчик в школе. Я имею в виду, что есть Юджин Мазерс, звезда футбольной команды, но я видела его всего несколько раз, а у Черча определённо больше поклонников.

— Я очень люблю сахар, — говорит он, и его улыбка превращается в ухмылку. — Тебя беспокоит карьер, мистер Карсон? На твоём месте я бы больше беспокоился о ножах или петлях.

— Не смешно, — отвечаю я ему, но он хихикает. Очевидно, что у нас разное чувство юмора. Я думаю, у Черча оно гораздо темнее, чем у меня. Он, наверное, из тех, кто смеётся на похоронах. Он так мило улыбается мне, в уголках его глаз появляются морщинки, когда он оставляет меня у двери на мой первый урок.

Как раз в тот момент, когда я собираюсь войти, один из парней подходит ко мне сзади и прорезает дыру в нижней части моего рюкзака, высыпая все мои вещи на пол.

Включая несколько моих тампонов.

У меня вот-вот начнутся месячные, так что у меня с собой было несколько...

Мои щёки становятся ярко-красными, когда мальчики воют от смеха, и один из них поднимает один тампон с пола, открывает его и позволяет ему болтаться на верёвочке.

— Эй, Карсон, — со смехом говорит один из парней. Я замечаю Юджина, стоящего на заднем плане и смеющегося вместе с остальными. — У тебя грёбаная вагина или что-то в этом роде? — придурок, держащий тампон, швыряет его мне в лицо, и я ловлю его в воздухе.

— У меня есть девушка, мудака. Я уверен, что получаю больше удовольствия, чем ты. — Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю их остановить, и несколько парней насмеются надо мной, как будто мысль о том, что я отвечу — это просто последняя грёбаная капля.

— Какого хрена ты сказал, маленькое дерьмо? — первый парень толкает меня так сильно, что я отшатываюсь, спотыкаюсь о свои вещи и падаю на задницу прямо перед ним.

Мне *следует* вести себя тихо, может быть, съёжиться и надеяться, что он уйдёт.

Вместо этого всё это дерьмо, которое происходит со мной в последнее время, приводит меня в бешенство. Я вскакиваю на ноги и бросаюсь на него, прежде чем успеваю одуматься. Другие парни стоят в стороне и смотрят, как будто это какой-то глупый обряд посвящения или что-то в этом роде.

Мой кулак летит в воздух, но парень просто обходит меня стороной, одаривая острой, агрессивной ухмылкой, прежде чем броситься на меня, нанося удар прямо в лицо, который, я просто *знаю*, сломает мне нос. Или, по крайней мере, заставит его кровоточить. Я морщусь, скидывая руки и понимая, что уже слишком поздно.

Но затем происходит вспышка движения, и ничего не происходит.

Когда я приоткрываю глаза и опускаю руки, я вижу Черча, стоящего там, хладнокровного и спокойного, его ладонь сжимает кулак другого парня. Медленно, осторожно он отпускает его, и другой парень отступает назад.

— Прости, Черч... Я тебя не видел.

Лицо Черча холодно как лёд, но затем он расплывается в ослепительной улыбке, кожа вокруг его глаз покрывается морщинками с милым выражением.

— Не беспокойся, Марк. Я уверен, что всё это было недоразумением, верно?

— Я... ну, мы просто устали от его дерьма. Он пропускает физкультуру. У него своя комната. Он вальсирует здесь и игнорирует нас, когда мы просто пытаемся быть с ним милыми. Он заслуживает того, чтобы знать своё место, верно, Юджин? — парень с тампоном оборачивается и бросает взгляд через плечо в поисках подтверждения.

— Марк в чём-то прав, Черч, — говорит Юджин, пожимая плечами и слегка покровительственно улыбаясь. Конечно, он красивый парень, но есть кое-что, что мне в нём не нравится. Я подумала то же самое, когда увидела его в первый раз. Теперь я в этом уверена. *Интересно, замешан ли он в какой-нибудь из этих таинственных историй?* Я удивляюсь, когда улыбка Черча сползает с его лица, оставляя ту пустоту там, где должны быть его чувства.

Он указывает на меня.

— Вы видите этого парня? — спрашивает он, и Марк хихикает.

— Я вижу мальчика, но не парня, — вставляет он, и медовый взгляд Черча устремляется на него, его радужки такие тёмные, что кажутся коричневыми вместо своего обычного янтарного цвета. Марк очень быстро захлопывает свою ловушку.

— Это Чак Карсон и он член Студенческого совета. — В группе раздаётся ропот, и Юджин закатывает глаза цвета какашек (извините, я люблю карие глаза, но у него они просто... как грязная туалетная вода) и отталкивается от стены, разводя руки.

— Вы, мудаки, сделали то же самое с тем придурком, Россом. Мы устали от того, что вы спасаете придурков за пределами кампуса и угрожаете остальным держаться от них подальше. Росс — полный придурок, и этот парень тоже.

— Он член Студенческого совета, — повторяет Черч, и близнецы появляются из ниоткуда, окружая меня с обеих сторон. — У кого есть с этим проблемы, будут иметь дело непосредственно с нами.

— Точно. Вечно выступает один из твоих дружков, но никогда ты лично, да? Ты боишься сразиться Черч?

— О, я правда боюсь, — отвечает Черч, внезапно улыбаясь и закрывая лицо руками. Он небрежно пожимает плечами и на мгновение прикусывает нижнюю губу, прежде чем выражение ужасающего ликования появляется на его лице. — Я боюсь за *тебя*, Юджин. Если я случайно убью тебя во время потасовки, меня могут посадить в тюрьму.

— Ты думаешь, что мог бы одолеть меня, Черч? — Юджин подходит к президенту Студенческого совета, но они одного роста, так что особо запугать его не получается. Я имею в виду, что у Юджина почти смехотворно огромные мышцы, такие большие, что они уже не совсем сексуальны. Черч худощав и хорошо сложен, и, честно говоря, я почти уверена, что он надрал бы Юджину задницу в драке.

Я почти хочу увидеть это.

— Я знаю, что смогу, — беззаботно отвечает Черч, протягивая руку. Мика предлагает

ему кофе со льдом, который мы пили ранее. Очевидно, он был тем, кто держал его в руках. — И я мог бы сделать это, не пролив свой напиток. Хочешь проверить эту теорию? — Черч посасывает свою соломинку, а Юджин усмехается, качая головой. У него такой же цвет волос, как у Спенсера, но выполнено всё не так хорошо, скорее, он пытался скопировать Спенсера, но потерпел неудачу. Это жалкая имитация. Как это называется в писательском мире? Мозаичный плагиат? Ага. Вот на что это похоже.

— Ты можешь отправляться хоть в ад. Я не собираюсь получить отстранение своей задницы только для того, чтобы надрать твою. — Он уходит по коридору, Марк и остальные следуют за ним. Проходя мимо, они пинают мои тампоны и школьные принадлежности, разбивая запасную пару очков, которые у меня были.

Фантастика.

Я наклоняюсь и начинаю собирать вещи, и Тобиас присоединяется ко мне. Нам требуется всего секунда, чтобы запихнуть всё это в передний карман на молнии моей сумки. Большая секция сейчас полностью разрезана. Мне придётся воспользоваться запасным рюкзаком, который есть в моём шкафу дома у папы, и это не страшно, так как мне всё равно нужно туда сходить.

— Что это было? — спрашивает Мика, когда я поднимаюсь на ноги и снова закидываю на плечи рюкзак. Мои волосы начинают отрастать, большая копна локонов падает мне на лицо. Тобиас протягивает руку, чтобы убрать их с моего лба, заставляя меня покраснеть. Я почти уверена, что он даже не осознавал, что делает это.

— Юджин становится заносчивым, — говорит Черч, снова опуская лицо. Действительно тревожно видеть, как он бросается из одной крайности в другую. Он напоминает мне об одном сумасшедшем байкерском романе, который я однажды читала, где чувак, ответственный за убийство людей — его звали Глейшер — был счастлив в одну секунду, а в следующую — холоден. Главный герой сказал, что он переворачивал настроения, как страницы в сборнике рассказов. Именно так я отношусь к Черчу. — Давайте присмотрим за ним, хорошо?

— Да, господин президент, — отвечают близнецы в унисон, вместе осматривают холл. Я вздрагиваю, когда Черч оглядывается на меня, улыбается и делает ещё один глоток своего мокко.

Я бы не хотела оказаться на плохой стороне этого ублюдка, это точно.

Мне почти жаль Юджина. Эх, но только почти.

— Иди в класс, Чак, — говорит Мика, протягивая руку, чтобы взъерошить мне волосы, но совершенно не так, как Тобиас. Его зелёные глаза сверкают, когда он оглядывает меня. — И перестань быть такой свиньёй в заднице.

У меня отвисает челюсть, и я шлёпаю его по руке.

Я убью Спенсера...

Но я всё равно проскальзываю в класс с улыбкой на лице.

Несмотря на то, что Марк и Юджин — придурки, я чувствую, что действительно начинаю заводить здесь друзей.

Даже несмотря на всю таинственность, окружающую смерть Дженики, это приятное чувство. Я не позволю папе отослать меня прочь.

Ни за что на свете.

— Я уже сказал тебе, что закончил этот разговор, — говорит папа, когда я стою в дверях его кабинета, готовая к битве. Но он даже не хочет со мной разговаривать. На самом деле, он

едва оторвал взгляд от бумаг на столе. Разгорелся грандиозный скандал из-за того, что группа студентов взяла дипломную работу, отмеченную наградами, и переписала её заново. Мол, не слово в слово, но все они настолько похожи, что администрация не может это игнорировать. — Сколько раз мне нужно это объяснять? У меня здесь работа, и скандалы, подобные этому, плохо отражаются на мне. — Он указывает на стопку бумаг на столе, а затем откидывается на спинку стула, снимает очки и аккуратно кладёт их на стол.

— Я говорю тебе: в Эверли небезопасно. Рейнджер сказал мне...

— Рейнджер Вудрафф, младший брат Дженики? — уточняет папа, и я киваю, когда он смотрит на меня так, словно я полностью потеряла нить повествования.

— Он говорит, что для меня в Эверли тоже небезопасно, что над Дженикой там так сильно издевались, что их мама умоляла школьный совет Адамсона перевести её сюда. Ты должен быть в состоянии подтвердить это с помощью записей...

— Шарлотта, — произносит папа, поднимаясь на ноги и подходя, чтобы встать рядом со мной. — Ты знаешь, как я отношусь к теориям заговора. Проблема с Дженикой Вудрафф была решена, а затем записи были опечатаны. То, что случилось с этой девушкой десять лет назад, не имеет ничего общего с тем, что происходит сейчас.

— Это... — я вздрагиваю, чувствуя разочарование. — Пожалуйста, не отправляй меня в Эверли. Один раз в этом году мне уже пришлось начинать всё сначала, и я не хочу делать это снова. — Я пытаюсь вложить свои искренние чувства в слова, когда смотрю в лицо отцу.

Он вздыхает и проводит большой рукой по редющим волосам.

— Я беспокоюсь о тебе, Шарлотта. Обвинения, которые ты выдвигаешь в мой адрес, ошеломляют. — Он опускает руку и смотрит на меня с гораздо более мягким выражением лица. — Ты — всё, что у меня есть, и я не смогу смириться, если с тобой что-то произойдет.

— Теперь у меня есть здесь друзья. Благодаря тебе, я практически член этого дурацкого Студенческого совета. — Я драматично закатываю глаза, но... Мне действительно начинает нравиться быть частью Кулинарного клуба. — Я хочу остаться здесь.

Папа снова оглядывает меня и качает головой, отворачиваясь и направляясь обратно к столу.

— Я слышу, что ты говоришь, Шарлотта. — Он снова садится на стул и берёт стакан виски. — Может быть, с моей стороны было неправильно привозить тебя сюда? — он говорит это скорее себе, чем мне, и я стою, затаив дыхание. По крайней мере, у нас больше не будет громкой ссоры. — Ты хочешь, чтобы я позвонил твоей тёте? — наконец он поднимает на меня взгляд. — Или, может быть, родителям Моники?

— Моника и Коди спали вместе, — выпаливаю я, и папины кустистые брови поднимаются вверх. — Я не хочу туда возвращаться. Пожалуйста, позволь мне остаться здесь.

— Если твоя жизнь в опасности... — начинает он, но я подхожу ближе и кладу ладони на стол.

— Тогда звони в полицию. Пригласи их сюда, чтобы они начали расследование. — Папа встречается со мной взглядом, его губы слегка поджимаются.

— Я сделал это, Шарлотта. Я сообщил об инциденте с ножом... петлёй и записками. Нет никаких доказательств каких-либо преступных действий, так что полиция ничего не может сделать. Я даже разговаривал с детективом.

— Они не собираются, по крайней мере, допросить меня и Рейнджера? — спрашиваю я, но папа качает головой. В этом действительно есть что-то подозрительное. Я называю это

полной бессмыслицей.

— Нет, мне очень жаль. — Он смотрит мне прямо в лицо. — Я верю тебе, ты же знаешь это? — я киваю, и он снова вздыхает. — Хорошо. Но ты не можешь здесь оставаться, ты ведь понимаешь это, верно?

— И куда же мне тогда отправиться? — шепчу я, наклоняясь вперёд. Мои очки сползают с носа, так что папино лицо становится немного расплывчатым. — *Пожалуйста.* У нас осталось всего три с половиной месяца до конца учебного года. Я хочу остаться.

Стук в дверь прерывает наш разговор, и папа встаёт со стула, выходит из кабинета, проходит через кухню и направляется к входной двери, чтобы открыть её.

Это... весь Студенческий совет, включая Росса, но Спенсер заметно отсутствует.

— Мистер Карсон, — говорит Черч, коротко кивая. Мой папа отступает назад, чтобы впустить его, и другие парни следуют за ним. Папа выглядит смущённым, когда все входят, но он приглашает их на кухню посидеть вокруг массивного островка.

— Могу я предложить вам, парни, что-нибудь выпить? — спрашивает он, оглядывая комнату. Я думаю, он имеет в виду газировку, или воду, или сок, или что-то в этом роде.

— Я выпью чашечку кофе, если не возражаете, — отвечает Черч, и я закатываю глаза, когда папа приподнимает брови. Он не верит в то, что подростки пьют кофе, но он также просто позволяет мне заниматься своими делами. Тем не менее, всякий раз, когда он видел, как мы с Моникой вальсируем с парой стаканчиков «Старбакс» в руках, он читал нам лекцию о кофеине, развитии мозга и прочем дерьме.

— Обычно я не поощряю студентов выносить академические вопросы на дом, но... Чак упоминал... его крепнущую дружбу с вами, парни.

— Они уже знают, — шепчу я, бросая на папу взгляд. Он поджимает губы и оглядывается на пятерых парней, его внимание переключается с Черча на Рейнджера, а затем на Мику и Тобиаса, которых, я почти уверена, он не в состоянии отличить друг от друга. Он выглядит слегка успокоенным присутствием Росса, как будто, возможно, все мои новые друзья не только сексуальные натуралы.

— Мы хотели прийти сюда и поговорить с вами о вашей дочери, — продолжает Черч, в то время как глаза Рейнджера блуждают по кухне, отмечая каждую мельчайшую деталь. Я предполагаю, что он вёл себя так какое-то время, набираясь навыков в поисках правды о сестре. — Мы хотели бы обратиться к вам с просьбой оставить её зачисленной здесь, в Адамсоне.

— Понятно, — начинает Арчи, но совершенно ясно, что сейчас он настроен чертовски скептически. — И почему это?

Черч улыбается, и это одна из его милых улыбок, никаких признаков сумасшедшего, скрывающегося под ней. Это хорошо. Он знает, как надеть маску, как и все остальные. Это полезный навык, правда ведь?

— Мы считаем, что она является ценным приобретением для Кулинарного клуба, — лжёт Черч, его голос ровный, как правильно взбитое сливочное масло (Рейнджер гордился бы этим упоминанием, если бы всё это не было у меня в голове). — Возможно, у нас действительно есть шанс победить Эверли на конкурсе выпечки в следующем году. — *Верно. Потому что Рейнджер смог бы выиграть его со связанными за спиной руками.* — Кроме того, за последние несколько месяцев мы очень привязались к Шарлотте. Мы обязательно присмотрим за ней. Мы даже подаём петицию в школьный совет с просьбой обеспечить дополнительную безопасность в кампусе.

— Я заметил твою петицию, — отвечает папа, слегка прищурив глаза. Всё ещё явно не полностью в курсе всего этого. — И я собираюсь призвать правление внимательно рассмотреть этот вопрос. На данный момент всё, что я услышал от них в ответ — это общее мнение о том, что они считают кампус достаточно безопасным и что в этом нет необходимости. Я бы не стал слишком рассчитывать на быстрые действия.

Черч кивает, как будто это ожидаемый ответ.

— Мы просто хотели, чтобы вы знали, что мы будем присматривать за Чаком; в наше дежурство ничего не случится.

Папа смотрит на меня прищуренным взглядом, как будто думает, что это я подговорила парней на это. Я поднимаю руки в умиротворяющем жесте и смотрю на него своим лучшим невинным ангельским взглядом. Знаете, это должно сработать, поскольку я действительно не знала о таком повороте событий.

— Это прекрасное отношение, но, к сожалению, я не могу ожидать, что группа студентов будет нести ответственность за физическую безопасность другого человека — особенно после всего, что произошло. Было мило с вашей стороны предложить это раньше, но, честно говоря, весь этот сценарий выходит из-под контроля. И я чувствую беспокойство из-за того, что Шарлотта живет в той комнате общежития в одиночестве. — Мы обмениваемся ещё одним взглядом, но я *правда* не хочу возвращаться сюда. Я хочу иметь своё собственное пространство.

— Поселите её со Спенсером, — говорит Черч, глядя прямо на моего отца со своим лучшим деловым выражением лица. — Его сосед по комнате только что перевёлся за границу.

— Вы хотите, чтобы моя дочь жила в одной комнате с парнем? — сухо спрашивает папа. — И единственным, кого сейчас здесь нет?

— Он не знает, — пожимает плечами Черч. — И это помогло бы продолжать этот фарс. Подумайте об этом. — Он ставит свою уже пустую кофейную чашку на стойку, и в комнате воцаряется тишина.

— Я не знаю, — говорит Арчи, выглядя совершенно измученным. Мне действительно его жаль. Он всего лишь пытается сделать то, что, по его мнению, лучше для меня. — Но я полагаю, мы какое-то время будем действовать по наитию, поскольку Шарлотта следует моим правилам и ходит с сопровождением. Однако, если случится что-то ещё, это станет последней каплей. Я серьёзно: ещё одна записка, ещё одна близкая встреча. Я не собираюсь играть с безопасностью моей дочери.

Моё сердце взволнованно колотится, но я стараюсь не обнадеживаться. К концу недели я могла бы жить на диване у тёти Элизы.

— Если вы меня извините, у меня много работы. — Папа кивает и выходит из комнаты, закрывая за собой дверь кабинета.

— Что вы, ребята, здесь делаете? — шепчу я, когда близнецы сверкают одинаковыми улыбками.

— Оставляем тебя в Адамсоне, вот что, — отвечают они, а затем провожают меня обратно в общежитие... но не раньше, чем сунут мне в руки пару подарков и убедятся, что я в безопасности в своей комнате.

Один из подарков... это охотничий нож с зазубренным лезвием. Просто глядя на это и представляя, как я причиняю кому-то им боль, мне становится дурно, поэтому я быстро перехожу к другому.

Когда я открываю его... Я нахожу член и яйца.

Типа, я даже не шучу.

Это большой, мягкий гибкий член с прикрепленными шариками, похожий на фаллоимитатор, но... вялый.

Я набираю номер Мики, потому что этот подарок просто *кричит* о близнецах МакКарти.

— Почему ты прислал мне вялый член? — спрашиваю я, пытаюсь решить, стоит ли мне рассмеяться или, например, спустить его в унитаз.

Его смешок эхом разносится по всей линии.

— Эм, это называется имитация. Он предназначен для того, чтобы положить его тебе в штаны, чтобы ты могла пройти тест на захват. — В этот момент я хлопаю себя ладонью по лбу. Серьёзно. Но поскольку я держу в руке... имитацию, я врезаюсь лицом прямо в вялый член и яйца.

Если бы только Арчи знал, во что втягивают меня эти парни.

— Хорошо, понятно. Что такое тест на захват? — спрашиваю я, стараясь не рассмеяться. Мика всё ещё смеётся, как будто просто ничего не может с собой поделать.

— В гей-баре нет ничего необычного в том, что чувак хватается барахло другого чувака. Ну, знаешь, чтобы, например, получить понимание того, чем он одарён.

— Это самое тупое дерьмо, которое я когда-либо слышала, — говорю я, размахивая фальшивым членом перед своим лицом. Он болтается, как одна из тех маленьких головок-качалок, которые вы вешаете на приборную панель в машине. — Откуда ты вообще это знаешь? Ты много времени проводишь в гей-барах?

— Росс знает, — отвечает он, и, хотя я его не вижу, клянусь, чувствую, как он ухмыляется двумя этажами ниже. — Многие трансгендерные парни тоже ими пользуются. Они абсолютно законны. Мы просто подумали, что тебе это может понравиться. Ну, знаешь, чтобы сохранить тайну и всё такое.

— Ага, конечно, — говорю я, закатывая глаза. Хотя... Мне может быть, а может и не быть немного любопытно по поводу этой чёртовой штуки. Мне нравится быть девушкой, но... что, если я просто попробую это сделать на секунду? Просто чтобы посмотреть, на что это похоже? — Я чувствую, что это просто ещё один инцидент с паучьей банкой.

— Если тебе это не нужно, отдай его Россу. Ему нравится носить их, чтобы увеличить свой крошечный член. Веселись, Шарлотта, и, если ты его наденешь, мы никому не скажем. — Мика вешает трубку, а затем сразу же отправляет мне несколько неуместных гифок, которые я игнорирую.

Я откладываю телефон в сторону и прикусываю нижнюю губу.

— Ладно, к чёрту всё, я одна. — Я встаю и снимаю брюки, отбрасывая их в сторону, делаю глубокий вдох, а затем засовываю эту дурацкую гибкую штуку в трусики. — Хм. — Я отворачиваюсь в сторону и люблюсь своей новой выпуклостью. Выглядит довольно реалистично. Ну, не то чтобы у меня был большой опыт обращения с членами, но всё же. — Неплохо, *Чак*. — Я немного одобрительно сжимаю себя, когда телефон начинает жужжать, и хватаю его с пола.

Это просто Тобиас, отправляющий ещё больше гифок с членами в мой телефон.

— Лицо в гандоне, — ворчу я, швыряя телефон на кровать. Он ударяется как раз под нужным углом, отскакивая за изголовье кровати. Вздохнув, я поднимаюсь вслед за ним, мой блейзер свободно свисает с плеч, моя задница высоко поднята, когда я шарю вокруг в

поисках телефона. Мой дурацкий галстук закрывает мне рот и нос, душит меня, поэтому я кусаю его, чтобы убрать с дороги, одной рукой держась за кровать для равновесия, а другой цепляясь за спинку кровати.

Позади меня раздаётся звук, как будто кто-то поворачивает дверную ручку, и я оглядываюсь назад, искра страха пронзает меня, когда я задаюсь вопросом, вернулись ли мои нападавшие.

Но потом она распахивается, и появляется Спенсер.

Там. Спенсер.

Его бирюзовые глаза так расширяются, что, клянусь богом, кажется, они вот-вот выскочат из орбит. Поскольку я оглядываюсь на него, то вижу своё отражение в зеркале рядом с дверью. Вот она я, согнутая, с галстуком во рту, видны мои трусики в бело-голубую полоску и большая сочная выпуклость там, где её быть не должно.

— С-с-срань господня, — бормочет он, заходя внутрь и прислоняясь спиной к двери, чтобы закрыть её. Он изучает меня с таким сильным голодом, который просто парализует меня ещё больше. Клянусь, я едва могу пошевелиться. — Чак, чёрт побери. — Спенсер наклоняется, как будто пытается прикрыть свою растущую выпуклость.

Я выплёвываю галстук изо рта и поворачиваюсь, хватая горсть одеял и натягивая их себе на колени.

— Что ты делаешь, вламываясь в мою комнату?! — я кричу, дрожа от избытка адреналина. Имею в виду, я рада, что это Спенсер, а не какой-нибудь сумасшедший убийца, но всё же. Он не имеет права.

— О, Чак, — снова произносит он низким мурлыкающим голосом. — Я всерьёз начал снова сомневаться в себе, но... ты такой чертовски красивый. На данный момент мне всё равно, гей я, би или просто сбитый с толку гетеросексуальный мудака, но... Я хочу тебя.

— Ты что, издеваешься надо мной?! — я едва могу дышать, когда он входит в комнату, забирается на край моей кровати, его вес вдавливается в матрас, и наши тела сближаются. — Убирайся из моей комнаты. — Мой голос превращается в едва слышный шёпот, когда Спенсер наклоняется ближе ко мне.

— Я просто пытался убедиться, что твоя дверь защищена от взлома. Кстати, это не так. — Он наклоняется чуть ближе, и я вдыхаю его аромат кедра и иссопа, отчего по моим рукам и ногам пробегают мурашки. — Я мог бы починить её для тебя...

— Тогда почини её, — огрызаюсь, но сейчас я дрожу, и клянусь, если он не поцелует меня, я умру.

— Ты хотел бы, чтобы я ещё что-нибудь сделал, пока я здесь? — шепчет он, его полные губы манят меня. Прежде чем я успеваю одуматься, я наклоняюсь и прикасаюсь нашими губами друг к другу.

Спенсер издаёт низкий, грязный животный рык, а затем наклоняется вперёд, скользя языком между моими губами, его правая рука ласкает моё бедро. Не сразу понятно, что он делает, пока он не прижимает к себе моё фальшивое барахло через одеяло, и я случайно смеюсь.

— Что? — спрашивает он, слегка откидываясь назад. Думаю, я прошла тест на хватание, потому что он, кажется, не замечает, что мои, гм, шары ненастоящие. — Тебе это не нравится? Или, может быть, я тебе не нравлюсь?

— О, ты мне нравишься, — шепчу я, но затем протягиваю руку и отталкиваю его на шаг назад. — Просто... Всё сложно.

«Скажи ему сейчас же!» — логичная часть меня что-то бормочет, но мои щёки вспыхивают, и что ж... учитывая то, как он смотрит на меня, и твёрдую выпуклость в его брюках, я просто не могу. Если я это сделаю, мы можем в конечном итоге... Тьфу.

— Итак... ты вломился в мою комнату, чтобы защитить меня?

— Если я могу это сделать, то и эти уроды в толстовках смогут, — говорит он, подходя к двери и поднимая выброшенную сумку, которую он, должно быть, уронил. Наверное, я была так занята, беспокоясь о своей заднице в воздухе, что не заметила этого. — Дай-ка я подкреплю её. — Он поднимает пакет, чертыхается, а затем принимается за работу... с гигантским стояком в штанах.

— Это больно? Или, может, приятно, когда он трётся о твои штаны? — спрашиваю я, и он замолкает, глядя на меня прекрасными яркими глазами, пряди серебристых волос падают ему на лоб.

— А? — спрашивает он, слегка склонив голову набок. Он серьёзно смотрит на меня, как на инопланетянку. Потом я вспоминаю, что должна быть парнем, и это довольно глупый вопрос. Это всё равно что спросить девушку, не болит ли у неё в месячные. Ха. Ха-х-аха. Да. Мы все знаем, что болит.

— Я имею в виду, что мне это приятно, так что... — я подстраховываюсь, зная, что полностью всё испортила. Я чувствую себя Стивом Кареллом в «40-летней девственнице», когда он говорит другим парням, что сиськи на ощупь как мешки с песком.

— Тебе *нравится* иметь гигантский, бесполезный стояк? — Спенсер задыхается. Он достаёт отвёртку и начинает раскручивать мой замок, оглядываясь через плечо, как будто пытается меня раскусить. — Ты действительно чудак, не так ли, Чак Карсон?

— Может быть, — начинаю я, но, по крайней мере, он «увидел» доказательство моего, э-э, члена, так что он не будет так склонен подвергать всё сомнению. Хотя Рейнджер прав: в конце концов, мне придётся ему рассказать. Только не сейчас. Ещё нет. — Может быть, ты мог бы отвернуться, чтобы я мог снова надеть штаны?

Спенсер прищуривает глаза, но делает, как я прошу, ожидая, пока я не дам ему понять, что всё в порядке, прежде чем он обернётся. Он засовывает руки в карманы и смотрит на меня с выражением наполовину желания, наполовину разочарования.

— Я не уверен, что когда-нибудь смогу выбросить из головы твой образ, приподнятую задницу, галстук во рту... — он вздыхает и протягивает руку, чтобы провести ею по лицу. Прижимая ладонь к губам и глядя на меня поверх неё. — Почти уверен, что это самое сексуальное, что я когда-либо видел в своей жизни. Я просто... типа, может быть, я буду волноваться из-за этого члена, но, думаю, я не узнаю, пока не попробую.

Мои губы изгибаются в лёгкой улыбке.

— Ты слишком милый, — бормочу я, ухмыляясь и заправляя прядь волос за ухо. Мои очки съезжают с носа, и Спенсер протягивает руку, чтобы поправить их для меня.

— Как так? — спрашивает он, и в его голосе звучит лёгкое подозрение.

— Ты готов выйти за пределы своей зоны комфорта. Многие парни, вероятно, набросились бы на меня, потому что им было неудобно за свои собственные чувства. Но только не ты. — Спенсер слушает, что я говорю, а затем его рот изгибается в лукавой полуулыбке.

— Наверное. Значит ли это, что ты готов пойти со мной на свидание?

Я прикусываю нижнюю губу и отвожу глаза в сторону, глядя куда угодно, только не на него.

— Я... спроси меня на следующей неделе, — отвечаю я, поворачиваясь к нему и выдыхая. Нахуй. Я просто выберу день наугад и скажу ему. Но где-нибудь на публике. Спенсер удивлённо поднимает бровь, но отворачивается и заканчивает работу над дверью, пока я сижу на кровати и наблюдаю.

— Я собираюсь убедить тебя в этом, Карсон, — бормочет он, и я улыбаюсь. Хорошо. Я надеюсь, что он это сделает.

Я перевожу разговор в более безопасное русло — например, о планах на весенние каникулы — пока Спенсер не объявляет о завершении работы. Он установил металлическую накладку, засов, цепочку и совершенно новые замки, а также дверной стопор.

— Даже самому лучшему вору придётся прорезать дыру в этой двери, чтобы проникнуть внутрь, — говорит он мне, затем проверяет окно и добавляет к нему несколько замков. Это не так важно, поскольку мы находимся на седьмом этаже, но в любом случае я чувствую себя лучше. — Если тебе нужно в туалет, напиши кому-нибудь из нас. Мы будем заниматься этим посменно.

— Спасибо, — говорю я, когда Спенсер берёт свою сумку и бросает на меня взгляд.

— За что? — спрашивает он, останавливаясь на пути к двери.

— За то, что защищаешь меня, — говорю я ему, выталкивая его наружу и закрывая дверь почти полностью. — И за то, что... ждёшь, чтобы пригласить меня на свидание. — Мы обмениваемся долгим, томительным взглядом, прежде чем я закрываю и запираю дверь, слушая, как Спенсер возится с ней снаружи.

Я почти перезваниваю ему.

Но если бы я это сделала... Я не уверена, что произошло бы между нами, знаю только, что это было бы пикантно и дико, и я не уверена, что готова к этому. Ещё нет.

Следующие несколько недель проходят довольно тихо, вплоть до того момента, когда всё это превращается в настоящую большую игру. Иногда мы слоняемся по кампусу, исследуя потайные места, о которых, кажется, знает только Спенсер, и пробуем золотой ключик к любому замку, который можем найти.

Больше никаких записок, никаких погонь, только встречи Кулинарного клуба и тусовки со Студенческим советом. На самом деле они... не так уж плохи. Я думаю, они могли бы мне *понравиться*.

Через несколько недель после начала марта я получаю ответ от одного из одноклассников Дженики.

— Ребята, — шепчу я, внезапно вставая со стула в углу Кулинарного класса. — У нас хит! — Рейнджер пересекает комнату в белом фартуке с винтажным клубничным принтом, выхватывает телефон у меня из рук и просматривает сообщение. Всё довольно просто: *да, я знал Дженику. И конечно, у меня есть ежегодник. Что вам нужно?*

Рейнджер поднимает взгляд, облизывая губы.

— Отправишь им ответное сообщение? — спрашивает он, и я киваю. Вскоре начинают поступать фотографии, все фотографии со страниц старого ежегодника. Дженика снята на многих из них. На *многих*.

— Твоя сестра была довольно популярна, да? — спрашиваю я, глядя на её улыбающееся лицо, её глаза и волосы, настолько похожие на волосы Рейнджера, что невозможно было бы не заметить фамильное сходство. Это групповой снимок Кулинарного клуба, президентом которого является Дженика. У неё на шее... есть ключ.

— Это серебряный ключ, верно? — спрашиваю я Рейнджера, постукивая по экрану телефона. Другие парни собрались позади нас. — Тот, который у тебя уже был? — он кивает, и я продолжаю просматривать фотографии. Вот её классная фотография, единственное женское лицо среди всех этих парней.

Примерно на полпути мы находим её фотографию, на которой она обнимает мистера Мерфи. Только... мистер Мерфи одет в форму.

— Мистер Мерфи учился здесь? — спрашиваю я, и Черч отвечает, всё ещё держа в руках чашку кофе.

— Большинство сотрудников — выпускники. Я бы сказал, добрых семьдесят пять процентов из них. — Он делает ещё один глоток, пока мы все смотрим на фотографию.

— Они встречались? — спрашиваю я, но Рейнджер бросает на меня действительно странный взгляд, как будто я сошла с ума.

— Нет, определённо нет. Она встречалась со своим другом детства Риком.

— Насколько тебе известно, — говорю я ему, одаривая его взглядом, который говорит: *Я девушка, поверь мне, я знаю эти вещи.* — То, как они обнимают друг друга, выходит далеко за рамки обычного. Ты не обнимаешь кого-то так, если он тебе не нравится.

— Итак... ты говоришь, что нам нужно надрать задницу мистеру Мерфи? — спрашивают близнецы в унисон, но я смотрю на них.

— Нет, нам нужно с ним *поговорить*, — объясняю я, и они оба разочарованно морщатся. — На самом деле, позвольте мне это сделать. Завтра у меня тест на пригодность, от которого я освобождён. Это даст мне минуту, чтобы поговорить с ним наедине.

— Что ты собираешься сказать? — спрашивает Спенсер, пока я продолжаю листать фотографии. Парень, который прислал нам сообщение, сообщает, что это всё, что у него есть, но пишет, что, если у нас возникнут какие-либо вопросы, дать ему знать. Я планирую допросить его позже. А пока я просто сосредоточусь на мистере Мерфи.

— Не уверен, но я разберусь с этим; у меня впереди вся ночь.

— Хорошо, тогда вернёмся к готовке? — спрашивает Тобиас, и я киваю, поворачиваясь как раз вовремя, чтобы получить кексом в лицо от Мики.

— Ты... грёбаная свинья в заднице! — кричу я, и, хотя к тому времени, когда я заканчиваю свою месть, на кухне царит полный бардак, мне удаётся запустить ему прямо в лицо пирогом с заварным кремом.

В любви и на войне все средства хороши.

Тест на физическую подготовку проводится с восьми утра примерно до полудня. Конечно, я единственный ученик во всей школе, который освобождён от этого.

Это *совсем* не выделяет меня из толпы.

— Эй, Карсон, — окликает Юджин, швыряя мне в лицо спортивный бандаж, когда я направляюсь по коридору. — Приятно видеть, что быть сыном директора даёт так много преимуществ. — *Грёбанный ублюдок.* Я показываю ему средний палец, но это в значительной степени всё, что я могу сделать прямо сейчас. За ним стоят шестеро его верных друзей-футболистов. Они смогли бы надрать мне задницу даже во сне.

В данный момент я направляюсь в библиотеку. Вот где я должна быть весь день, но сначала собираюсь перехватить мистера Мерфи и отвести его в сторонку, чтобы поговорить.

Поскольку весь класс третьего курса находится за пределами спортзала, большинство администраторов находятся под присмотром, но им особо нечего делать, кроме как слоняться без дела, пока преподаватели по здоровью и фитнесу проводят само тестирование.

Я проскальзываю в боковую дверь и оглядываюсь в поисках Лайонела Мерфи (я знаю, имя забавное, я тоже так подумала) и его копны песочно-светлых волос. Его нетрудно заметить, он сидит на краю трибуны и работает над какими-то бумагами, в то время как пара учителей физкультуры открывают главные двери и начинают загонять учеников в раздевалку.

Это немного средневеково, вся эта чепуха с тестами на пригодность. С другой стороны, просто подумайте о том, где мы сейчас находимся: Академия Адамсона для *парней*. Конечно, будут применяться некоторые, э-э, устаревшие методы.

— Мистер Мерфи? — начинаю я, останавливаясь рядом с ним. Он поднимает взгляд и нацепляет на лицо эту смехотворно красивую улыбку.

— Мистер Карсон. Как вы?

— Я в порядке, — отвечаю я, садясь рядом с ним и размышляя, как лучше всего это сделать. Есть причина, по которой я предложила быть той, кто сделает это. Рейнджер слишком агрессивен, Спенсер слишком непредсказуем, а близнецы... ну, это может быть немного чересчур. Черч, может, и подошёл бы, но на самом деле у него всего два выключателя. Он *очень* заботится о Рейнджере, так что, если мистер Мерфи скажет что-нибудь не то... — Вообще-то, я хотел спросить, могу ли я с вами кое о чём поговорить?

— Абсолютно, — отвечает он, откладывая бумаги в сторону и поворачиваясь, чтобы уделить мне всё своё внимание. — Это что-то личное? Не хотели бы вы пройти в мой кабинет, чтобы обсудить это?

Я на мгновение задумываюсь, но потом... что, если мистер Мерфи был тем парнем с

ножом? Я имею в виду, он кажется милым и всё такое, но я пытаюсь вспомнить, что сказал Черч. *«Психопаты не испытывают человеческих эмоций как таковых, но чрезвычайно искусны в их имитации»*. Вероятно, будет безопаснее, если я не пойду в его офис.

— Нет, всё хорошо, — начинаю я, оглядываясь и обнаруживая, что члены Студенческого совета наблюдают за мной, пока они направляются в раздевалку. Я смотрю на них всего секунду, прежде чем снова повернуться к мистеру Мерфи.

— Что бы это ни было, я — открытая книга, — говорит он мне, устраиваясь ждать. Я на мгновение встречаюсь взглядом с его голубыми глазами, а затем выдыхаю, достаю телефон из сумки и выбираю фотографию, на которой он обнимает Дженику Вудрафф.

Когда я показываю её ему... он как будто увидел привидение. Краска отхлынула от его лица, и он переключил внимание с экрана моего телефона на моё лицо.

— Что это? — спрашивает он, как будто не имеет ни малейшего понятия.

— Сестра Рейнджера Вудраффа, Дженика, и вы. Вы были милой парой, — добавляю я, закидывая удочку, чтобы посмотреть, купится ли он на это. Судя по тому, как он гримасничает, думаю, что так оно и есть.

— Мне жаль, но я не могу обсуждать что-либо, касающееся дела Дженики Вудрафф, не потеряв при этом работу. Если вы меня извините. — Мистер Мерфи встаёт, и я следую за ним, плетясь, когда он направляется в сторону раздевалки.

— Но вы встречались, верно? — спрашиваю я, но он ничего не говорит, продолжая идти вперёд быстрым шагом. Мне приходится почти бежать трусцой, чтобы не отставать. — Это всё, что мы хотим знать. Никто не будет говорить о ней. Вам не показалось странным, что она стала жертвы самоубийства? Ведь не было расследования убийства.

— Извините, мистер Карсон, я должен идти. — Мистер Мерфи заходит в угловой кабинет, фактически закрывая дверь у меня перед носом. Затем он немедленно закрывает жалюзи и отгораживается от меня.

Вау.

Просто... вау.

Выругавшись себе под нос, я поворачиваюсь и направляюсь к главным дверям, быстрым шагом пересекая тренажёрный зал.

— Ладно, идём, — говорит один из учителей физкультуры, хватая меня за руку и тащит в раздевалку. — У нас в запасе не весь день. Поверь мне, никто из нас не ждёт этого с нетерпением, так что давай поскорее покончим с этим, хорошо?

— Я освобождён от теста, — выпаливаю я в панике, когда он плечом прокладывает себе путь через двойные двери. — Я Чак Карсон, сын директора.

— Никто не освобождён от прохождения теста на физическую подготовку, — говорит мужчина — я даже не знаю его имени, потому что не хожу на физкультуру — и отправляет меня в море... членов.

Так... много. Членов.

Члены всех форм, размеров и цветов.

— О, боже мой, — задыхаюсь я, когда учитель извиняется, оставляя меня в ловушке кошмара о размерах пенисов. Я имею в виду эпические масштабы. Эпически ужасающий.

Я интересуюсь парнями так же сильно, как и любая другая натуралка, но... хм. Здесь определённо слишком много разнообразных членов, чтобы быть чем-то иным, кроме как ужасающим.

Мои глаза останавливаются на особенно большом члене как раз перед тем, как

скользнуть вверх к знакомому лицу.

— Привет, Чак, — говорит Спенсер, стягивая штаны, а затем переодеваясь в шорты. Он зеваает и потягивается, оглядывая меня с головы до ног. — Я думал, тебя освободили от этого дерьма?

Я поворачиваюсь и пытаюсь убежать, но двери заперты.

— Ты должен выйти через выход с другой стороны. Они запирают эти двери во время теста, чтобы сохранить конфиденциальность, пока другие студенты находятся в спортзале. — Он склоняет голову набок. — Ты знаешь, у них есть эти штуки с экраном, но мы все должны пойти туда и измерить наш рост и вес, пощупать наши яйца. Медосмотр — отстой.

— Спенсер, выведи меня отсюда, — выдавливаю я, оборачиваясь и видя, что он смотрит на меня в замешательстве. Серьёзно, в этой комнате так много «сосисок». Так, так, так, так много. — Пожалуйста. У меня кружится голова.

Он приподнимает бровь, но кивает и жестом приглашает меня следовать за ним.

— Тебе понравилось то, что ты увидела? — мурлычет он, но я игнорирую его, пробираясь сквозь толпу к боковой двери. — Или это было... эффектно. Бьюсь об заклад, тебе показалось, что это было эффектно, да?

— Просто заткнись и *двигайся*. Я неважно себя чувствую. — Не совсем ложь. Я проснулась с судорогами, головной болью и окровавленными простынями. Я ненавижу, когда у меня месячные. Обеими руками я нажимаю на дверную ручку и выскальзываю наружу.

— Чак! — кричит Спенсер, выскакивая вслед за мной. — У тебя идёт кровь. — Её глаза расширяются, когда он указывает на мои брюки.

Ой.

О, нет.

Нет, нет, нет, нет, нет.

Я смотрю вниз и вижу это: худший кошмар каждой девушки.

— Что за хрень? — Спенсер задыхается. — Ты в порядке?

— Я в порядке. Я просто... Со мной всё будет хорошо. Иди пройди дурацкий фитнес-тест. — Я пытаюсь отодвинуться, но Спенсер хватает меня за руку. Сейчас он выглядит смертельно серьёзным, а ещё похоже, что начинает немного злиться.

— Чувак, у тебя обильное кровотечение. Типа, это пугающее количество крови. Позволь мне отвести тебя в кабинет медсестры. — Я стискиваю зубы и пытаюсь понять, что он беспокоится обо мне. Это мило, это действительно так. Это просто... Мне не нужно, чтобы какой-то парень говорил мне, сколько здесь крови. Я полностью понимаю это.

— Пожалуйста, отпусти меня. Я обещаю, что позабочусь об этом.

Глаза Спенсера сужаются, и он стискивает зубы. Блядь. Я вижу, что сейчас он упирается изо всех сил. Это подводит к разговору, к которому я ещё не была готова.

— Спенсер, — повторяю я, вздыхая и закрывая глаза. Я ёрзаю, и немного крови стекает по моей ноге и капает на пол. Я имею в виду, у меня и раньше были подобные тяжёлые месячные, и я не беспокоюсь, но почему это должно происходить прямо здесь, на глазах у симпатичного парня, который мне нравится?! Теперь он смотрит на это крошечное ярко-красное пятнышко так, словно боится, что я сейчас упаду и умру. Я достаю из сумки влажную салфетку и вытираю её. — Пожалуйста, вернись в спортзал и позволь мне разобраться с этим.

— У тебя был такой вид, словно ты вот-вот потеряешь сознание. Блядь, ты до сих пор так выглядишь.

— Я выглядел так, будто вот-вот упаду в обморок, потому что никогда в жизни не видел столько голых членов, — выдавливаю я, и он забавно смотрит на меня. Типа, реально забавно. Как будто, может быть, впервые до него что-то начинает доходить.

— Но ты гей? — уклоняется он, прищуривая свои бирюзовые глаза, и я вздыхаю.

— Не все геи видят тонны членов, Спенсер. А теперь, пожалуйста. Отпусти меня.

— Только не тогда, когда у тебя такое кровотечение. — Он подхватывает меня на руки, прежде чем я успеваю запротестовать, и направляется в сторону кабинета медсестры. Я серьёзно нахожусь на полпути между желанием ударить его... и ожиданием, может быть, поцелуя.

— Спенсер... — я вздрагиваю, когда он продолжает идти, по-видимому, решив не обращать на меня внимания. — Мне нужно тебе кое-что сказать. — Моё сердце бешено колотится, и я чувствую тошноту в животе. Кроме того, мне действительно нужен тампон. Или менструальная чаша. Или, серьёзно, принять душ. — Пожалуйста, опусти меня, чтобы я мог с тобой поговорить.

— Ты сможешь поговорить со мной после того, как мы остановим кровотечение. Ты порезался или что-то подобное?

— Спенсер, всё, что мне нужно — это тампон, чтобы остановить кровотечение.

Его лицо морщится.

— Зачем тебе понадобился...

Он останавливается. Просто останавливается. Замирает. Его руки крепче обхватывают меня. Его бирюзовые глаза скользят по моим, и на его лице появляется выражение ужаса.

— Я собиралась рассказать тебе на этой неделе. Я имею в виду, именно поэтому я попросила тебя пригласить меня на свидание в конце, чтобы у меня было время...

— К чему ты клонишь? — шепчет он, осторожно опуская меня на землю и отступая назад. Его кремовая спортивная футболка прилипает к потной коже, подчеркивая каждую красивую мышцу под ней. Я вижу, как сильно бьётся пульс у него на горле.

Я отвожу взгляд и на мгновение закрываю глаза, чтобы собраться с мыслями. Я знала, что ему будет труднее всего рассказать об этом. Я так и знала.

Когда я оглядываюсь назад, Спенсер всё ещё смотрит на меня так, словно не может или не хочет разобраться в этом самостоятельно. Мне придётся объяснять ему по буквам.

— Спенсер, я... Я девушка.

Его ноздри раздуваются, и мы просто стоим и смотрим друг на друга.

— Нет, — говорит он, но я киваю головой.

— Да. У меня... месячные. — Мои щёки вспыхивают, и он отступает от меня на шаг, как будто в ужасе. Надеюсь, не из-за моего цикла. Я имею в виду, это некрасиво, но это естественно и нормально. — Вот из-за чего кровотечение. Я в порядке. Я просто... не мог бы ты проводить меня обратно в общежитие?

— Ты не девушка; я видел твой член. — Спенсер непреклонен в этом. Мои щёки вспыхивают ещё ярче, и я чувствую странное желание просто свернуться калачиком в его объятиях. Этого никогда не случится. Сексуальная химия не создаёт отношений. Мы никто друг для друга, фактически незнакомцы.

— Это был поддельный пенис, имитация, — шепчу я, и его глаза становятся ещё шире. Медленно я протягиваю руку и расстёгиваю верхние пуговицы на своей рубашке, чтобы он

мог увидеть белую ленту, которой перетянута моя грудь. — Я использовала их, чтобы скрыть свою грудь.

— Твою мать, — выдыхает Спенсер, отворачиваясь и кладя руку на стену. — Обалдеть, чёрт возьми, нихрена себе. — Капелька пота стекает с его лба на пол, когда он наклоняется и делает несколько глубоких вдохов. — Я ведь не гей, не так ли?

— Ну, точно не из-за того, что тебя влечёт ко мне, — начинаю я, не зная, с чего начать. — Думаю, у нас просто, может быть, есть что-то вроде физической химии или что-то в этом роде? — Спенсер смотрит на меня в ответ с таким чистым выражением на лице, которого я никогда раньше не видела. Это почти... *нежно*.

— Ты девушка, — повторяет он, и я киваю, с трудом сглатывая.

— Меня зовут Шарлотта, — говорю я ему, — но ты всё равно можешь называть меня Чак, если хочешь. Близнецы так и делают.

Глаза Спенсера расширяются, и это нежное выражение разламывается пополам, как с ударом молнии, разрушающим выражение его лица. Он проводит пальцами по своим серебристым волосам.

— Близнецы знают? — спрашивает он ледяным голосом.

— Они сами во всём разобрались, я им не говорила. И Рейнджеру, и Черчу тоже. Всё это просто как-то... случилось.

— Рейнджер и Черч знают? — повторяет он, его бирюзовые глаза темнеют, когда он смотрит на меня так, словно я только что пнула его по яйцам.

— Они знают... и Росс тоже, — шепчу я, потому что, если быть честной, то с таким же успехом я могла бы пойти до конца.

— Росс знает?! — ревет Спенсер, а затем ударяет кулаком по шкафчику с такой силой, что на нём остаётся вмятина. Костяшки его пальцев кровоточат, но, когда я пытаюсь схватить его за руку, он отдёргивается от меня с выражением боли и предательства на лице. — Ты солгала мне, — выплёвывает он с явным отвращением. — Как ты могла позволить мне сидеть там и вести себя как идиот перед всеми остальными? Как ты могла?

Моя челюсть сжимается.

— Дело не только в тебе. Дженика была единственной девочкой, которая когда-либо посещала эту школу, и теперь она мертва. Я тоже не хотела, чтобы всё закончилось таким образом.

— Ты могла бы сказать мне, — говорит он, указывая на себя. — Я... Я... — часть его гнева исчезает, и на его лице появляется это болезненное выражение вины. — Я швырнул тебя о дерево, я причинил тебе боль. Чёрт, я пытался избить тебя, и всё это время ты была...

— Может быть, это урок о том, что насилие неприемлемо по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола? — шепчу я, но Спенсер меня не слушает. В нём так много гнева и вины, которые сливаются воедино в идеальный шторм.

— Мы могли бы стать кем-то большим, *Шарлотта*, — говорит он, глядя на меня с такой болью, что у меня слезятся глаза. — Но я ненавижу, когда мне лгут. Я ненавижу это. Спроси кого угодно. А парни... как они могли?

Тобиас и Мика появляются из-за угла, оба тяжело дыша, подбегают к нам трусцой в своей спортивной одежде. Они оба одеты в шорты, которые подчёркивают их мускулистые ноги. Трудно не пялиться, но, с другой стороны, я так потрясена этой проблемой со Спенсером, что волнение быстро проходит.

— Что происходит? — спрашивают они вместе, и Спенсер насмехается над ними.

— Вы грёбаные ублюдки, — говорит он, кружа вокруг них, как акула. Близнецы внимательно наблюдают за ним, зелёные глаза сдержанны. — Как давно вы знаете?

Мика и Тобиас обмениваются взглядами, а затем поворачиваются ко мне. Я едва заметно киваю, но они это видят.

— Некоторое время, — осторожно говорит Тобиас, — но я сам догадался об этом на Хэллоуин. Потом я рассказал Мике, и мы последовали за Шарлоттой в город, чтобы убедиться сами. Она не говорила нам об этом лично. Ты единственный, с кем она хотела поговорить по-особому.

Тпру.

Эй, эй, эй.

Тобиас... ревнует?

Я сейчас в таком замешательстве.

— Верно, — рычит Спенсер, поворачиваясь, когда Рейнджер и Черч оба направляются к нам по коридору. — Нет, даже не думайте. Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать извинения. Вы все лгали мне, хотя *знали*, что я ненавижу, когда мне лгут больше всего на свете. Больше, чем блять *что угодно*. — Он качает головой и поднимает руки вверх, когда Рейнджер пытается сделать шаг к нему.

— Спенсер, речь шла не о том, чтобы солгать тебе. Я сказал Шарлотте, что она должна была рассказать тебе, но это должно было быть на её собственных условиях. Кто-то пытался *убить* её, чувак. Не всё касается только тебя.

Спенсер усмехается и качает головой, упирая руки в бока и закрывая глаза, когда он смотрит в пол.

— Верно, — шепчет он с низким, мрачным смешком. — Потому что вы, ребята, недостаточно доверяете мне, чтобы думать, что я буду там, чтобы помочь, что я попытаюсь уберечь её. — Тон его голоса, он убивает меня. Как мне сказать ему, что ему было труднее всего говорить правду, потому что между нами так много всего, так много химии и желания.

Но я не могу сказать этого вслух. Я просто... у меня перехватывает горло, как будто я не могу дышать.

— Ты же знаешь, что это не так, — говорит Черч, держа в руках бутылку с водой... там что, кофе со льдом?! Он пытается приблизиться к Спенсеру, но у него ничего не получается.

— Да, конечно. Знаешь что? Я просто... — он снова бросает на меня взгляд, тяжело вздыхая. — Мне нужно пространство. Абсолютное пространство прямо сейчас. Я заставлю себя исчезнуть на день или два; не ищите меня. Вы не найдёте меня, даже если попытаетесь.

Он убегает по коридору, и я двигаюсь следом, но тут так много крови.

— Не мог бы кто-нибудь, пожалуйста, проводить меня обратно в общежитие? — шепчу я. Мне хочется плакать, хотя в первую очередь причиной этой ситуации были мои собственные колебания. Мой год в Адамсоне прошёл совсем не так, как я себе представляла. Всё оказалось и лучше, и хуже, чем я ожидала, и у нас вот-вот начнутся весенние каникулы.

Иисусе.

— Мы отведём тебя обратно, — говорят близнецы, когда Рейнджер смотрит вслед Спенсеру, словно раздумывая, не пойти ли за ним. И Черч тоже. Но потом оба вместо этого поворачиваются ко мне.

— Какая неудачная череда событий, — произносит Черч, отвинчивая крышку бутылки и делая глоток того, что, как я теперь уверена, является кофе со льдом. — Ну, в конце концов, это должно было случиться. — Он смотрит на меня своими янтарными глазами. — Он не

сердится из-за твоей личности. Я уверен, что он больше разозлился на нас. Я бы не стал беспокоиться об этом.

— С ним всё будет в порядке? — спрашиваю я, и Черч кивает.

— Он знает этот кампус лучше, чем сторож или уборщица. Вы двое закончили с медосмотром? — близнецы показывают Черчу пару больших пальцев. — Отведите Шарлотту обратно в общежитие, и мы увидимся там позже. Нет смысла пытаться найти Спенсера; он вернётся, когда будет готов.

Я неохотно киваю, но что я могу сделать? Я ни хрена не знаю о планировке кампуса. На самом деле, даже в хороший день я едва не блуждаю здесь в трёх соснах. Кроме того, у меня довольно сильное кровотечение.

— Ты можешь идти? — спрашивает Мика, и я одариваю его самым мрачным выражением лица, какое только известно женщине. Мои глаза сузились до щелочек, и над моей головой, вероятно, бушуют грозовые тучи.

— У меня месячные, у меня нет раздробленного таза. Такие типичные мысли для мужчины. — Я усмехаюсь и направляюсь по коридору так быстро, как только могу, близнецы плетутся за мной по пятам.

Но я не могу перестать думать о Спенсере, особенно когда, сразу после того, как мы заходим внутрь, начинает лить дождь.

Бедный *грёбаный* Спенсер.

Позже Черч поднимается ко мне в комнату с грелкой, несколькими обезболивающими таблетками и плиткой шоколада. Я вам не вру.

— Не слишком ли банально? — шепчу я, но на самом деле краснею и бесконечно благодарна. Мои судороги убивают меня, а кому не нравится, когда о нём время от времени заботятся?

Я просто не думала, что это сделает Черч Монтегю, президент Студенческого совета Академии Адамсона для парней.

— Я прочитал статью, в которой говорится, что шоколад помогает от судорог, — говорит он мне, входя в комнату и хмуро глядя в открытое окно. На улице проливной дождь, но мне нужно подышать свежим воздухом. Я просто так переживаю из-за Спенсера и из-за того, что произошло. Это не то, чего я хотела. Чёрт, это было последнее, чего я хотела. — Ты знаешь, что ещё лечит судороги? — спрашивает он совершенно ледяным и невозмутимым тоном.

Я вздыхаю.

— Заинтриговал: что же?

Черч улыбается так жизнерадостно, что вся комната озаряется солнечными лучами.

— Секс. — Он гладит меня по голове, когда я стону, а затем с долгим вздохом отворачивается к окну. — Не беспокойся об этом идиоте. Он не гуляет под дождём и не мёрзнет, если ты об этом думаешь. Он любит уединяться в десятом домике, когда ему нужно пространство. Он искренне верит, что мы не знаем, что это его место, но мы все знаем.

— Десятый домик? Как один из домиков для персонала? — Черч кивает, а затем поворачивается обратно ко мне, его губы изгибаются в чувственной ухмылке.

— Я не шутил насчёт секса. Позвони мне, если передумаешь.

— Убирайся. — Я выталкиваю его из своей комнаты, а затем запираю дверь на все удивительные дополнения Спенсера.

В конце концов, я засыпаю, но, когда просыпаюсь через несколько часов, это происходит из-за сильных судорог.

— Чёртовы дурацкие месячные, — стону я, встаю и несусь в ванную, чтобы достать тампон. Разве это не забавно — иметь дело со всей этой фигнёй с месячными в туалете для парней в школе для парней? Я скажу вам, как это весело: это *отстой*.

Затем я забираюсь в душ, переключаясь на ванну, чтобы хорошенько вымыться.

Там так спокойно, играет классическая музыка, красивые мраморные стены и пол. Пахнет мной и Черчем, как сиренево-розмариновый шампунь, который нам обоим нравится.

Мои губы изгибаются в улыбке, когда глаза закрываются, а голова откидывается на мягкую подушку для ванны, прикреплённую к её задней стенке. Она тоже совершенно новая. Они хранят их в чистом виде в шкафу для студентов.

Мой разум отключается, представляя сотню различных сценариев между мной и Спенсером. Могли бы мы, возможно, встретиться? На что бы это было похоже, если бы вокруг были все остальные ребята из Студенческого совета?

С другой стороны, я бы солгала, если бы сказала, что Спенсер был моей единственной страстью в Академии Адамсона.

Звук открывающейся двери ванной заставляет меня остановиться, и я понимаю, что,

возможно, мне следовало позвать сюда кого-нибудь из парней, чтобы он остался со мной, пока я принимаю ванну. Но... Я истекала кровью и на самом деле не *хотела*, чтобы они были рядом...

Теперь я сожалею об этом.

— Парни? — я зову, но ответа нет.

Вот тогда-то я и начинаю нервничать, вылезая из ванны в облаке пузырьков и даже не потрудившись вытереться полотенцем. Я просто натягиваю свежую пижаму так быстро, как только могу, а затем хватаюсь за телефон.

«В ванной, помогите».

Я быстро отправляю сообщение в группу, а затем беру перцовый баллончик. Я храню его в маленькой декоративной волшебной сумочке вместе с молотком, ломом, ножом и электрошокером.

На всякий случай.

— Я предупреждаю вас: у меня есть оружие. Если вы войдёте в эту дверь, я применю его со всей должной силой. — Дверная ручка перестаёт дергаться, и я замираю, слышны только моё дыхание и *кап-кап-кап* из крана. — Тебе лучше убраться отсюда к чёртовой матери, пока не появились мои друзья! — кричу я, и голос эхом отражается от мраморных стен.

Моё единственное предупреждение — лёгкий шаркающий звук позади.

Я поворачиваюсь так быстро, как только могу, и нажимаю на перцовый баллончик сверху вниз, направляя его прямо в лицо человеку в толстовке с капюшоном. Он — это определённо он — ревёт от боли, и я клянусь... Я почти узнаю этот голос.

Я не утруждаю себя тем, чтобы задержаться, направляюсь к двери и отпираю её как раз вовремя, чтобы вбежать в Черча. Он хватается за меня и отталкивает в сторону, когда появляется второй нападающий и врывается в него, сбивая их обоих на пол.

Пока они борются, другой мужчина выходит из кабинки, протирая глаза. Я всё ещё не могу разобрать, кто это, но мне всё равно. Я достаю из сумки лом, а затем изо всех сил бью по лицу этот кусок дерьма, который лежит на Черче.

Раздаётся мужское ворчание, а затем придурок встаёт, спотыкаясь, хватается своего товарища за рукав и тащит обратно к нам. Они перепрыгивают прямо через Черча, а потом просто... исчезают.

Другие парни поднимаются по лестнице, когда я помогаю Черчу подняться на ноги, хватаю несколько бумажных полотенец, чтобы вытереть кровь.

— Куда они делись? — спрашивает Рейнджер, тяжело дыша, но я качаю головой.

— Понятия не имею. — Но потом мы все видим это, мельчайшие капельки красного. И на этот раз они исходят не от меня. — Должно быть, я поранила того парню, когда ударила его этим, — говорю я, поднимая оружие.

— Здесь, — говорит Тобиас, указывая на чердачную дверь у себя над головой. Он протягивает руку и тянет за верёвку, открывая её и опуская лестницу. — Мика, давай проверим её.

Близнецы поднимаются, когда я пробираюсь в ванную, потому что, знаете ли, проблемы с месячными. Когда я выхожу и мою руки, Черч уже привёл себя в порядок и ждёт меня.

— Они определённо пришли этим путём, — кричит Тобиас вниз, когда мы образуем небольшой полукруг вокруг лестницы. — Там есть дыра, которая ведёт в одну из спален, я не шучу.

Рейнджер и Черч обмениваются взглядами.

— Мы можем одеться и последовать за ним? — спрашиваю я, немного взволнованная перспективой выследить эти куски дерьма. — Я имею в виду, после того, как я переоденусь. — Я сжимаю пижаму двумя пальцами и вздыхаю. Рейнджер оглядывается на меня, лицо его напрягается. Иногда, когда он смотрит на меня, мне кажется, что, возможно, он видит сестру на моём месте. Лучше бы он этого не делал. Не потому, что мне не нравится ощущение защищённости, но ...

— Похоже, что они охотятся именно за тобой, — говорит он низким, глубоким рычанием. — Оставайся здесь с Черчем, а мы отправимся за ними. Вы пока можете позвать слизняка Натана и директора.

— Чтобы, меня могли отослать, а эти идиоты ушли? Этого не случится. Я одеваюсь. — Рейнджер открывает рот, чтобы возразить, но я уже проскальзываю в свою комнату и хлопаю дверь. Я одеваюсь в униформу, забирая с собой сумку с оружием и телефон. Когда возвращаюсь, Черч смотрит через перила на этаж ниже, а близнецы трусцой взбираются по ним обратно.

— Ну? — спрашивает он, когда они обмениваются взглядами, прежде чем снова повернуться к нему.

— Дыра ведёт в комнату Марка Грандама. Очевидно, его там нет, и никто из его друзей не отвечает. С другой стороны, технически сегодня начало весенних каникул. Возможно, они все уехали после медосмотра. — Тобиас взъерошивает свои красно-оранжевые волосы и на мгновение закрывает глаза, прежде чем снова их открыть. — Спенсер тоже всё ещё не вернулся, иначе я бы спросил его о ней, но... дыра в потолке Марка выглядит довольно свежей. Я не думаю, что она была там раньше. Это может быть просто совпадением.

— Были ли ещё следы крови за дверью его спальни? — спрашивает Черч, пока я набираю номер отца и жду. Всё, что я получаю — это его голосовое сообщение, но, думаю, это неудивительно, учитывая время. Следующий, кому я звоню — Натан, сторож, но даже он не отвечает. Хм-м. Черч оглядывается на меня, но не утруждает себя расспросами. Я думаю, он может сказать по выражению моего лица, что я ни с кем не могу связаться.

— Совсем немного, — говорит Мика, пожимая плечами. — Кажется, след направляется к лестнице, но именно там мы его потеряли.

— Блядь. — Рейнджер начинает спускаться по ступенькам, и мы все следуем за ним, вплоть до нижнего этажа. Снаружи всё ещё льёт дождь, и не похоже, что гроза скоро утихнет. Мы все мгновение кружимся на месте, прежде чем Рейнджер замечает окровавленный отпечаток руки на стене. — Что, чёрт возьми... — он оглядывается на нас, и я пожимаю плечами.

— Может быть, парень, которого я ранила, дотронулся до лица, а потом до стены...? — я замолкаю, потому что это всего лишь случайное предположение. Рейнджер оборачивается, чтобы посмотреть на отпечаток, а затем следует за ним за угол и дальше по коридору, остальные следуют за ним. В конце есть дверь, которая ведёт в административный кабинет. Бумаги разбросаны по всему полу, а гигантский сейф отодвинут в сторону, открывая ещё одну дверь.

Рейнджер дёргает ручку, обнаруживает, что она заперта, а затем замирает, как будто ему только что что-то пришло в голову. Достав из кармана золотой ключ, он пытается открыть дверь..., и мы все слышим отчётливый звук щёлкающих замков. Тяжёлое дерево зловеще скрипит, открываясь.

— Дженика, какого чёрта? — бормочет Рейнджер, направляясь внутрь и спускаясь по

каменной лестнице, вырубленной в скале. Он достаёт свой сотовый телефон, чтобы использовать его в качестве фонарика.

— Я не уверен, что это такая уж хорошая идея, — начинает Тобиас, но Рейнджер слишком заинтересован в том, чтобы выяснить, что могло случиться с его сестрой, чтобы слушать кого-то ещё прямо сейчас.

— Ступени старого аббатства, — бормочет Черч себе под нос, обмениваясь взглядами с близнецами. Они оба пожимают плечами и направляются вниз вслед за вторым, Черч и я плетёмся за ними. Я думаю, мы все предполагаем, что, поскольку нападающих всего двое, самое большее, может быть, трое, мы будем в безопасности в большом количестве.

— Ребята, здесь внизу чёртовы туннели, — кричит Рейнджер в ответ, когда мы спускаемся по ступенькам и проходим в другую открытую дверь. Пол сырой, и здесь, внизу, пахнет плесенью, но это довольно круто, если подумать об этом, о монахах, когда-то бродивших по городу. Я вздрагиваю от этой мысли. Обычно такие старые и крутые здания можно увидеть только в других странах, но так случилось, что Адамсон — одно из старейших зданий в Америке. Это довольно уникально.

— Наверное, нам следует уйти и позвонить властям, — размышляет Черч, но Рейнджер одержим желанием узнать больше о сестре. Он едва слушает, когда начинает спускаться по туннелю, а близнецы следуют за ним по пятам. Справедливости ради, «туннель» огромен, достаточно высок, чтобы в нём поместился дом. — Хочешь, я отведу тебя обратно наверх? — он спрашивает меня, но я качаю головой.

Если мы сможем выяснить, кто эти ублюдки, мы сможем очистить имя Дженики и одновременно создать для меня безопасное пространство здесь, в Адамсоне.

«И тогда я смогу получше узнать парней, может быть, научусь сама печь торты, начну новую жизнь, которая не будет такой уж отстойной в Коннектикуте».

Я так взволнована тем, что всё это закончится — я думаю, мы все взволнованы — что недостаточно осторожны.

Дверь позади нас захлопывается, и Черч чертыхается, подбегая, чтобы попытаться открыть её. Он толкает её плечом и пробует ручку, но она не поддается. Это такая огромная, старая деревянная штука, которая выше его самого.

— Рейнджер! — зовёт он, и голос эхом отдаётся в темноте. Теперь, когда дверь закрыта, весь рассеянный свет сверху пропал. Я достаю свой телефон и направляю его на замок, в то время как остальные трусцой возвращаются к нам, шлёпая ногами по мокрому полу.

— Всё в порядке, у меня есть ключ, — говорит Рейнджер, но когда он использует его, он не подходит. Ни золотой ключ, ни серебряный. — Какого чёрта? — он пробует ещё раз с помощью обоих ключей, но ничего не происходит. Он даже наваливается на неё плечом с помощью Черча и пытается силой открыть, но с таким же успехом она могла бы быть сделана из камня. Эта чёртова штука никуда не сдвинется.

Вот тогда-то меня и осенило.

Мы здесь, внизу, в темноте, под дождём, и видим только с помощью наших телефонов.

Пора снова позвонить папе.

Я набираю номер отца, но не могу дозвониться — нет сети.

— Эй, ваши телефоны работают? — спрашиваю я, и Черч достаёт свой, чтобы проверить.

— Мы забыли наши, — отвечают близнецы, поднимая руки в умиротворяющем жесте.

— У меня есть телефон, но здесь внизу нет сети, — говорит Рейнджер, резко

выдыхая. — Должно быть, весь этот камень блокирует сигнал или что-то в этом роде.

— Мм, — бормочет Черч, включая приложение для фонарика. — У меня тоже не ловит.

Моё сердце сжимается в груди, и я внезапно чувствую тошноту.

Это не сулит нам ничего хорошего.

Это совсем не хорошо.

Мы застряли.

Мы серьёзно, блядь, здесь застряли.

— Весенние каникулы начинаются завтра, — шепчу я, чувствуя, как холод проникает в моё тело. Это просто страх, чистый и незамысловатый, но я ничего не могу с собой поделать. Мне страшно. Я в ужасе. Мы заперты в каких-то секретных долбаных туннелях под академией, академией, которая раньше была аббатством. У монахов здесь было *более двухсот миль* туннелей. Я думала, что они вроде как были заделаны или что-то подобное, но, по-видимому, это всё ещё часть местного рельефа. Как, чёрт возьми, мы должны найти выход? — Это означает, что кампус будет практически пуст. Здесь только мой папа и жуткий Натан.

Я поворачиваюсь по маленькому кругу, желая, чтобы Спенсер был здесь. Он из всех нас скорее всего нашёл бы выход из этой передраги. Но его нет. И мы в ловушке.

— Как ты думаешь, сколько времени пройдёт, прежде чем он начнёт нас искать? — спрашивает Тобиас, держа брата за руку. На самом деле это довольно мило — видеть, как близнецы вот так утешают друг друга. Но это также заставляет меня задуматься: если непоколебимые близнецы МакКарти нервничают, то и мне, вероятно, следует волноваться, верно?

— Эм... — я вздрагиваю, внезапно жалея, что так настойчиво добивалась независимости. — Утром? Может быть, позже, если он просто подумает, что я проспала?

— Это полный пиздец, — рычит Рейнджер, пиная, а затем и ударяя кулаком по тяжёлой деревянной двери. Он проводит пальцами по своим тёмным волосам, пока Черч бесстрастно осматривает комнату, его расчётливый ум перебирает миллион различных возможностей.

— Вопрос в том, — начинает он, резко выдыхая, — будем ли мы бродить вокруг и пытаться найти выход, или будем ждать?

Как только он это говорит, я смотрю вниз и понимаю, что стою примерно в двух дюймах воды (*прим. — 5 см*).

— Была ли... она так высоко раньше? — спрашиваю я. Я помню, что земля была влажной, но я не помню, чтобы была вода. Когда я поднимаю взгляд, то вижу, как Тобиас разжимает руку близнеца и подходит к встроенному в стену водостоку. Через него течёт вода.

— Чёрт, — огрызается Черч, ухмыляясь и указывая на изогнутую каменную стену рядом со мной. — Ребята, вы это видите? — мы все поворачиваемся, чтобы посмотреть, как он указывает на линию на камне над нашими головами. — Это уровень подъёма воды.

— Как... — я вздрагиваю, когда из водостока вырывается огромный поток воды.

— Как будто здесь будет потоп, и нам нужно убираться к чёртовой матери, — огрызается Мика, резко выдыхая. — Должно быть, это то место, куда стекают все ливневые стоки наверху. И, чёрт возьми, конечно же, сегодня должен идти дождь. Хрена с два, если я умру здесь сегодня ночью, я буду преследовать эту школу до конца вечности.

— Ты здесь не умрёшь, — заявляет Тобиас, тяжело дыша. — Если понадобится, я буду держать тебя над своей головой. Черч или Рейнджер могут держать Шарлотту.

— Это самая глупая идея, которую я когда-либо слышала, — огрызаюсь я на него, но в любом случае это... довольно мило. — Вы бы утонули, и мы всё равно бы умерли. Давайте

разберёмся с этим. Если стоки идут сверху, то они тоже должны куда-то выводить, верно?

Я лезу в свою сумку и достаю лом, передавая его Рейнджеру.

— Умные девушки такие сексуальные, — мягко говорит Черч, его лицо бесстрастно и холодно. Это нормально. Я знаю, что он говорит серьёзно, и улыбаюсь. Мы все собираемся вокруг, пока Рейнджер просовывает лом под край сливного люка и с помощью Мики надавливает на него так сильно, что мы слышим удовлетворительный скрип.

Она сдвигается с места, но ненамного. Это будет медленный процесс.

Вода быстро поднимается, она уже нам по колено.

— Должно быть, есть ещё несколько мест со сливом, — замечает Черч, а затем он устремляется вниз по туннелю вместе с Тобиасом. Я предполагаю, что они отправились проверить другие места, посмотреть, есть ли более простой способ выбраться.

— Не заходите слишком далеко! — зову я, приподнимаясь на цыпочки и дрожа от набегающей воды. Здесь так темно, видно только из-за телефонов; я чувствую себя так, словно нахожусь на *Титанике* или что-то в этом роде. Обхватив себя руками за грудь, я борюсь с желанием запаниковать. Это никому и ничем не поможет. Вместо этого я делаю шаг вперёд и пытаюсь направить свет под таким углом, чтобы Мике и Рейнджеру было лучше видно.

К сожалению, по мере подъёма воды это становится всё труднее и труднее. Теперь лом полностью погружён в воду. Даже *если* мы снимем решётку, нам придётся встать на колени в бурлящей воде и попытаться пролезть сквозь неё. Звучит как кошмар, но я не вижу других вариантов.

Черч и Тобиас возвращаются, плотно поджав губы.

— Если и есть другие решётки, мы их не видим! — Тобиас кричит поверх бушующей воды, подняв телефон Черча с включённым фонариком. Он освещает фонарем тёмную воду, но там почти ничего не видно.

Время тянется так медленно, вода вокруг нас поднимается всё выше и выше, свет от их телефонов и моего почти не освещает темноту.

— Получилось! — Рейнджер наконец кричит, а затем кряхтит, когда решётка движется по воде и сбивает его с ног. Черч подхватывает его прежде, чем он падает, и поднимает его на ноги.

— Сначала Шарлотта, — говорит Тобиас, и я открываю рот, чтобы возразить. — Никаких споров. — Он забирает у меня телефон и кладёт его в сумку, прежде чем взять меня за плечи и притянуть к себе. — Мика пойдёт вперёд и вытащит тебя... — начинает он, но его близнец перебивает его.

— Чёрта с два я так поступлю! Ты пойдёшь первым.

— У нас нет времени спорить, — огрызается Тобиас, скривив губы. Он оглядывается на меня, его зелёные глаза затенены темнотой. — Я буду держать тебя так долго, как смогу; Мика затащит тебя в туннель. Если вы, ребята, столкнётесь с преградой, не пытайтесь её устранить. Возвращайтесь сразу же.

Слёзы щиплют мне глаза, но вода уже поднялась так высоко, что покрывает мою грудь. Я самая низкорослая в группе; пройдёт совсем немного времени, и я полностью погружусь под воду. От холода у меня начинают неметь пальцы на ногах, и я понимаю, что переохлаждение здесь — реальная проблема. Займёт всего несколько минут, чтобы оно развилось.

— Хорошо, но никто не станет мучеником, ладно? — мне никто не отвечает, но здесь

всё равно трудно разговаривать, когда по стенам хлещет вода. Мика хватается меня за руку и сжимает так сильно, что мне почти больно, но я рада этому. Он не позволит мне выскользнуть; я знаю, что он это сделает.

— Сделай глубокий вдох, Чак. Я досчитаю до трёх, а потом мы нырнём. — Я киваю, и Тобиас встаёт рядом со мной, обхватывая меня за талию. — Один. — Я выдыхаю. — Два. — Глубокий вдох. — Три!

Мы ныряем вниз, но, *твою ж мать*, вода холодная, а течение чертовски сильное. Мика тянет меня вперёд, а Тобиас подталкивает сзади. Если бы они этого не делали, меня, честно говоря, могло бы втянуть в туннели и утащить прочь.

Мы едва можем проползать в туннеле, и, хотя над нашими головами есть крошечный воздушный карман, чтобы добраться до него, потребуется сильно наклонить голову. Если мне будет абсолютно необходимо, я переведу дух. В противном случае... мы просто должны продолжать идти.

Хватка Тобиаса ослабевает, и я понимаю, что он намеревается вернуться за Рейнджером и Черчем. На данный момент я мало что могу сделать, не причинив больше вреда, чем пользы, поэтому я продвигаюсь вперёд, отталкиваясь левой рукой от стены, в то время как Мика мёртвой хваткой держит мою правую.

Такое чувство, что эта чёртова штука длится бесконечно, и мои лёгкие начинают чесаться, а затем гореть. Как будто какой-то мстительный бог только что проклял меня ангиной и залил кислоту в мои лёгкие.

«Я долго не продержусь без дыхания», — думаю я, останавливаясь и чувствуя, как Мика прижимается к моей голове. Моя голова запрокидывается назад, и я пытаюсь вдохнуть хоть немного из этого крошечного воздушного кармана. Ко мне поступает совсем немного кислорода; но в основном вода.

Я начинаю задыхаться, но уже слишком поздно. Моё тело вдыхает без моего разрешения, и теперь я действительно это чувствую.

Я тону.

Я, чёрт возьми, тону.

Моя левая рука сжимает горло, когда Мика продвигается вперёд, с силой таща меня за собой, а я глотаю воду большими глотками, зная, что приношу больше вреда, чем пользы.

Эта расплывчатость начинает овладевать мной, когда моему мозгу не хватает кислорода, и все эти странные мысли приходят мне в голову.

Что, если бы я рассказала Спенсеру свой секрет раньше? У нас такая сумасшедшая химия. Может быть, тогда мне не пришлось бы умирать девственницей.

Я понимаю, что постепенно теряю самообладание, но что ещё я могу сделать? Я двигаюсь вперёд так быстро, как только могу. Но просто... конца ему не видно. Может быть, этот туннель тянется вечно?

Я должна просто вернуться в основную пещеру, чтобы попрощаться с остальными перед смертью.

О-о-о.

Да, я *определённо* не могу ясно мыслить.

Мика ещё раз тянет меня, последний рывок, и затем внезапно мы скатываемся по скользкому скату, как с водной горки. Крик вырывается у меня, между приступами кашля, пальцы моей левой руки царапают каменную стену. Я пытаюсь дышать, но вода хлещет вокруг меня, забрызгивая моё лицо. Мы переваливаемся через край, едва держась за руки, а

затем падаем в глубокий холодный бассейн. Течение подхватывает нас и с силой тянет вниз по другому туннелю.

«Я умру здесь», — говорю я себе, пытаюсь подготовиться к этому. Силу воды невозможно остановить, наше стремительное восхождение вверх невозможно контролировать. Я не понимаю, почему мы так быстро поднимаемся *вверх*, но затем нас с Микой выбрасывает из жерла гигантского фонтана в маленький пруд внизу.

Я встаю, у меня чертовски кружится голова, я задыхаюсь и кашляю на свежем, холодном воздухе. Дождь хлещет на нас как сумасшедший, когда Мика тащит меня к краю маленького пруда.

Близнец МакКарти вытолкнул меня из воды, так что я оказалась лежащей на спине. Чувство, что я тону, снова овладевает мной, когда он наклоняется, чтобы сделать мне искусственное дыхание рот в рот. Горячее прикосновение его губ, кажется, пробуждает меня больше, чем что-либо другое, его руки тянутся к моей груди, чтобы сжать её.

Я начинаю кашлять, и он переворачивает меня, убеждаясь, что я дышу, прежде чем попытаться отстраниться.

— Куда ты направляешься? — я откашливаюсь, и он смотрит на меня в ответ с явным, неподдельным ужасом на лице.

— Вытащить брата, — шепчет он срывающимся голосом, его слова уносит ветер. Несмотря на то, что у меня такое чувство, будто в груди полно огненных муравьёв, я приподнимаюсь и хватаю его за ногу. Спуск туда не поможет Тобиасу.

— Нет никакого реального способа, которым ты мог бы вернуться к нему отсюда, даже если бы захотел; ты не *сможешь* вернуться.

— Я должен! — кричит он мне, и даже сквозь дождь я вижу, что у него на глазах слёзы. В конце концов, он не такой уж мудака, правда? Он серьёзно переживает, этот парень. — Я должен, — шепчет он, но затем опускается на колени, и я понимаю, что я доказала свою точку зрения.

Итак, мы ждём, наблюдая за фонтаном на противоположной стороне в поисках каких-либо признаков движения. Вода льётся вниз густым нескончаемым потоком, и *даже со стоками*, расположенными ниже и справа от него, пруд переполняется. Трава вокруг нас затопляется, почти на дюйм в ней стоит вода.

— Там! — Мика вырывается от меня и прыгает обратно в воду, помогая вытаскивать хмурого Черча. В этот момент он выглядит таким человечным, мокрые волосы падают ему на лицо, он кашляет и дрожит. Я встаю, стуча зубами, и жду, затаив дыхание. — Где остальные?

— Я, блядь, не знаю! — Черч кричит ему в ответ. — Они затолкали меня внутрь, эти придурки... — его голос затихает, и двое парней ждут бок о бок, по обе стороны водостока, глядя на большое круглое жерло фонтана. Это просто декоративный круг, примерно такого же размера, как я, извергающий свой собственный нескончаемый водопад.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем появляется Тобиас, и Мика издаёт звук чистой радости, от которого мне хочется заплакать. Позже я это сделаю. Позже. Прямо сейчас слишком многое поставлено на карту.

— Рейнджер? — спрашивает Черч, но Тобиас всё ещё кашляет и пока не может ответить. Когда он это делает, лучше не становится.

— Мы согласились, что, поскольку он крупнее, для него имело больше смысла следовать за мной. Таким образом, если бы я поскользнулся, он поймал бы меня, и... — он

делает паузу, и мы все поднимаем глаза на фонтан; если это возможно, сила бьющей из него воды, кажется, увеличивается. Держу пари, там не осталось воздушного кармана.

— Блядь, Рейнджер, твою мать, — шепчет Черч, а затем, прежде чем близнецы успевают остановить его, он взбирается наверх и пытается заглянуть в отверстие. Тобиас пытается пойти за ним, но Мика удерживает его.

— Нет! Я не позволю тебе угробить себя. Этого не произойдёт, братан. — Тобиас вырывается из рук брата, но тот никуда не уходит. Вместо этого они оба просто стоят там, напрягая мышцы.

Когда Черч возвращается вниз, один, я чувствую, как внутри меня что-то разбивается вдребезги.

— Нет. — Сначала это слово произносится шепотом, но, когда Черч ударяет каменную стену рядом с фонтаном, я разваливаюсь на части. Слезы текут по моему лицу, и я начинаю дрожать, падая на колени в мокрую траву.

Это несправедливо.

Рейнджер просто хотел узнать правду о старшей сестре, которую любил. Он не может умереть вот так, не здесь. Ни за что на свете. Я встаю и соскальзываю в бассейн, переплываю его, чтобы... чтобы... чёрт, я не знаю для чего, но близнецы не дают мне пройти.

— Ты не пойдешь туда, Чак, — говорит Мика, и слёзы текут по его лицу. — Просто нет. Нам нужно пойти за помощью.

— Сходи за директором, — говорит Черч, и его голос такой резкий, что напоминает удавку. — Я останусь здесь на случай, если он... — он замолкает. Мы все знаем, что Рейнджер не вернётся.

Рейнджер утонул в тёмных туннелях под академией Адамсона.

Теперь Рейнджер мёртв.

Рейнджер мёртв.

Я пытаюсь осмыслить это, но слова отказываются проникать в мой изголодавшийся по кислороду мозг.

Сходи за папой. Может быть, ещё не слишком поздно?

Даже при том, что я знаю, что это всего лишь дурацкая сказка, призванная поднять мне настроение, я хватаюсь за неё и бегу с ней.

Близнецы провожают меня к краю, и мы все выбираемся наружу, дрожа, наши зубы стучат как сумасшедшие. Мика оглядывается по сторонам, но я почти уверена, что он в замешательстве относительно того, где именно мы находимся.

— Чёрт, нам нужен Спенсер, — шепчет он, и я чувствую, как меня охватывает тошнотворное чувство вины. Если бы Спенсер был здесь, может быть, он бы знал, что делать в тоннелях, может быть, он бы знал, куда идти? Может быть, он знал бы, куда идти сейчас?

Слёзы текут по моему лицу, пока я пробираюсь между деревьями, отчаянно ища какой-нибудь ориентир. Что-нибудь, *что угодно*, что скажет мне, где мы находимся.

— Рейнджер мёртв, да? — шепчет Мика, прислонившись спиной к дереву. Он закрывает глаза, его тело сотрясается от холода и выброса адреналина. Я оглядываюсь назад и вижу Черча, ожидающего в воде. Теперь она ему по грудь, но он не двигается. Он стоит там и смотрит на место, как собака, ожидающая своего лучшего друга. Я имею это в виду, наилучшим образом из возможных, как будто его преданность непоколебима.

— А может, и нет! Завязывай с этим, Мика, и давай просто уйдём. Давай просто начнём бежать, пока не выясним, где мы находимся. — Он протягивает руку, чтобы схватить брата

за руку, и Мика отталкивается от дерева, как будто его тело сделано из свинца. Он выглядит так, словно хочет рухнуть на землю и просто сдаться. — Оставайся с Черчем, Чак. Не позволяй ему наделать глупостей.

Я киваю и лезу в сумку за телефоном. Конечно, он должен быть водонепроницаемым, но, когда я пытаюсь его включить, у меня ничего не получается. Он либо разрядился, либо полностью сдох.

Близнецы не дожидаются моего ответа; они несутся через лес со скоростью, с которой я никогда не смогла бы сравниться. От нечего делать я возвращаюсь к пруду и перехожу на сторону, ближайшую к Черчу.

На короткое мгновение дождь прекращается, так что мне не нужно кричать так громко, чтобы меня услышали.

— Твой телефон работает? — я спрашиваю его, но он качает головой.

— Он каким-то образом выпал у меня из кармана по дороге наверх. — Его голос звучит так бесстрастно, как будто он обсуждает погоду. Это защитный механизм, я уверена в этом, но всё равно трудно это слышать.

Я сажусь, потому что мне больше нечего делать и некуда идти. Леса вокруг Адамсона густые и тянутся на многие мили; с одной стороны, граничит государственный парк. В зависимости от того, где мы находимся, мы с такой же вероятностью можем направиться как глубже в лес, так и в сторону академии.

Минуты утекают сквозь пальцы. С каждой проходящей мимо я думаю о Рейнджере. Может быть, десять-пятнадцать минут назад с ним всё было бы в порядке, он цеплялся бы за жизнь. Но теперь...

Наконец Черч вылезает из воды, и я знаю, что всё кончено.

— Вставай, и давай пойдём прогуляемся, — говорит он. Он не помогает мне подняться на ноги, просто уходит в том же направлении, что и близнецы. Он не успевает далеко уйти, может быть, сделать десять или двадцать шагов, прежде чем падает.

Я подбегаю к нему, но в его глазах ничего нет, только пустота.

Черч Монтегю — просто испорченный мальчик, а не психопат. Мне стыдно даже за то, что я так думала.

— Он был моим лучшим другом... — говорит он, когда я сажусь рядом и обнимаю его за талию, сжимая так крепко, как только могу. — Он был моим *лучшим*... — голос Черча дрожит, и он закрывает глаза от боли. — Он был. Я думаю, его больше нет, да?

Мы долго сидим так, очень долго. Может быть, слишком долго, потому что мы оба дрожим как сумасшедшие.

Мы умрём от переохлаждения, если не найдём способ согреться.

— Пошли, — шепчу я, помогая Черчу подняться на ноги. Он позволяет мне, и мы продолжаем идти, держась за руки.

Никто не говорит. В течение долгого, очень долгого времени.

До тех пор, пока мы не слышим звук удара металла о камень.

Мы с Черчем обмениваемся взглядами и начинаем бежать так быстро, как только можем, в том направлении. В земле, рядом со старым сараем, есть водосток. Это не только означает, что мы движемся в правильном направлении — ведь сарай должен быть недалеко от академии, верно? — но и то, что сквозь решётку торчат пальцы.

— Рейнджер! — Черч кричит, а потом оказывается на коленях рядом с решеткой и тянет её изо всех сил. Когда я подхожу к нему, я вижу лицо Рейнджера, задыхающегося и

кашляющего тем небольшим количеством воздуха, которое у него осталось. — Где лом?

— Не знаю, — задыхается Рейнджер, его сапфировые глаза широко раскрываются. — Чувак, я не выберусь.

— Не смей, нахрен, так говорить! — кричит Черч, поднимаясь на ноги и оглядываясь в поисках чего-нибудь, чем можно было бы приподнять решётку. Он направляется прямо к сараю и вышибает дверь.

— Эй, — выдыхает Рейнджер, его голос слабый, сиплый, когда он пытается говорить сквозь поднимающуюся воду. — Ты можешь сказать маме, что я люблю её? — я опускаюсь на колени рядом с ним, обхватывая его пальцы своими. *Неужели я собираюсь сидеть здесь и смотреть, как он тонет, когда он так чертовски близок к свободе?* Нет. Нет. Этого не может быть. — И... отдай все вещи Дженики полиции. Может быть, они... — Рейнджер глотает немного воды и начинает кашлять.

И тут я вспоминаю: у меня в сумке есть молоток.

Я высыпаю содержимое на землю, хватая его трясущимися руками. Именно эту решётку удерживает на месте замок. Я бью по нему изо всех сил, но ничего не происходит. Хотя, конечно, он такой ржавый...

Голова Рейнджера исчезает под водой, но я всё ещё вижу его глаза, умоляющие, молящие... Я использую обе руки и ударяю по замку в самом тонком месте.

Он трескается.

Я снова ударяю по нему, и ржавые кусочки отламываются. Я срываю его и зову Черча. Через секунду он уже здесь, с ржавой металлической палкой в руке. Он использует её, чтобы отодвинуть решётку, а затем ныряет вниз.

Вместе мы протягиваем руку и хватаем руки Рейнджера.

Он ужасно замерз. Он неподвижен. И вытащить его оттуда невероятно трудно, почти невозможно. Мои мышцы ноют, и я плачу, и не уверена, что у нас получится, когда, наконец, тело Рейнджера падет на землю, а мы с Черчем оба падаем назад.

Он первым вскарабкивается наверх, переворачивает друга и подносит ухо к его рту.

— Он не дышит, — заявляет он спокойно, почти слишком спокойно. Похоже, Черч может сорваться, если я чего-нибудь не сделаю. Я протягиваю руку и прикладываю пальцы к горлу Рейнджера сбоку, чтобы проверить пульс. Пульса нет, блядь.

— У меня был курс по искусственному дыханию, — объясняю я, беря инициативу в свои руки и пытаясь вспомнить всё, чему меня учили дома. Жизнь на пляже имеет свои преимущества; я точно знаю, что делать прямо сейчас. Лицо Рейнджера холодное и бледное, когда я откидываю его голову назад. — Положи руки в центр его груди, на линию сосков, и начинай нажимать. Сто раз или больше в минуту. Позволь груди полностью подниматься между толчками. — Черч немедленно подчиняется, и я жду, снова проверяя, дышит ли он.

Ничего.

— Нам нужно вдохнуть в него немного кислорода, — бормочу я, закрыв нос Рейнджера и наклоняясь, прижимаясь губами к его губам с лёгким покалыванием.

«На это нет времени, Шарлотта. Гадость».

Я вдыхаю ему в рот ещё раз, ещё, а затем отстраняюсь. Ничего. Я делаю это снова.

— Тридцать компрессий грудной клетки. — Мой голос — холодная, тихая команда, мои зубы стучат так сильно, что причиняют боль.

— Очнись, чёрт возьми, — бормочет Черч, следуя моим инструкциям.

И снова я делюсь своим дыханием с Рейнджером.

Ещё больше надавливаний.

Ещё вдох.

Всё идёт не очень хорошо. Он уже должен был бы откашливаться водой.

— Мы должны продолжать в том же духе, пока не прибудет помощь, — шепчу я, мои глаза наполняются слезами. Помощь не придёт, по крайней мере, в ближайшее время. Мы оба это знаем.

«Никогда не знаешь наверняка: возможно, близнецы уже нашли дорогу назад».

— Мы будем продолжать столько, сколько потребуется, — отвечает Черч, как будто обсуждает погоду. Я киваю. Я не остановлюсь. Ни за что. Наклонившись, я делаю ещё два вдоха, а затем отстраняюсь, ожидая, пока Черч сделает надавливания.

Как только я снова наклоняюсь, тело Рейнджера сводит судорогой, и его тошнит водой.

— Переверни его, — приказываю я, мой голос такой же спокойный и хладнокровный, как у Черча. Внутри я кричу. *Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, все будет хорошо!* Я засовываю два пальца Рейнджеру в рот, чтобы прочистить дыхательные пути, когда его снова тошнит и он начинает кашлять.

Мы с Черчем поддерживаем его, пока он зарывается пальцами в траву, делая эти долгие, сильные вдохи, от которых моё сердце становится таким чертовски счастливым.

— Эй, — шепчет Черч, когда Рейнджер садится, сильно дрожа. Он выглядит потерянным и дезориентированным, переводя взгляд с нас двоих на меня, его сапфировые глаза потемнели от теней.

— Я всё ещё жив? — шепчет он, снова задыхаясь и кашляя. Его голос такой грубый, как наждачная бумага, но я не уверена, что когда-либо слышала такой прекрасный звук.

— Едва ли, — шепчу я, и Рейнджер кивает, оглядываясь по сторонам, на его лице отчётливо читается страх. — Где близнецы? — спрашивает он, больше беспокоясь об их безопасности, чем о своей собственной.

— Они пошли за помощью, — говорю я ему, и мгновенное облегчение исчезает, когда я понимаю, что мы ещё не выбрались из леса. Жертвы утопления могут страдать пневмонией, инфекцией, сердечной недостаточностью... Кроме того, сейчас мы все подвержены риску переохлаждения. Нам нужно действовать — и быстро. — Ты можешь стоять?

— Да. Просто... поможете мне подняться? — мы с Черчем помогаем Рейнджеру подняться на ноги, а затем кладём его руку на плечи лучшего друга. Мы начинаем медленно продвигаться вперёд. Учитывая скорость, с которой мы движемся, близнецы — наша лучшая надежда на данный момент.

Звук крика заставляет нас всех остановиться, и мы обмениваемся паническими взглядами. В нём есть что-то знакомое, что мне не нравится.

— Ты можешь бежать? — спрашивает Черч, и у Рейнджера меняется выражение лица.

— Вперёд.

У меня нет времени пытаться убедить кого-либо из них, что это плохая идея. Вместо этого Черч берёт меня за руку, и мы направляемся в направлении звука.

Есть... что-то ещё, похожее на скрип веток деревьев и это ужасное бульканье...

Лес густой и тёмный, из-за чего невозможно сказать, куда мы направляемся. Честно говоря, я просто в шоке, что мы ещё не врезались в ствол дерева и не вырубались.

Звук резко обрывается, но ребята, похоже, довольно хорошо представляют, куда мы направляемся, так что я не спорю.

Когда мы выходим на поляну... время останавливается.

Там стоят близнецы. Один из них держит конец верёвки, в то время как другой, разинув рот, смотрит на тело над нами, раскачивающееся на деревьях.

Черч отпускает мою руку, и я зажимаю ею рот, чтобы подавить крик.

— Я не могу развязать эту чёртову верёвку, — рычит Мика, останавливаясь, когда видит, что мы стоим там. — Рейнджер? — шок в его голосе выводит брата из транса, и Тобиас оборачивается, чтобы посмотреть на своего друга.

— Что это...? — Рейнджер задыхается, глядя на мальчика в спортивной форме. Мальчик с серебристо-седыми волосами. — Это Спенсер? — шепчет он, когда я падаю на лесную подстилку, закрываю лицо руками и пытаюсь отгородиться от этого образа.

Что, чёрт возьми, случилось с моей беззаботной школьной жизнью, проведённой среди песка, солнца и прибоя? Почему я просто не смирилась со всем этим и не вернулась в Калифорнию, когда у меня был шанс?!

Опасность в Академии Адамсона только что стала очень, очень реальной.

Я просто надеюсь, что выживу, чтобы рассказать эту историю.

Похоже, не каждый член Студенческого совета выживет.

Продолжение следует...